ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН * СЫЧУАНЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУР

四川大学与俄罗斯科学院远东研究所
中俄文化研究中心

Владимир Абраменко

КИТАЙСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ КЛАССИКА В ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Том 2

ЧЖУН ЮН
中 庸

ЛУНЬ ЮЙ
論 語

САНЬ ЦЗЫ ЦЗИН
三 字 經

МОСКВА * ЧЭНДУ
2017

УДК 82-1(5 Кит)
ББК 84(5 Кит)
К 55

Рекомендовано к публикации Учёным советом ИДВ РАН

我们诚挚衷心的感谢中华人民共和国驻俄罗斯联邦大使馆
无私支持和培育科学研究而资助出版此书

ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН * СЫЧУАНЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУР

四川大学与俄罗斯科学院远东研究所
中俄文化研究中心

Рецензенты: профессор 刘亚丁 Лю Ядин
профессор 李志强 Ли Чжицян

Главный редактор:
профессор А.Е. Лукьянов 卢基扬 诺夫

Абраменко, В.П. 阿布拉缅科

К 55 Китайская философская классика в поэтических переводах: «Чжун юн», «Лунь юй», «Сань цзы цзин», в 2-х т. / В.П. Абраменко. – М.: ИДВ РАН, 2017. – 348 с.: ил. – (т. 2).

ISBN 978-5-906955-29-6 (т. 2)
ISBN 978-5-906955-24-1

В настоящем двухтомном издании представлены в новой редакции полные поэтические переводы на русский язык произведений китайской философской классики, таких как «Ши цзин», «Дао дэ цзин», «Чжун юн», «Лунь юй» и поэтическое переложение учебного канона «Сань цзы цзин». В первый том вошли даоский канон «Дао дэ цзин» и конфуцианский канон «Ши цзин». Во второй том включены трактаты «Чжун юн», «Лунь юй» и «Сань цзы цзин». Книги могут представлять интерес как для китаистов, так и и для читателей, желающих соприкоснуться с духовной культурой Китая.

УДК 82-1(5Кит)
ББК 84(5Кит)
К 55

ISBN 978-5-906955-29-6 (т. 2)
ISBN 978-5-906955-24-1

© Абраменко В.П., 2017

Учитель рёк: «На то она и середина –
Неуязвимая, всех совершенств вершина!
Но мало их – даже средь тех, кто был воспет –
Способных следовать средине много лет».

[«Чжун юн», чжан III]

ЧЖУН ЮН

中庸

СОДЕРЖАНИЕ

1. Чжан I 6
2. Чжан II 8
3. Чжан III..... 8
4. Чжан IV 9
5. Чжан V 10
6. Чжан VI 10
7. Чжан VII 12
8. Чжан VIII 12
9. Чжан IX 14
10. Чжан X 14
11. Чжан XI 16
12. Чжан XII 18
13. Чжан XIII 20
14. Чжан XIV 23
15. Чжан XV 26
16. Чжан XVI 26
17. Чжан XVII 30
18. Чжан XVIII 32
19. Чжан XIX 36
20. Чжан XX 39
21. Чжан XXI 57
22. Чжан XXII 58

中
庸

23. Чжан XXIII 59
24. Чжан XXIV 59
25. Чжан XXV 61
26. Чжан XXVI 62
27. Чжан XXVII 68
28. Чжан XXVIII 70
29. Чжан XXIX 72
30. Чжан XXX 75
31. Чжан XXXI 77
32. Чжан XXII 80
33. Чжан XXIII 82

Чжан I

Судьба небесная природу даровала,
Природе следовать – зовётся это Дао,
В нём совершенствовать себя, расти –
ученье,
Нельзя покинуть Дао даже на мгновенье,
А то, с чем можно распрощаться
хоть на миг,
Совсем не Дао и иной имеет лик.

Вот почему
страшится *цзюньцзы* бездны – там
Мгла беспросветная с бездоньем пополам.
Вот почему все страхи в нём обострены,
Когда стоит он над безмолвьем тишины.

Незримо в тайном ничего, и неизменно
Беззвучья тишь царит
в тончайше-сокровенном.
Вот почему
трепещет *цзюньцзы* всей душою,
Когда один он на один с самим собою.

Когда веселье с гневом
в связке неразрывной

С печалью, радостью –
зовут их серединой.
Когда ритмично с серединой расстаются,
В таком ладу они гармонией зовутся.

Средина есть
Великий корень Поднебесной,
И у гармонии есть свой узор словесный –
Всепроникающее Дао Поднебесной!

Итак… средина и гармония явились,
Земля и Небо тут же самовоплотились
И, животворное дыхание даря,
Вещам врата разверзли в лоно бытия.

Чжан II

«Из века в век, – Чжунни[1] промолвил, –
и поныне
Муж благородный
пребывает в середине.

Ничтожный[2] следует
превратно середине:
Превратность следования средине в том,
Что он запутан в безрассудства паутине,
Забыв о страхе, лезет всюду напролом».

中庸

Чжан III

Учитель рёк: «На то она и середина –
Неуязвимая,
всех совершенств вершина!
Но мало их –
даже из тех, кто был воспет –
Способных следовать средине много лет.

---

[1] Чжунни – прозвище Конфуция 仲尼, иероглиф 仲 показывает, что Чжунни был вторым сыном в семье.

[2] Ничтожный – человек, недостойный уважения.

Чжан IV

Молвил Учитель:
«Ответствует сердце уму –
Не претворяется Дао и вот почему:
Перебирает в учении Дао знаток,
Недобирает невежа – ученье не впрок.

Знаю, поскольку я сердцем
свой разум учу,
Не понимается Дао и вот почему:
Перебирает в учении Дао мудрец,
Недобирает в учении Дао глупец.

Здесь никого пред другими
нельзя предпочесть:
Не отыскать таковых,
кто б ни пил и ни ел,
Но лишь по пальцам руки
можно тех перечесть,
Кто, не хвалясь понапрасну,
постичь вкус сумел».

Чжан V

Сказал Учитель: «Дао! ... Но
Не претворяется оно».

Чжан VI

«Великий Шунь[1] – светило из светил, –
Учитель рёк, – осмысливал речения,
Выслушивать и спрашивать любил,
Отсеивал он мелкие суждения.

Добро – высóко, зло –
на дне трясины:
Меж этих крайностей Шунь выбирал,
В правлении держался середины
Вот потому и мудрым Шунем стал».

[1] Шунь 舜 (2256 – 2208 до н.э.) – один из пяти совершенномудрых государей Поднебесной (мифологическая версия). Шунь – великий реформатор в сфере музыки и летоисчисления, является символом сыновней любви, преданности и верности.

Яо (*по традиц. версии 2356 – 2258 до н.э.*).

Чжан VII

Сказал Учитель:
– Всяк молвит о себе, что он умён,
Но если в сеть его вдруг завлекут,
Или в ловушку попадает он,
Не ведает, как выбраться из пут.

Всяк молвит о себе, что он умён,
Но если путь срединный выбрал он –
Такой на том пути, как ни стараться,
И месяца не сможет продержаться.

Чжан VIII

Сказал Учитель: «Был таким Хуэй[1]:
Срединный путь он чтил из всех путей.
Когда хорошее он обретал,
Надолго в сердце запечатлевал
И этого уже он не терял».

[1] Хуэй 回 (Янь Хуэй, Янь Юань , Янь Цзыюань, 521 − 481 до н.э.) – один из способнейших учеников Конфуция. Хуэй единственный, кого Учитель наравне с собой называл философом. В 1920 в провинции Шаньдун был сооружён храм, посвящённый памяти Хуэя.

Шунь (*по традиц. версии 2256 – 2208 до н.э*).

Чжан IX

Учитель сказал:
– Можно царства
в Поднебесной уравнять,
Можно в жалованьи, в званьи отказать,
Можно в землю и оружие втоптать,
Полагать, однако,
может лишь наивный,
Что при этом претворится
путь срединный.

中庸

Чжан X

«Что есть могущество? Понять хочу», –
Как-то спросил Учителя Цзы Лу[1].

«Смотря, что Вы имеете в виду,
Различные могущества в ходу:
Есть Юга мощь, у Севера – другая,
Есть человеческая – именная», –

[1] Цзы Лу 子路 (Ю, Цзи Лу, Чжун Ю, 542 − 480 до н.э.) − ученик Конфуция, занимал высокую должность в клане аристократа Цзи и мог назначать управляющих уездами.

Учитель на мгновенье замолчал
И, продолжая, сам же отвечал:

«Коль Дао нет, за это не карать,
Великодушье, мягкость проявлять –
Вот Юга в чём могущество, и в нём
Благоучтивый основал свой дом.

Не выпускать оружие из рук,
Спать в латах, как спасение от мук
Смерть принимать без трепета –
вот в чём
Мощь Севера, все под её мечом,
Силовики опору видят в нём.

Вот потому-то благородный муж
Хранит гармонию, союзам чужд,
Упорный, ни к кому не примыкает –
Вот непреклонность, всё одолевает!

Стоит в средине, не колеблясь, он,
Вот непреклонность – ею он взращён!

Коль в царстве Дао есть, не исказят
Нрав благородного и сто наград –
Вот непреклонность, стойкость
без преград!

Коль в царстве Дао нет и хаос в нём,
Себе муж благородный верен в том:
Смерть жизни предпочтёт
из этих двух –
Вот непреклонности могучий дух!»

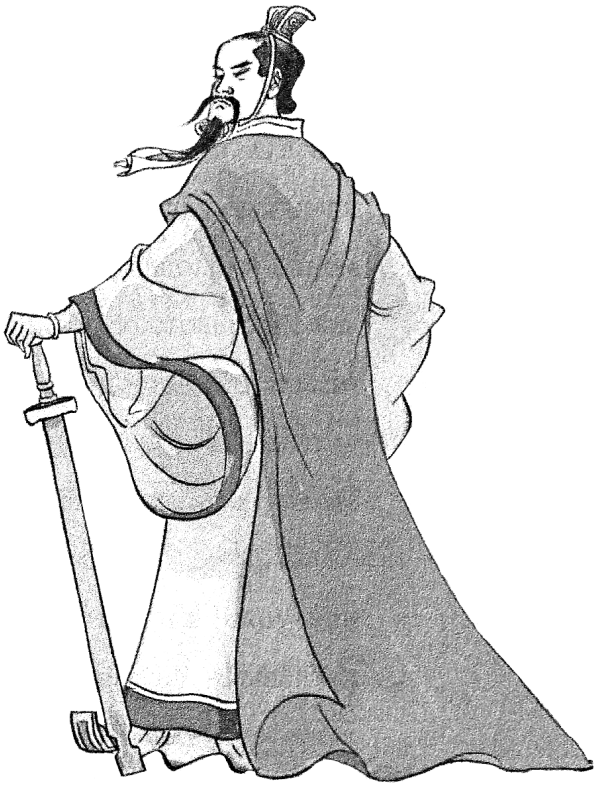
Чжан XI

Учитель сказал:
– Передвигаться тайными путями,
Проникнуть в сокровенного секрет,
Чтоб слава о тебе жила веками –
Такого у меня и в мыслях нет.

中庸

Муж благородный шествует по Дао,
На полпути сойти? Взрастить брюзгу,
Сказав себе, что сил осталось мало? –
Такого допустить я не могу.

Муж благородный следует средине,
Скрывается от суеты мирской,
Никем не знаем он, никем не виден,
Но грусти от того в нём никакой.
Не всякому таким быть суждено –
То совершенномудрому дано.



中庸

У-ван (*XI в. до н.э.*).

Чжан XII

Широ́ко Дао благородного, просторно,
Но вместе с тем и сокровенно,
непритворно.
Несведущ люд обычный,
что живёт трудом,
Но может кое-что и он узнать о нём,
Однако Дао совершенство
всё ж незримо,
И в чём-то мудрому оно непостижимо.

Простой народ
и неразумным может быть,
Он может кое-что по Дао сотворить,
Но совершенство Дао всё ж неуловимо,
И в чём-то мудрому оно непостижимо.

Вели́ки Небо и Земля, невозмутимы,
Порой, однако, недовольны люди ими.
Как слову мужа благородного не внять:
Невыполнимо в Поднебесной отыскать
Тех, кто нашёл бы сил
Великое поднять;
Проникнуть в Малое,
стараясь лезть из кожи,

Нет в Поднебесной тех,
кто это сделать сможет.
Тысячелетний опыт предков…
«Ши» итожит:

Там коршун парит высоко в небесах,
Там рыба ныряет в морские глубины.
[Ши цзин. Подножие Ханьской горы (III,I,5)]

Здесь верх и низ – сама *цзыжань*[1] – то не причуда:
Хоть Дао *цзюньцзы* свой исток берёт из люда,
Но совершенство Дао этого ищи
В границах вечных Неба и Земли.

[1] *цзыжань* – природа, естественность.

Чжан XIII

Учитель сказал:
«Когда по Дао действуешь, иди его путём,
От меры человеческой не стой особняком,
А отойдёшь – поплатишься,
придётся скорбь испить:
Не преуспеешь – не сумеешь Дао претворить.

В каноне "Ши", хранящем мудрость,
сказано о том:

中
庸

Чтоб топорище вырубить, махая топором,
Должно быть под рукою то, что служит образцом.
[Ши цзин. Вырубают топорище (I, XV, 5)]

Коль топорище вырубать, используя топор,
И не на образец, а мимо
устремлять свой взор,
От меры значит отходить,
всё больше "удаляться",
Для "отдалённого" не будет Дао претворяться.

И потому муж благородный –
так идёт от века –
Посредством человеческого правит человека.
Исправив лишь, вложив в него служения закон,
После того и остановку может сделать он.

Великодушие к низам
и преданность верхам
Недалеко стоят от Дао – видно по делам».

Фу Си *– мифический персонаж, повелитель Востока (по конфуцианской историзированной версии правил с 2852 по 2737 до н.э.).*

Чего себе бы не желал – не возжелай другим.
Четыре важных принципа
у Дао *цзюньцзы* чтим,
Для Цю[1] из них нет таковых,
что был бы одолим:
Служить отцу и так служить,
как это должен сын –
Могу сказать, пока на это не способен Цю.
Как подданному долг велит,
лишь так служить царю –
Могу сказать, пока на это не способен Цю.
Так брату старшему служить,
как должен младший брат –
Могу сказать,
пока у Цю в таких делах разлад.
Проверить прежде на себе,
что требуешь с друзей,
Пока что не способен Цю идти доро́гой сей.

Коль в добродетельном поступке
высмотришь изъян,
Не осуждай его... порой бываешь сам не прям.
Коль в добродетели своей
излишек дать посмел,

[1] Цю – от полного имени Кун Цю (Конфуций).

Не полагай, что ты исчерпал благости предел.
Дал слово – в дело претвори, то правило не рушь,
Как может быть не твёрдым в этом
благородный муж?!

Чжан XIV

Свой статус *цзюньцзы* не роняет,
вымеряет шаг,
Не примыкает ни к кому,
не тужит об утратах,
В кругу богатых и вельмож
он поступает так,
Как надлежит себя вести
меж знатных и богатых.

Средь худородных[1] находясь,
он поступает так,
Как следует вести себя
средь бедных, худородных,
А попадая к варварам –
в края, где он чужак,
Как должно он ведёт себя
средь них и им подобных.

[1] худородный – человек незнатного происхождения.

Среди бедующих людей он так себя ведёт,
Как надлежит себя вести средь них,
нужду познавших,
В какой бы *цзюньцзы* ни попал
судьбы водоворот,
Он не пойдёт путём кривых –
мораль и долг поправших.

Когда высокий пост ему
судьба кладёт у ног,
Не помыкает *цзюньцзы* теми,
кто по рангу ниже,
Не просит помощи верхов,
коль должностью обижен,
Не взыскивает он с других,
к своей особе строг.

Враждебность, злоба не доходят
до его дверей,
Не сетует на Небо он и не винит людей.
Таков уж благородный муж,
он мудрый от рожденья,
В словах правдив, в поступках скромен,
ждёт Небес веленья.
Ничтожный – опрометчив,
и ему всё нипочём:

«Хоть лёд трещит – авось, пройду
не прямо, так бочком».

Сказал Учитель: «В благородном –
то письмён порука –
Возможно нечто отыскать,
что есть в стрельбе из лука:
Коль попадает он стрелой
не в яблочко мишени,
Винит себя он одн ого,
что сам несовершенен».

Диалог Конфуция с учеником.

Чжан XV

Пути далёкому подобно *цзюньцзы* Дао,
И первый шаг на том пути – его начало;
Сродни подъёму на́ гору
по бездорожью,
И начинается у горного подножья.

В каноне «Ши» сказано:

Союз любви детей и жён –
Как сэ и циня слитный звук.
Все братья вместе за столом,
Веселье шумное вокруг.

Наполнен радостью твой дом,
Жена с детьми – любви очаг ...
[Ши цзин. Груша (II, I, IV)]

中庸

Учитель рёк невозмутимо, не во славу:
– Как эти строки
всем родителям по нраву!

Чжан XVI

Учитель сказал:
– Душа и дух – вершина Добродетели,
Всё ими полно, всё!
Всецарствованье двух!

Во мраке смотришь ли на них,
при свете ли,
Не видишь их, не слышишь их –
и слеп, и глух.

Конфуций (*ок. 551 – 479 до н.э.*).

Им форму вещную пытаешься придать,
Но безуспешно – не расширить их, не сжать.
Они людей склоняют предков почитать:
Готовить к сроку жертвенное просо,
Чтоб не смотрели с Неба предки косо;
Наряды надевать и без попранья
Вершить, как должно, предкам воздаянья.

Душа и дух то там – под Небесами,
Витают будто бы над головами,
То рядышком ступают величаво,
И слева будто бы они, и справа.

中庸

В каноне «Ши» такие строки есть:

Светлые духи бывают в палатах земных,
Ты ж, не предвидя, что явятся духи сюда,
Разве не вызовешь тем отвращение в них?!

[Ши цзин. Груша (III, III, II)]

А это по преданьям достославным
Точь-в-точь тому равно,
что в середине быть:
Меж тем, что «тайное всё ж станет явным»,
И тем, что «искреннее невозможно скрыть».

Конфуций даёт разъяснения о законе, человеколюбии, добре и зле.

Чжан XVII

Учитель сказал:
– Вот кто сыновнюю почтительность являл –
Великий Шунь!
Был мудрым, добродетельным,
Народ его, как Сына Неба почитал,
Богатств земель, где правил,
был радетелем.

Шли торжества во славу Шуня
в Предков Храме,
Обычай этот у потомков жил веками.

Вот почему в ком добродетель велика,
В том сердце зоркое, душа его легка,
Он и в чинах уйдёт на службе далеко,
И створы славы распахнутся для него,
И долголетие такому суждено.

Рождая вещи,
Небо видит в каждом всходе
Всё то, что свойственно ему, его природе,
Вот потому оно – растущее лелеет,
А то, что никнет – вырывает, не жалеет.

В «Стихах» (каноне «Ши») сказано:

Наш благородный муж осанист, величав,
Печать пресветлой добродетели на нём,
Приятен каждому и всем за добрый нрав,
Он тайной силою от Неба наделён.

Ему защита обеспечена судьбой,
С Небес ниспосланной верховною рукой.

[Ши цзин. Величествен и радостен (III, II, V)]

На царство тем, чья добродетель велика,
Согласье даст Небес всевластная рука.

Чжоу-гун даёт рекомендации
чжоускому Чэн-вану – сыну У-вана.

Чжан XVIII

Сказал Учитель: «А из тех, что восседали,
Не он ли, разве не Вэнь-ван[1]
не знал печали?
Ему отцом был сам Ван-цзи[2],
У-ван[3] был сыном,
Отец почал, продолжил сын,
стал властелином:
Тай-вана[4] он, Ван-цзи,
отца – наследник дел,
Одел доспехи, Поднебесной овладел.

У-вана слава в Поднебесной лишь росла,
У-ван – Сын Неба, усмиритель силы зла.
И Небеса ему промолвили: ″Владей
Земель богатствами меж Четырёх Морей!″

[1] Вэнь-ван 文王 (1148 – 1051 до н.э.) – «Царь просвещённый», предок дома Чжоу, сын Ван-цзи. Заложил основы чжоуских ритуалов, особо почитаемых конфуцианством.

[2] Ван-цзи 王季 – отец Вэнь-вана.

[3] У-ван 武王 – основатель китайской династии Чжоу, сын Вэнь-вана, три варианта датировки жизни: 1169 – 1115, 1087 – 1043, ? – 1025 до н.э.

[4] Тай-ван 太王 – дед чжоусского Вэнь-вана, заложил основы могущества племени Чжоу.

У-вана чествовали чинно в Предков Храме,
Обычай этот у потомков жил веками.

Вэнь-ван (*1148 – 1051 до н.э.*).

На царство жезл
ко склону дней У-ван приял,
Законы правил Чжоу-гун[1],
крепил мощь клана,
Вэнь-вана Дэ и Дэ У-вана шлифовал
И дал Тай-вану и Ван-цзи он титул "Вана".

Ввёл в царстве
жертвоприношенья ритуал
Преждерождённым *гунам*, церемониал
Простёр не только на *чжухоу*[2] и *дафу*[3]:
И на служилых[4], и на тянущих соху.

中庸

Тот, у кого отец *дафу,* а сын служилый,
С ним соответственно
прощались у могилы:
Как для *дафу* шло для такого погребенье,
Как для служилого
шло жертвоприношенье.

---

[1] Чжоу-гун 周公 – семь лет в качестве регента правил после смерти своего старшего брата У-вана.

[2] *чжухоу* – местные владетельные князья.

[3] *дафу* – ранг высокопоставленного чиновника.

[4] Служилый – человек, служащий у знати за жалованье.

Тот, у кого сановник сын, отец служилый,
С ним соответственно прощались у могилы:
Как для служилого чинилось погребенье,
Как для сановника шло жертвоприношенье.

Годичный траур по сановнику люд чтил,
По Сыну Неба трёхгодичным траур был,
А по отцу, будь он сановник иль возничий,
Как и по матери, был траур без различий».

Чжан XIX

Учитель сказал:
– Сынов почтительность
не тмит величье дум,
Ей обладали и У-ван, и Чжоу-гун:
Она и в том, чтоб в русле быть
людских стараний,
И в том она, чтоб холить плод
людских деяний.

И Чжоу-гун, и достославнейший У-ван
В весну и в осень
убирали Предков Храм:
Для ритуалов
утварь предков расставляли,
Их духам пищу по сезону подавали.

По *чжаому*[1]
шёл в Храме Предков ритуал,
И худородный тут, и знатный место знал.

[1] *Чжао* и *му* – левая и правая стороны в Храме Предков, где в центре лицом на восток ставили образ главы рода – Великого Предка (Тай цзу). По левой стороне (*чжао*) лицом на юг располагали таблички, представляющие чётные поколения предков; по правой стороне (*му*) лицом на север – таблички, представляющие нечётные поколения.

Ход церемонии был выверен в роду:
Величье каждого, кто в зале – на виду.

А как заканчивалось жертвоприношенье,
Пир начинался, подносили угощенье.
Кто рангом ниже, первым тост произносил
И с тем, кто рангом выше, он на равных пил:
В том – ритуала милость,
был он благородным,
Так проявлялось
снисхожденье к худородным.

中庸

В порядке должном и садились –
не по святости,
А по числу прожи́тых лет, по седовласости.

Престол от предков получить,
триумф их славы,
Играть их музыку, вершить их ритуалы,
Благоговеть пред тем,
что предкам в радость было,
И тех любить и чтить,
с кем дружба их сводила.
Служить с усердием умершим, как живым,
Служить ушедшим так,
как служишь ты родным,

И правил этих
соблюдать неукоснительность –
Не в том ли высшая
сыновняя почтительность!

Когда приносят жертвы Небу и Земле –
В том службы преданность
Верховному Владыке,
Когда приносят жертвы
в Храме Предков, те –
Преждерождённым служба,
чьи не меркнут лики.

Знать ритуалы *цзяо*[1]-*шэ*[2], знать изнутри
Значенье жертвоприношений *чан*[3] и *ди*[4] –
Не это ль
царством править в русле церемоний
Так, будто всё оно пред взором,
на ладони.

---

[1] *цзяо* – жертвоприношения Небу, обращены к Верховному Владыке Шан Ди.

[2] *шэ* – жертвоприношения Земле, обращены к повелителю Хоу Ту.

[3] *чан* – осеннее жертвоприношение.

[4] *ди* – большое жертвоприношение, устраиваемое один раз в пять лет в Храме Предков.

Чжан XX

Ай-гун спросил о сути
принципов правленья.
Учитель: «Выложить могу для обозренья
Дела Вэнь-вана и У-вана, их веленья.

Все начинанья ванов ясны, совершенны,
Искусно выверены, как изгибы лука,
Мудры их принципы правления, нетленны –
Они начертаны на планках из бамбука.

Коль есть достойные в стране,
то беды тают,
Законы, принципы правленья процветают.
Коль нет достойных, неизбежны упущенья:
При недогляде
меркнут принципы правленья.

На то оно и человеческое Дао,
Чтоб совершенным
управленье царством стало.
Земное Дао – ритм, гармония движений,
Своей энергией питает рост растений.
Ведь управление, как тот камыш густой,
Что к Небу тянется, сближая высь с водой.

Отсюда следует – искусство управленья
Определяется достоинством людей,
Так подбирай их по себе, являй терпенье,
Себя по Дао совершенствуй, будь прямей.
По *жэнь*[1] и Дао улучшай, почётный труд,
А *жэнь* есть то, что человеческим зовут.

Любовь к другим:
не это разве человечность –
Её величие в любви к родне растим.
Долг – это должное,
незыблем он как вечность,
Его величье множим тем, что мудрых чтим.

中庸

Любовь к родным
и почитание достойных –
Вот где истоки ритуала, а не в войнах.
Коль нет доверия низов к вышестоящим,
То править людом –
с делом нянчиться пропащим.

Вот потому и почитая, и любя,
Муж благородный совершенствует себя,

[1] *жэнь – человеколюбие*

Тем самым
близким служит он день изо дня.
О близких думая, становится мудрей,
В служеньи близким познаётся и народ,
А размышляя о познании людей,
Он не вредит себе и Небо познаёт.

Пять отношений есть,
и в практике совместной
Они собой являют Дао Поднебесной,
А то, чем в действие приводится оно,
В трёх ипостасях основных заключено.

Правитель – подданный, друг – друг,
отец и сын,
Жена и муж,
брат старший – младший брат: вот им,
Пяти, что дух людской
питают в связке тесной,
Дано являть собою Дао Поднебесной.

Блестят три качества
строкою полновесной:
То доблесть, человеколюбие и знанье,
Они и есть основа Дэ – Дэ Поднебесной,
А движет им – Одно, Одно – его дыханье.

Такие есть, кто знает это от рожденья,
Кто уясняет это через обученье,
Кто через трудности –
уж так предрешено,
И всё, что им даёт познанье, есть Одно.

Есть те,
кто следуют за этим без сомнений,
Себя от бед оберегая, злоключений.
Других зовёт идти за этим
алчность мысли:
Хотят дом яшмою набить из-за корысти.
Есть те, кто следуя за этим,
с сердцем спорят,
Но всё – Одно,
к чему они в конце приходят».

中庸

Сказал Учитель, придавая вес словам:
«Любовь к учёбе
открывает мудрость нам,
Путь к человечности – величие труда,
А путь к отваге – осознание стыда.
И все, понявшие три эти положенья,
Идут дорогой совершенства,
обновленья.

Кто совершенством овладел,
в таком нет фальши,
Он может людом управлять,
он видит дальше.
О том, кто может управлять людьми,
слог лестный,
Поскольку знает он,
как править Поднебесной.

Есть девять принципов,
как царством управлять:
Свои достоинства растить и шлифовать;
Любовь дарить родным и близким,
мудрых чтить;
Ценить министров,
и с прислугой чутким быть;
О тех заботиться,
кто, как и дети, светел –
То люд простой,
чей труд тяжёл и неприметен;
В делах поддерживать
мастеровых людей;
Быть с чужеземцами
приветливей, добрей
И привлекать в свои союзники князей.

中庸

Конфуций разъясняет ученикам содержание «Канона перемен».

И если доблести растить – не распылится
Сосуд духовности, и Дао утвердится.
И если взращивать любовь к родным –
проклятья
Не будут сеять меж собой дядья и братья.
И если мудрых почитать –
спадут с душ путы,
В пределах четырёх морей утихнут смуты.

Министров если почитать, уйдёт шумиха,
Теснить не будет дел чреду неразбериха.
Ежели искренним быть к слугам,
должным рвеньем
Они ответят – ритуальным уваженьем.

Коль люд любить,
не лицемеря ни на йоту,
И как о детях проявлять о нём заботу,
То без печалей, в счастье тысячи веков
Жить будут все сто человеческих родов.

Коль приглашать мастеровых,
то не в упадке
Хозяйства будут,
а при них – народ в достатке.

И коль не хлещет чужеземцев
лютый кнут,
К тебе со всех сторон
стекаться будет люд.

Конфуций в Великом Храме участвует в ритуале жертвоприношения.

Коль убедить князей шагать одной стезёй,
Вся Поднебесная склонится пред тобой.
Быть просвещённым,
беспристрастным, как судья,
В одежды праздничные облачать себя,
Сверять поступки,
каждый шаг свой с ритуалом –
Вот к совершенству путь!
Не будь на нём усталым!

Ложь истребляй,
будь справедливости радетель,
Распутство, деньги презирай,
чти добродетель –
Так станешь предков
приснопамятных достойным,
А сердцу радость –
будет чистым и спокойным.

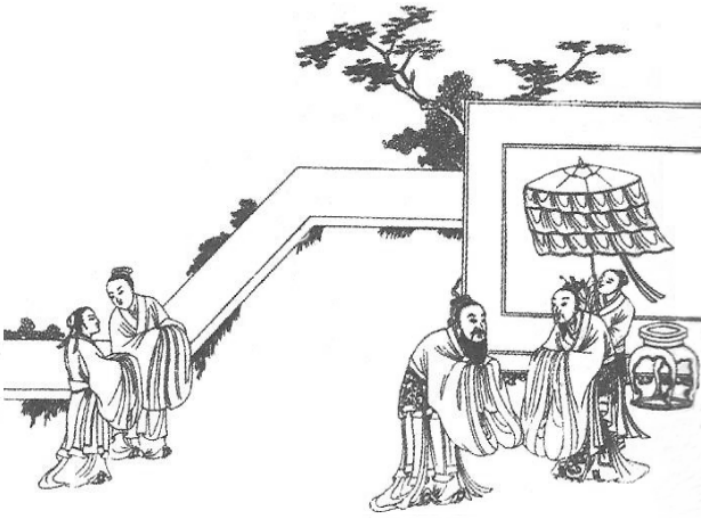
Покрыть род славою от севера до юга,
Платить сородичам достойно,
по заслугам,
Их вкусам быть созвучным,
помнить их желанья –
Тем обретать любовь у близких
и признанье.

Растить чиновников,
чтоб были в деле быстры,
Чины давать – так поощряются министры.
Внушать доверие,
платить без промедленья –
Тем поднимать служилым воодушевленье.

Брать меньше податей,
не сма́ивать работой,
Людей тем радовать и не томить заботой.
Проверки делать ежедневно,
но без рвенья
И ежемесячно отслеживать уменье.
Хвалить за службу –
вот к делам подход толковый,
Одобрит это всё народ – люд ремесловый.

Тех провожать, кто в путь отправился
далече,
И быть готовым с теми, кто приехал,
к встрече,
Искусность славить их,
жалеть их неспособность –
Так к чужеземцам проявляют
благосклонность.

Нить родословной длить,
обуздывать бунтарство
И вновь отстраивать
разрушенные царства.



Конфуций прибыл с визитом к цискому князю Цзин-гуну. Цзин-гун приглашает его первым пройти в зал.

Давать приёмы своевременно князьям,
Дарами жаловать их, славить по трудам
И принимать те подношенья,
что скромней –
Тем достигается доверие князей.

Вот девять правил
управленья в назиданье,
Для Поднебесной –
основанье процветанья.
А кто же правилами теми хороводит? –
Одно-единое их в действие приводит!

中庸

Коль подготовлены заранее дела –
То утвердишься,
нет – погибнешь в лапах зла.
Коль слово выверено и коль речь тверда –
То не оступишься, не нанесёшь вреда.

Коль дело выверено загодя, без лени –
Всё, что задумал,
воплотишь без затруднений.
Коль предварительно обдумаешь поступки –
В порок не ввергнешься,
не тронешься в рассудке.

Коль Дао выверено прежде – ни навет,
Ни злые козни не затмят душевный свет.
Коль нет доверия к верхам среди низов –
Не подчинят народ ни меч,
ни пламень слов.

Конфуций учится музыке у Ши Сяна – придворного музыканта царства Лу.

Вот Дао – судит о доверии к властям:
Коль нет доверия к друзьям – нет и к верхам.

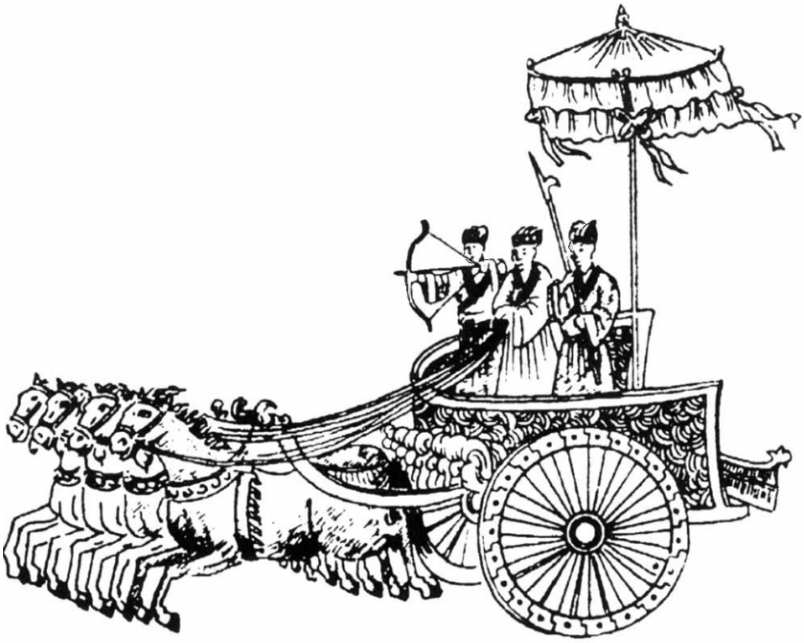
Вот Дао – судит о доверии к друзьям:
Коль послушанья нет сородичам, то тает
К друзьям доверие,
что дружбу разрушает.

Вот Дао – им...
смятенье сердца объяснимо,
И послушание сородичам в нём зримо:
Коль свою искренность
отправил ты в изгнанье,
То и сородичам не будет послушанья.

Вот Дао – судит,
есть ли искренность в тебе:
Коль не достигнешь
просветления в добре,
Не будет искренности и в твоей душе.

А что есть искренность,
и в чём её примета? –
О ней лишь сказано, что Дао Неба это:
Достигнуть искренности по нему от века
Считалось корнем жизни – Дао человека.

Таков он искренний –
правдивый справедливый,
Без размышлений обретает, без усилий,
Слит со срединным Дао,
в нём он растворён,
Великой мудростью отточен, огранён.



Боевая колесница
(*III в. до н.э.*).

中
庸

Российское издание «Четверокнижия» (2004) – «Да сюэ», «Чжун юн», «Лунь юй», «Мэн-цзы».

Кто Дао Неба выбирает образцом,
Находит искренность,
идёт шаг в шаг с добром.

Чтоб сердце к Дао пристрастить,
дотошным будьте,
Старайтесь Дао изучать, дойти до сути,
В него вникайте всякий раз
без принуждений,
Чтоб добиваться убедительных суждений.

Осуществляйте Дао щедро, одержимо,
Путём тем следуйте во всём неутомимо.
Не доучил – смотри пытливо, изучай,
Сил нет – вперёд шагай,
ещё не бездны край.
Не докопался, не добрался до корней –
Не отступай, ищи ответ, преодолей,
И если что-то не додумал до конца,
Решай, додумывай, убей в себе глупца.

Не знаешь чёткого сужденья –
мысли взвесь,
Не прояснил –
отринь с уныньем злости смесь.

Не воплотил задумку –
действуй, продолжай,
Не постарался, не доделал – не бросай.

中
庸

Чжу Си (*1130 – 1200) – учёный-энциклопедист, литератор, текстолог и комментатор конфуцианских канонических произведений.*

Там, где другой одно усилье тратит, ты –
Сто прилагай, твои окупятся труды.
Там, где другой осилить
может десять нош,
Ты в сотни раз свои усилия умножь.

Итак, достойно всё конца,
в чём есть начало,
В движеньи будь, трудись,
тогда постигнешь Дао.
Коль глупым был,
то станешь умным, дальновидным,
Коль слабым был и уязвимым,
станешь сильным».

中庸

Чжан XXI

От искренности просветление – природа.
От просветленья искренность даёт ученье.
Кто искренен,
тот просветлён наследьем рода,
Кто просветлён,
тот искренен, в нём откровенье.

Чжан XXII

Лишь Поднебесной искренность,
чей свет так чуден,
Свою природу истощить поможет людям.
Коль израсходовать свою природу сможешь –
Людей природу истощить сумеешь тоже.
Коль истощишь людей природу,
путь продолжишь –
И израсходовать вещей природу сможешь.
Вещей природу истощишь –
зачтутся дни:
Окажешь помощь силам Неба и Земли.
Сумеешь мощь свою
добавить к силам этим,
В союзе Неба и Земли ты будешь третьим.

Конфуций напутствует ученика.

Чжан XXIII

До мелочей в дела вникая в сонме дней,
Отыщешь искренность и там –
средь мелочей.
А если искренностью мелочь обладает,
Она устойчива и форму обретает.

Обретши форму, проявляется
как частность,
А проявившись, воплощается
как ясность.
Коль проясняется – не лишена
движенья,
Передвижение несёт преображенье,
Преобразуясь, совершает измененья.

Лишь Поднебесной искренность,
что совершенна,
Даёт способность к измененью –
к переменам.

Чжан XXIV

Лишь Дао искренности,
Небу столь присущее,
Дано угадывать доподлинно грядущее.

中庸

Конфуций во время странствия встречается с правителем одного из царств Поднебесной.

Когда страна живёт в преддверии
расцвета,
Конечно же случится добрая примета.
Коль гибель ждёт страну,
пред днём её заката
Нагрянут бедствия, тяжёлые утраты.
Как будет всё – тысячелистник
даст признанье,
А с ним и панцирь черепаший
при гаданьи.

Сулит грядущее и счастье, и несчастье,
Злом отзовётся ли грядущее, добром,
Ты с этой вестью будешь загодя знаком.
Вот почему подобен духу Неба суд,
Что искренностью совершенною зовут.

中
庸

Чжан XXV

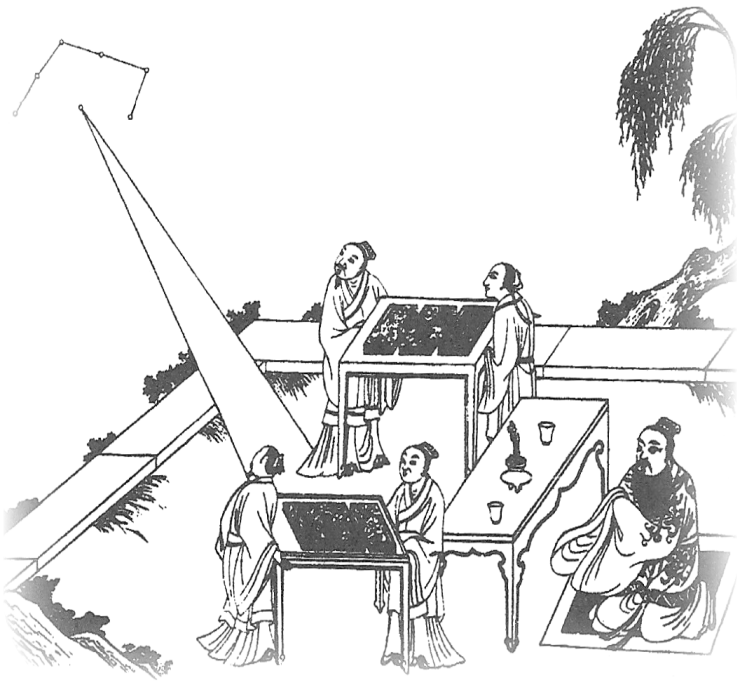
Ведь искренность –
самотворенье в беге дней,
А Дао – это самовозведенье в Дао,
Ведь искренность –
конец вещей и их начало,
А если искренности нет, то нет вещей.

Вот почему муж благородный покорён
Всецело искренностью, ей привержен он.
Где искренность – там созидание себя,
Там создаётся мира вещного семья.

Творение себя – то *жэнь,* её сиянье,
А созидание вещей узора – знанье.
Природа – это Дэ, щедра и величава.
Сплетенье внутреннего
с внешним – это Дао:
Ему великое и малое подвластно,
Вот потому ему и следуй ежечасно.

Чжан XXVI

Итак, совершенная искренность:
Она неистощимая исконно,
А коль неистощима, значит вечна,
И если вечна, то и протяжённа,
Коль протяжённа, то не скоротечна,
А долго-длительная, знать, на все века,
Коль долго-длительная, то и широка,
Коль широка, щедра, то, значит, высока.
Широко-щедрая –
на том несёт и вещи,
Высоко-светлая – тем покрывает вещи,



Конфуций закончил сочинение, совершил омовение и обратился с молитвой к Северному Ковшу (Большой Медведице). Вдруг с Неба на письмена упал красный луч. Конфуций принял это как знамение и встал на колени.

А долго-вечная – тем созидает вещи.
Широкой будучи и щедрой в том числе,
Дарует милости, она – чета Земле.
Высоко-светлой состоясь, она чиста,
Ясна и Небу всемогущему чета.

Как долго-вечная – она необозрима,
Непроявляема, но не проходит мимо
Любого ха́оса – с порядком неделима.
Не движется, но вызывает измененья,
Хоть недеяет, но она – исток творенья.

中庸

О Дао Неба и Земли так рёк поэт:
«Так как в его природе
двойственности нет,
То порожденье им
вещей непостижимо
[В своём глубинно-скрытом
та́инстве, вестимо]».
Оно и щедрое, и вечное, широкое,
Оно и светлое, и длинное, высокое.

Взгляни на Небо – лишь сияние огней,
Но если взять его
в развёрнутости всей –

В нём умещаются и Солнце, и Луна,
Узоры ярких звёзд, таящих письмена.
Ничто от Неба и никто не ускользает,
Весь мир вещей оно собою покрывает.

Из уймы щепотей она –
на Землю глянь,
Но если взять её как есть –
во всём объёме,
Она и горы держит – скажем, Хуашань,
Не зная тяжести, вмещает водоёмы,
Моря и реки, но не впитывает их,
Весь мир вещей несёт,
в ней вдоволь сил земных.

中庸

Взгляни на гору – масса камушков она,
Но если взять её как есть –
во всём объёме,
На ней трава цветёт,
растут бамбук, сосна,
И звери с птицами живут;
на горном склоне
Сверкают грани самоцветов. Вот река –
Воды́ в ней… тыща тыщ объёмов черпака,
Но там, в глубинах, обитают рыбы-пилы

И черепахи, и драконы, крокодилы.
Под толщей вод мир по-особому устроен,
В подводном царстве
много водится диковин.

中庸

Конфуций разъясняет нравственные нормы.

В каноне «Ши» об этом сказано:

– Судьба подвластна Небу,
живёт в бездонных высях,
Она неистощима в величии своём.
[Ши цзин. Судьба небесная [(IV, I, II)]

Как видно, сказано о том:
знай, кто б ты не был,
Нет выше Неба ничего, есть только Небо.

В каноне «Ши» здесь же говорится:

– Сияет добродетель Царя в душе и мыслях,
Чистейшей сути доблесть Вэнь-вана воспоём!

Слова прозрачные,
как Небо в ясный день –
Вэнь-ван премудрый
сам собой являет *вэнь*[1].
Прекрасно Дэ его, как кроны шелковиц,
Вдаль простирается, не ведая границ.

[1] *вэнь* 文 (wen) – одна из категорий китайской философской и эстетической мысли. Конфуций под *вэнь* понимал культуру, которая связана с книжной учёностью, ритуалом и музыкой, полагал, что их гармоничное сочетание с природной основой является отличительным признаком, характеризующим «благородного мужа».

Чжан XXVII

О, как совершенно премудрого Дао!
Растит, нянчит вещи, стремится туда,
Где Неба пределы, оно Величаво
И делится щедро плодами труда!

Оно состоит из трёхсот церемоний,
В трёх тысячах правил хранит этикет,
Оно ждёт таких,
кто добрей и достойней,
И только потом льёт живительный свет.

Поэтому молвится обыкновенно:
«Коль нет средь людей тех,
чьё Дэ совершенно,
Коль Дэ совершенного
в душах не стало,
Не сбудется и совершенное Дао».

Природу Дэ чтит потому благородный,
Идёт путём Дао – звездой путеводной –
До края широкого и величайшего,
До дна истощает заветно-тончайшее,
Пределы высокого им покоримы,
Идёт путём-Дао, путём середины.

Он тайны читает, причины вскрывает
И искренность в каждом
поступке являет,
В сердечности, честности
славу снискал,
И тем возвышает и чтит ритуал.

Поэтому, если судьбой вознесён
Наверх – ко двору – то не хвастает он.
Коль ранг невысокий ему уготован,
То он не бунтует ни жестом, ни словом.

Коль есть в царстве Дао,
ни много ни мало –
Он в меру речёт, чтоб страна процветала.
Коль нет в царстве Дао –
молчит он в той мере,
В которой бы был
след несчастий затерян.

Об этом же ровно канон «Ши» вещает:

– Он был умён, дыханьем добрых сил согрет,
Того хватало и себя спасать от бед.

[Ши цзин. Род людской (III, III, VI)]

Кто мудр, зло осадит, как мутную взвесь,
Сиречь – не о том же ли мысли и здесь?

Чжан XXVIII

Учитель сказал:
– Глупец полагается лишь на себя,
А подлый таков – сам себе голова,
Не чтит Дао древних, родившийся ныне:
К нему липнут беды по этой причине.

Не Сын Неба в та́инства не посвящён –
И он не силён в начертаньи письмён,
Не вносит он и в ритуал изменений
И не утверждает уклады правлений.

Повозки во всей Поднебесной
сравни –
Имеют одну ширину колеи.
Довлеет единая письменность ныне,
Моральные принципы тоже едины.

Пусть даже воссядешь
на трон Сына Неба,
Но если твоя Добродетель слабей,
Чем Дэ Сына Неба,
творить, где бы не был,
Ни музыку, ни ритуалы не смей.

Пусть даже твоя Добродетель блистает,
Но если не смог власть Верховную взять,
Не смей ритуалы творить – Небо знает –
И музыку тоже не смей создавать.

Учитель сказал [Лунь юй (III, IX)]:
– Я мог бы вынести сужденье
о ритуале дома Ся[1],
Но недостаточно свидетельств
нашлось в Ци[2] царстве для меня.
Я изучаю ритуалы,
что дому Инь принадлежат,
Не все – лишь те, что в Сун[2] остались,
и их свидетельства хранят.
Я изучаю ритуалы,
что ныне существуют в Чжоу[3],
Им твёрдо следую сегодня,
вбирая сердцем их основу.

[1] Ся – династия Ся, период правления XXI–XVI вв. до н.э.
[2] Ци и Сун – уделы, пожалованные У-ваном потомкам династий Ся и Инь.
[3] Чжоу – династия Чжоу, период правления XI–III вв. до н.э.

Чжан XXIX

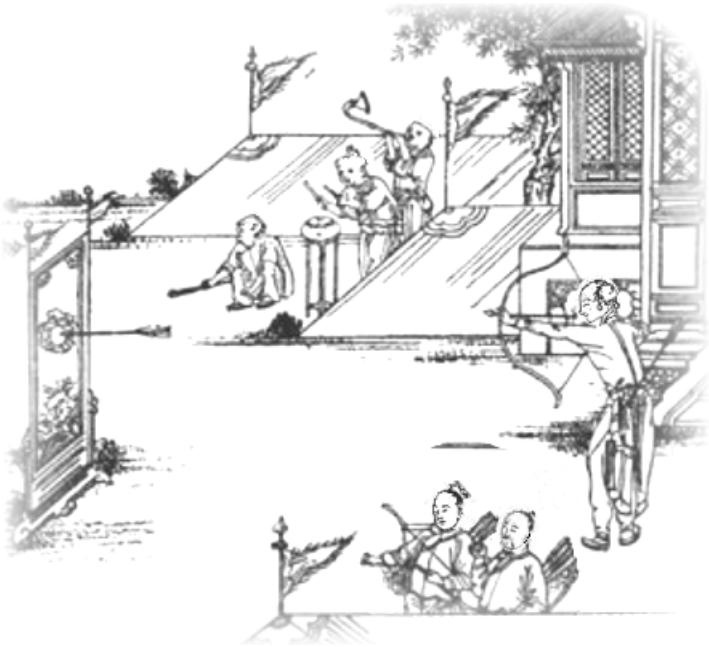
Кто в Поднебесной принял власть,
воссев на трон,
Есть два завета для него с былых времён.
Те, кто их помнит на пути
своих свершений,
Гораздо меньше допускают упущений.

Гласит один из них: «Бывает иногда,
Что не востребована в царстве доброта,
Коль спроса нет,
мертва и вера – духа плод,
Народ за тем, во что не верит, не пойдёт».

Гласит второй «Порой случись –
то как беда –
Без почитанья остаётся доброта,
Без почитанья нет и веры, а народ,
За тем, во что угасла вера, не пойдёт».

Вот почему муж благородный Дао чтит,
Он Дао пестует в себе, его хранит
И подтверждение ему всегда находит
Средь тех, кто сметкою богат –
в простом народе.

Он Дао учится, лукавство отдаля:
Три Вана[1] в деле том – его Учителя́.
Крепит он Дао между Небом и Землёй
И споры с ним всегда обходит стороной.
Взывает к духу и душе, вникая в суть
Секретов Дао, чтоб сомненья оттолкнуть.



Состязание лучников.

[1] Вэнь-ван, У-ван, Чжоу-гун.

Он ожидает, не тревожась,
без смятений –
Придёт Премудрый
через сотню поколений!

Взывать к душе и духу,
пряча тень сомнений –
Познанье Неба это, путь преодолений.
Ждать через сотню поколений без тревог
Приход Премудрого – усердия исток
Для постиженья человека… длинен срок.

Вот почему,
что благородный делал, стало
На веки вечные для Поднебесной Дао;
Как благородный поступал,
то прямиком
Для Поднебесной становилось
образцом;
И слово каждое,
что молвил благородный,
Для Поднебесной становилось
тут же нормой.

Кто далеко был,
встречи с *цзюньцзы* дожидались,
Кто близко –
им без пресыщенья наслаждались.

О том же сказано в каноне «Ши»:

– Там к ним никто не питает ни зла, ни вражды,
Здесь не наскучат они, не накличут беды.
Почестей им пожелаем в стараньях своих,
Впредь – доброй славы и милости духов святых!

[Ши цзин. Величавы белые цапли (IV, II, 3)]

Чтоб благородный был другим –
так не бывало,
Ему в веках в Стране сопутствовала слава!

Чжан XXX

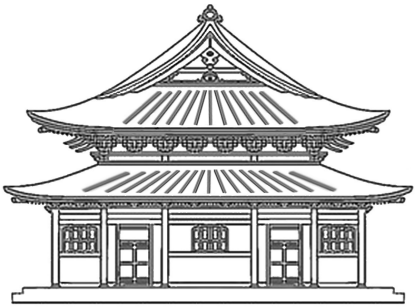
中庸

И Яо, и Шуня заветам
Чжуннú был повинен,
Законы Вэнь-вана с У-ваном
он чтил как святыни.
Вверху брал
времён круговой нескончаемый бег,
Внизу подражал
естеству почв родящих… и рек.

Равняясь на Землю, её величавую стать,
Которая может нести всё
и всё поддержать;
Равняясь на Небо,
хранящее высший закон,
Которое всё покрывает собой
без препон;

Равняясь на Лето и Осень,
на Зиму с Весной,
Которые неумолимо идут чередой;
Равняясь на Солнце с Луной,
чьё сиянье нетленно,
Которые с тьмою
сражаются попеременно –
Все вещи лелеются,
пользой своей согреваясь,
И шествуют рядом
по Дао-пути, не толкаясь.

В Дэ малом текут непрерывно
широкой рекой,
В большом Дэ всё время меняются,
чужд им покой –
И тем создаётся величие Неба с Землёй!



Чжан XXXI

Есть в Поднебесной человек:
его призванье –
Быть совершенномудрым,
та́инства хранящим,
Кто может ум такой иметь, такие знанья,
Которых хватит для того,
чтоб быть всезрящим;

Кому размах и мягкость
могут быть послушны,
Которых хватит,
чтобы быть великодушным;
Кто может силой обладать,
у порством славным,
Которых хватит для того,
чтоб быть державным;

Кто может взыскивать,
быть в деле справедливым,
Чего достаточно,
чтоб быть особо чтимым;
Кто может дать совет
как старцам, так и юным,
Чего достаточно,
чтоб быть благоразумным.

中庸

Госэкзамен в древнем Китае.

Необозримый и бездонный – это он
Ввивает жизнь свою в круговорот времён.
Он необъятен словно Небо и глубинен,
Бездонен он,
подобен тем земной пучине.
Приходит он,
и все склоняются в почтеньи,
Он скажет – верят, ступит –
все без исключенья
Полны веселья, потому за ним лавиной
И слава катится
по всей стране Срединной,
До *мань*[1] и *мо*[2] доходит песнею былинной.

Куда бы лодки ни везли и колесницы,
В какую даль
ни направлялись бы возницы,
Что ни несла бы на себе Земля, и что бы
Ни покрывало Небо – воды ли, чащобы,
И что бы Солнце и Луна ни освещали,
И где бы иней и роса ни выпадали –

[1] *мань* 蛮 – некитайские племена, варвары; южные соседи древних китайцев.

[2] *мо* 貊 – некитайские племена, варвары; северные соседи древних китайцев.

Везде, везде,
где кровь жива и есть дыханье,
Все как один ему являют почитанье.
Любовь людская для него – на все лета,
О нём и молвят: «Небесам чета!»

Чжан XXXII

Есть в Поднебесной тот,
кто искренности верен,
И ей не только предан,
в ней он совершенен.
Он утвердить способен принципы морали:
Саму основу царств – идейные скрижали;
Познать он может как вблизи,
так и вдали
Мощь созидательную Неба и Земли.

Он независим,
верой путь его отмечен!
Открыт он,
искренен, правдив и человечен.
Нема его земная бездна, глубока,
Его небесная обитель широка.

И коль случись,
в пределах четырёх сторон
Таких не будет, кто умён и просветлён,
Таких – кто в мудрости и знании велик
И тем Небесной Добродетели достиг,
То кто же может это всё впитать умом?

Конфуций объясняет, почему благородному мужу нужно непременно смотреть на воду: в непрерывном движении она как Дао, в неиссякаемости она как Дэ.

Чжан XXXIII

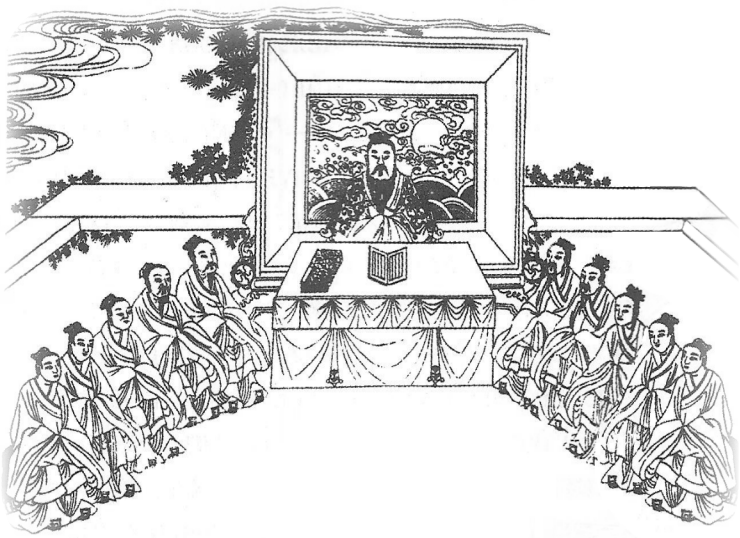
В каноне «Ши» сказано:

– Под легкой одеждой парча золотая видна.
[Ши цзин. Княжна-красавица (I, V, III)]

Здесь порицается роскошь: златую парчу
Видно под легкой одеждою. Вот почему
У благородного – Дао сокрыто, неявно,
Но замечается день ото дня постоянно;

Дао ничтожного – броско,
как блеск янтаря,
Только оно истощается день ото дня.
У благородного – Дао без запаха, пресно,
Не докучает, неслышимо и бестелесно,
Смыслы простые вбирает в себя
без подлога,
Мягко, изящно оно,
хоть и в принципах строго.

Это и есть знанье близкого
в дальне-далёком,
Знание в нравах себя,
не стеснённых пороком,



Конфуций с учениками, которых делил по достоинствам на добродетельных, знатоков, искусных в слове и искусных в политических делах.

Знание ясного в тёмном
и истины в ложном –
Это всё то,
с чем войти в Добродетель возможно.

В каноне «Ши» сказано:

– Пусть в полноводный пруд рыба попала,
Всё-таки плыть в нём, ей радости мало.
В толще воды, хоть у донного ила
Луч её высветит…

[Ши цзин. В первой луне (II, IV, 8)]

中庸

Если проникнув в глубины
душевных истоков,
Муж благородный
в себе не находит пороков,
Значит, и в помыслах не было зла у него.
Для благородного мужа
одно непреложно:
То недоступно,
что вообразить невозможно.

В каноне «Ши» сказано:

– Будь и таким же смиренным в покоях своих.
Даже один оставаясь в укромном углу,
Не говори, что не виден ты здесь никому…

[Ши цзин. Строгость манер (III, III, 2)]

Вот почему благородный –
опора-спасенье,

Даже не двигаясь, он вызывает почтенье,
Напрочь лишённый тщеславия,
высокомерия,
Он, не обмолвившись словом,
внушает доверие.

В каноне «Ши» сказано:

– Вкруг собрались, притихли и молчим,
Все распри мы отбросили и склоки.
[Ши цзин. Сияющий во славе Предок (IV, V, 2)]

Вот почему благородный
хоть скуп на награды,
Люди за то не взыскуют с него,
люди рады,
Не изливает свой гнев,
не бахвалится силой,
Люд же трепещет пред ним,
как под острой секирой.

В каноне «Ши» сказано:

– Дэ его блещет, он Доблести сын,
Тот для князей он, кому подражают.
[Ши цзин. Славу поём (IV, I, 4)]

Коль благородного служба честна и верна,
То Поднебесная вся умиротворена.

В каноне «Ши» сказано:

– Светлое Дэ разве выразит красок палитра,
Или в руках музыканта поющая цитра?
[Ши цзин. О, Преславный! (III, I, 7)]

Учитель молвил:
– Дэ украшать и озвучивать с тем,
чтоб народ
Стал исправляться –
пустые дела наперёд.

В каноне «Ши» сказано:

– Ведь добродетель, как лебяжий пух легка…
[Ши цзин. Род людской (III, III, 6)]

中庸

Запечатлённое слово –
раздумий пылинка:
Нравственный принцип
в себе заключает пушинка.

И ещё в каноне «Ши» сказано:

– Пророчества Высшего Неба – велений венец,
Ни звуком, ни запахом не проявляют себя.
[Ши цзин. Вэнь-ван (III, I, 1)]

Вот совершенство!

Учитель рёк: « *Для каждого во все лета*
Открыты знания врата!»
[«Лунь юй», XV.39]

ЛУНЬ ЮЙ

論語

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I «Изучать и…» .....
Глава II «Управлять…» .....
Глава III «В восемь рядов…» .....
Глава IV «Жить в человеколюбии .....
Глава V «Гунъе Чан…»
Глава VI «Юн…»
Глава VII «Передаю…»
Глава VIII «Тай Бо…»
Глава IX «Учитель редко…»
Глава X «В своей родной деревне…» ...
Глава XI «Ранее те, кто совершенствовался...» ...
Глава XII «Янь Юань…»
Глава XIII «Цзы Лу…»
Глава XIV «Сянь спросил…»
Глава XV «Вэйский Лин-гун…»
Глава XVI «Цзиши…»
Глава XVII «Ян Хо…» .....
Глава XVII «Вэй-цзы…» .....
Глава XIX «Цзы Чжан…» .....
Глава XX «Яо…» .....

Глава I. «Изучать и…»

I, 1

Учитель сказал:

– Найти, осмыслить, изучить,
На деле знанья применить
И вовремя, и многократно,
Да разве это не приятно!
А встретить друга – земляка,
Что прибыл к вам издалека,
И вспомнить лет ушедших младость,
Да разве не охватит радость!
Быть неизвестным, ни мгновенья
Не проявляя сожаленья,
Как и гордыни превосходства,
Да разве то не благородство!

I, 2

Ю-цзы произнёс:
– Такие люди редки, уповая
На опыт предков, это говорю,
Кто, сынопочитанье проявляя
И к старшим братьям преданность свою,
Не в ногу с властью пробует шагать
И склонен против власти выступать.
Таких же, кто не склонен власть клеймить,
Но любит смуту сеять, зло творить,
Путь длинный в десять тысяч *ли* пройдёшь,
В границах Поднебесной не найдёшь.
Муж благородный создаёт основу,
Свод правил нерушимых – слово к слову.
Основа укрепляется сначала,
За нею вслед рождается и Дао.
Всем людям, на дорогу с Дао вставшим, –
Тепло добра от очага родного.
К родителям почтенье, к братьям старшим –
Вот человеколюбия основа!

I, 3

Учитель молвил:
– Речь ловкая, лицо под лживой маской –
  Обходит человечность их с опаской.

I, 4

Цзэн-цзы сказал: «Уж так воспитан я,
В день трижды вопрошаю я себя:
Забочусь и радею о других,
Но честен ли я в помыслах своих?
Ценю друзей, общаюсь в их кругу,
Но дружбе верен ли? – себя пытаю.
Я заповеди предков берегу,
А в жизни их насколько претворяю?»

I, 5

Учитель наставлял:
– Великим царством управляя,
  Где взглядом не объять границ,
  Где подданных оберегая,
  На страже тыща колесниц –
  Служи почтительно, усердно,
  Доверие к себе крепи,
  Снижая траты, действуй верно,
  Чти искренность, людей люби.
  Народом правя, будь умён –
  Блюди круговорот времён.

I, 6

Учитель напоминал:
– Я молодёжь прошу не забывать:
Сыновнее почтенье соблюдать
В кругу семьи, а за стенами дома
Чтить старших – это аксиома;
Правдивыми, внимательными быть
И безгранично свой народ любить;
Сближаться с теми, кто добру открыт,
Кто человеколюбие хранит;
Коль силы остаются, их отдать
На труд души – культуру изучать.

論語

I, 7

Цзы Ся сказал:
– Тот, кто достоинство своё не унижает
И к сладострастию порыв превозмогает;
Служа родителям, все силы отдаёт
И на себя берёт о них весь груз забот;
Кто государю служит, слыша зов веленья,
Собой пожертвовать готов без промедленья;
Кто цену дружбе знает, не высокомерен,
И слову, данному друзьям,
без клятвы верен –
Пусть даже скажут о таком, что не учён,
Я непременно возражу – он просвещён.

I, 8

Конфуций поучал:
– Серьёзности коль в благородном нет,
Не завоюет он авторитет,
Начнёт учиться, ждёт его просчёт –
Основы знаний он не обретёт.
Цени по главным качествам людей:
Доверие и честность – нет главней.
Хорошими друзьями дорожи,
Тебя кто хуже, с теми не дружи.
Ошибку допускаешь, страх убрав,
Исправь её, признайся, что не прав.

I, 9

Цзэн-цзы молвил:
– Если свят погребальный обряд,
Если траур блюсти – долг для рода,
Если пращуров искренне чтят,
То улучшатся нравы народа.

I, 10

Цзы Цинь спросил Цзы Гуна:
– В то ли, иное царство прибывая,
Учитель умудрялся узнавать,
Какие принципы, из многих выбирая,
Власть применяет, чтобы управлять.
Он спрашивал о них, внимал словам,
Или ответ ему давался сам?
Цзы Гун на то Цзы Циню так сказал:
– Учитель, что сокрыто, постигал
Не потому, что был бесцеремонен,
А оттого, что вежлив был и скромен;
Не потому, что был притворно сладок,
А оттого, что добр, уступчив, мягок.
Учитель уяснял дела людские
Не так, как это делают другие.
Он в этом не похож на остальных,
Согласен, или мнений ты иных?

論語

I, 11

Учитель напоминал:
– Отец живой – вникай в его стремленья,
Отец почил – в его дела вникай,
Скорби, три года проявляй терпенье –
Отцовский Дао-путь не изменяй.
Кто поступает так, склоню главу –
Почтительным я сыном назову.

I, 12

Ю-цзы говорил:

– Согласие – вот ценность в ходе ритуала,
Поэтому преждерождённых *ванов* Дао
Так восхитительно, прекрасно так оно!
В большом и малом исходите из него.
Но вот чего не надо допускать:
Согласия основы понимать,
Согласие искать и заключать –
При этом ритуалом не скреплять.

論語

I, 13

Ю-цзы повторял:

– Тех могут быть слова осуществимы,
Чьи преданность и долг соизмеримы.
Кто в вежливости близок к ритуалу,
Стыда не испытает и позора.
Тому главою клана быть по праву,
Кому свой род – надёжная опора.

I, 14

Учитель рёк:
– Если муж благородный умерен в еде,
Если он не стремится к удобству в жилье,
Если он осторожен и сдержан в речах,
Если он проявляет смекалку в делах,
К обладанию Дао стремится,
Не петляя, шагает к нему,
Из таких он, кто любит учиться,
Без малейших сомнений скажу.

論語

I, 15

Цзы Гун спросил, сомненья червь не устранив:
– Богат, но не заносчив, беден, но не льстив –
Что можете Вы нам сказать на это?
В словах Учителя и суть ответа:
– Неплохо, Цы! Суждений свет не бледен,
Однако лучше, если б ты сказал:
Испытывает радость, хоть и беден,
Богат, но всё же любит ритуал.
Цзы Гун продолжил диалог высокий:
– Есть в своде «Ши» немеркнущие строки:
«Как будто выточен, как будто полирован,
Как будто огранён, как будто отшлифован».
От слов таких возликовал Учитель: «Цы!

Начать могу с тобою речь вести о ″Ши″,
Былое слыша, постигаешь сущее
И открываешь для себя грядущее».

I, 16

Учитель сказал:
– О том, что не знают тебя, не печалься,
Ты тем, что не знаешь людей, огорчайся.

Беседа Конфуция с Цзэн-цзы о высоких добродетелях преждерождённых ванов.

Глава II. «Управлять …»

II, 1

Учитель сказал:

– Кто привлекает добродетель для правления,
Тот со звездой Полярной выдержит сравнение:
Она стоит на месте, как царица,
А масса звёзд вокруг неё роится.

II, 2

Учитель молвил:

– В «Стихах» триста песен, как все их объять
И фразой одной об их сути сказать?
Насколько возможно, слова мои то́чны:
Все мысли канона «Стихов» непорочны.

II, 3

Учитель сказал:

– Если править силой жёстких указаний,
Наводить порядок с помощью кнута,
Люди будут ускользать от наказаний
И утратят чувство меры и стыда.
Если править, добродетель сохраняя,
Наводить порядок, ритуал призвав,
Вот тогда народ, стыду внимая,
Будет исправлять порочный нрав.

II, 4

Учитель поведал:
– К учёбе устремился я в пятнадцать лет.
На ноги в тридцать встал, ума набрал, окреп,
И после долгих размышлений, наблюдений
Я в сорок лет освободился от сомнений.
Веленья Неба в пятьдесят сумел познать,
А в шестьдесят на слух стал правду различать.
С семидесяти лет желаньям сердца следую
И нерушимость правил исповедую.

II, 5

論語

Спросил Мэн Ицзы о сыновнем почтенье.
Чжунни: «Ритуал – это Неба веленье».
Однажды Фань Чи вёз Учителя, тот
К Фань Чи, обратившись, сказал: «Вспомнил вот,
Спросил Мэн Ицзы о сыновнем почтенье.
″Блюди ритуал – это Неба веленье″, –
Ему я ответил». Фань Чи осторожно:
– А что это значит, подробнее можно?
Учитель ответил: «Не так уж и мало,
Родители живы – не требуй похвал,
Служи им, чтоб радость их жизнь наполняла,
Умрут – схорони, как велит ритуал.
И жертвы носи им по правилам тоже,
Храни ритуал, соблюдай его строже».

II, 6

Спросил Мэн Убо о почтенье сыновнем.
– Пока мы живём, до тех пор о нём помним,
Чтим свято заветы старинных преданий,
Так мать и отца бережём от страданий, –
ответил Учитель.

論語

II, 7

Цзы Ю для того, чтоб развеять сомненье,
Спросил у Чжунни о сыновнем почтенье.
– Об этом сегодня так могут сказать:
Умение мать и отца содержать.
Однако взять, скажем, овец, лошадей,
Их тоже содержат немало людей.
Но если не чтили бы мать и отца,
То чем бы от них отличалась овца? –
ответил Чжунни.

II, 8

У Ку́н-цзы однажды Цзы Ся пожелал разузнать,
Как можно почтенье сыновнее взглядом поймать?
«По признакам внешним его нелегко отличить,
Но если по полочкам, что я скажу, разложить, –
Поймёшь, – Кун-цзы рёк. – Вот послушай:
нагрянут дела,
Все те, кто помладше, труд старших берут на себя,
И если имеется в доме еда и вино,
То преждерождённых
всласть потчуют прежде всего.
Теперь из того, что сказал я, попробуй понять,
Не это ль сыновним почтением следует звать?!»

論語

II, 9

Учитель рёк: «Хуэй ко мне пришёл
И с ним я целый день беседу вёл.
Он не перечил, выглядел глупцом,
Сидел с непроницаемым лицом.
К исходу дня решил его прогнать,
Но стал за ним в быту я наблюдать,
И вот что прояснилось наконец? –
Хуэй, однако, вовсе не глупец!»

II, 10

Учитель сказал:
– Присмотрись, тот кто зоркий, вникает:
Почему же он так поступает;
Уясни, из чего он исходит;
Отыщи, в чём покой он находит.
И укрыться ему будет сложно,
От тебя разве спрятаться можно?!

II, 11

Учитель говорил:
– Кто, повторяя старое, вперёд
Нацелен и о новом узнаёт,
Кто схватывает дела суть легко,
Наставником могу назвать его.

II, 12

Учитель изрёк:
– Взглядом скажу ли, вымолвлю вслух ли
Муж благородный – не утварь на кухне.

II, 13

Цзы Гун, спросил о благородном муже.
Ответ Учителя услышал тут же:
– Он прежде делом слово измеряет
И для других уж после изрекает.

II, 14

Учитель подчёркивал:
– Муж благородный – искренности друг –
И без выкраивания по образцу
Собой являет совершенство-круг.
Из маленьких людей и мудрецу
С его уменьем созидать
Круг-совершенство не создать.

II, 15

Учитель предостерегал:
– Без размышления учёба – в чудо вера,
А без учёбы размышление – химера.

論語

II, 16

– Инакомыслие преследовать губительно, –
Негромко рёк Чжунни, но убедительно.

II, 17

Сказал Учитель: «Ю, яви внимание,
Я научу тебя, в чём сущность знания:
Что знаешь, называй то знанием,
Не знаешь что, незнанием считай,
Тогда придёт к тебе и понимание,
Что это знание и есть, вникай».

II, 18

Цзы Чжан обучался карьерному росту,
Об этом Учитель сказал ему просто:
– Больше слушай, лучше примечай,
Всё сомнительное исключай,
Осторожно говори об остальном,
И не будут осуждать тебя ни в чём.
Есть опасность – встреч с ней избегай,
И как можно больше наблюдай,
Осторожно действуй в остальном,
Меньше будешь каяться потом,
Будешь сдержан в разговоре, шутках,
Станешь реже каяться в поступках,
Приложи к делам всем эту меру
Вот тогда и сделаешь карьеру.

II, 19

Ай-гун спросил: «Есть мудрый ход
Склонить к покорности народ?»
«Смелее выдвигать прямых
И ставить над кривыми их», –
Чжунни ответ Ай-гуну дал...
И после паузы сказал:
– А если выдвигать кривых
И ставить над прямыми их,
Тогда народ лишь обозлится,
Тогда народ не покорится.

II, 20

Цзи Канцзы спросил:

– Добиться можно способом каким,
Чтоб стал народ в стране почтительным,
Старательным чтоб стал, притом свою
Он не утратил преданность царю?

– Предстань величественным перед ним,
И будет он тогда почтительным.
Сыновний долг пред старшими блюди,
Добро и милосердие дари,
Тогда и будет преданным народ,
И мысль об измене не придёт.
Искусных и способных возвышай,
Незнаек, неумелых обучай,
Сам образцовым будь, взыскательным,
Тогда и будет люд старательным, –
ответил Учитель.

II, 21

Некто у Кун-цзы, спросил:
– Едва ль, кто может
с Вашей мудростью сравняться,
Не Вам ли делом управления заняться?
Учитель рёк: «Читать хронистов надо Вам,
Канон "Истории" напоминает нам:
"Проявляй почтительность сыновью,
Если нужно проявлять её;
Относись по-дружески, с любовью
К младшим, старшим братьям – это всё
В управление и выливается".
А если это управлением зовут,
То в управлении и состоит мой труд».

論語

II, 22

Учитель сказал:
– Да разве есть подобному примеры,
Чтоб не было у человека веры?
Когда оглобли не имеют скрепы,
Нет хомута с кольцом, ох, как нелепы
Потуги ехать, будь ты впрямь удалый,
Хоть на большой повозке, хоть на малой.

II, 23

Спросил Цзы Чжан –
любитель размышлений:
– Учитель наш, а можно ли узнать,
Что будет через десять поколений?
– Да, это можно, Чжан, предугадать.
Инь зижделась на ритуале Ся,
Известно то, как Инь вела дела:
Изъяла что из правил, что внесла.
Инь ритуал положен был в основу
Пришедшей ей на смену эры Чжоу.
Известно тоже, Чжоу что изъяла,
Что обновила в нормах ритуала.
И даже через сотню поколений
Грядущее возможно предсказать,
Поскольку всё о ходе изменений
По нормам ритуала будем знать, –
ответил Учитель.

論語

II, 24

Учитель заметил:
– Кто душам предков не своих в их честь
Приносит жертвы – проявляет лесть.
Бездействует, хоть к делу долг взывает,
Он мужество из сердца выдворяет.

Глава III. «В восемь рядов …»

III, 1

Конфуций сказал о роде Цзи:
– О ритуале речь, не об игре –
В восемь рядов танцуют при дворе.
Коль можно это вытерпеть, чего ж
Нельзя стерпеть, хочу спросить вельмож?

III, 2

論語

Под звуки «Юн» – под это гимна пение
В порядок утварь приводили в Доме Трёх
После обряда жертвоприношения.
Конфуций вымолвил: «Таится здесь подвох!
Вы вдумайтесь в слова, дела свои прервав:
"Князья в служении здесь
помогают предку,
Сын Неба с нами! Величав он, величав!"
Уместны разве эти строки в Доме Трёх?
Осудят предки – слышу горестный их вздох».

III, 3

Учитель рёк:
– Без человечности и человек пропал –
К чему же музыка тогда и ритуал?

III, 4

Спросил Линь Фан о сути ритуала.
«О, то вопрос вопросов!» – прозвучало
Из уст Учителя. Ответ бы был не полон,
Не поясни Учитель сказанное словом:
– Для ритуала мера – роскоши важней,
При погребеньи – скорбь важнее мелочей.

III, 5

Учитель сказал:
– У И и Ди
Имеются цари,
Но там при них
Отнюдь не лучше,
Чем в Ся без них.

論語

III, 6

Цзи Тай-горе стал жертвы приносить.
Учитель, встретившись с Жань Ю, спросил:
– И ты не смог его отговорить?
– Не смог, то было выше всяких сил.
– Печально, коль рассудку посох нужен,
Выходит, Тай-гора Линь Фана хуже? –
произнёс Учитель.

III, 7

Учитель сказал:
– Муж благородный состязаний избегает,
Но если вынужден, из лука лишь стреляет.
Приветствует всех церемонно, в зал входя,
Как должно, вежливо во всём ведёт себя,
Не применёт он, выходя, вина испить,
Его соперничество – благородным быть.

III, 8

– Что значат строки «Ши», –
спросил Цзы Ся, –
«Чарующей улыбки красота
И ясный взгляд прекрасных глаз
Узором вспыхнули на белизне лица?»
Чжунни: «Порядку всё подчинено,
Грунтует прежде мастер полотно,
Осуществляет тонкую шлифовку,
Кладёт уж после краски на грунтовку».
«Так, знать, – Цзы Ся, воскликнув, просиял, –
И «после», а не «прежде» ритуал?!»
Чжунни промолвил: «Вот, дождался дня,
Нашёлся тот, кто воскресил меня!
Ты, Шан, зажёг очаг моей души,
С тобою можно говорить о ″Ши″».

III, 9

Учитель пояснил:
– Я мог бы вынести своё суждение
О ритуале Ся, но, к сожалению,
В уделе Ци, где поиск я свой вёл,
Свидетельств недостаточно нашёл.
Я мог бы вынести своё суждение
О ритуале Инь, но, к сожалению,
В уделе Сун, где поиск я свой вёл,
Свидетельств недостаточно нашёл.
Причина очевидна, дело в том,
Что мало ныне мудрых и письмён.
Останься больше их – и мне видней:
Я всё бы разъяснил до мелочей.

論語

III, 10

Учитель сказал:
– Традиция, увы, искажена:
С момента возлияния вина,
Как в Храме Предков
протекает служба дале,
Я видеть не хочу,
не место мне быть в зале.

III, 11

В суть *ди* проникнуть некто возжелал,
Учителя спросил , тот отвечал:
– Не ухватил её, не обессудь,
А если бы сумел постигнуть суть,
Я так бы Поднебесной управлял,
Как будто мироздание познал,
Как будто круг времён изведал весь,
Как будто Поднебесная вот здесь!
В лукавом взгляде промелькнул огонь,
И указал он на свою ладонь.

論語

III, 12

Приносят жертвы предкам,
будто они живы,
И духам тоже, в том почтительно учтивы.
– Коль я на жертвоприношение послал
Взамен себя кого-нибудь, то ритуал
Не состоялся для меня, стал миражом –
И это значит, не участвовал я в нём, –
сказал Учитель.

III, 13

Вансунь Цзя спросил:
– «Не лучше ль преклоняться
перед очагом,
Чем перед юго-западным углом?»
– Не так! Кто перед Небом провинится,
Тому не будет места, где молиться, –
ответил Учитель.

III, 14

Учитель восклицал:
– Примеры двух династий как основу,
Как образец в себя впитала Чжоу.
Она культурою овеянная вся!
За Чжоу следую поэтому и я.

III, 15

Учитель, посетив Великий Храм,
Стал спрашивать, что происходит там.
Не без ехидства некто бросил в зал:
– И сын цзоусца знает ритуал?!
Учитель тут же подобрался весь:
– А это, впрочем, ритуал и есть!

III, 16

Учитель сказал:
– В стрельбе из лука важно уяснить:
Отнюдь не главное мишень пробить.
Не только в силе суть авторитета –
Издревле Дао подтверждает это.

III, 17

論語

В день извещения о новолунии
Цзы Гун задумал прекратить
Барана в жертву приносить.
– Тебе баран дороже стал,
А мне дороже ритуал, –
упрекнул Учитель.

III, 18

Учитель сетовал:
– Служить во всём по ритуалу
Правителю – почту за честь,
Люблю всё делать по уставу,
Другие в этом видят лесть.

III, 19

Дин-гун спросил: «Поведай мне,
Как управляет царь в стране
Чиновниками? Разъясни,
Как служат все ему они?»
Учитель: «И сейчас, и встарь
Всё также правит государь:
Он привлекает ритуал –
Крепит тем власти пьедестал.
Чиновники несут царю
На службу преданность свою».

論語

III, 20

Учитель сказал:
– Что в песне «Гуань цзюй» такого? –
Сплав дивный музыки и слова.
Когда с весельем исполняют,
Льнёт к сердцу и не развращает.
Коль льют печаль в стихах напевных,
Не причиняет ран душевных.

III, 21

Ай Гун озадачил Цзай Во, мол, не зря
Сажали деревья вокруг Алтаря.
Ответил Цзай Во: «Ритуал – Небом дан,
Правители Чжоу сажали каштан,
А иньцы – другие деревья, и близ
Родных алтарей рос у них кипарис.
У сяских владык выбор пал на сосну,
Обычаи помнили, чтя старину.
Деревья сажали же при алтарях,
Чтоб сеять в народе безудержный страх».
Учитель, услышав, сказал:
«Древность чтим –
Над тем, что при Чжоу есть, суд не вершим,
И иньцев за прошлое не укоряем,
И Ся за былое винить не желаем».

論語

III, 22

Учитель сказал:
– Гуань Чжун заслуг никаких не снискал,
  Талантами скромными он обладал.
«А, может, Учитель, – спросил его кто-то, –
Он был бережливым, всё делал с расчётом?»
Учитель: «Нелишне напомнить кому-то,
Гуань Чжун, чтоб знали, имел ″три приюта″.
Чиновники были в них небезупречны –
В служебных делах нерадивы, беспечны.
Как может считаться тогда справедливым
Сужденье – его называть бережливым?»
Тут голос всё тот же опять прозвучал:
– Пусть так, но, быть может, он знал ритуал?
Учитель изрёк: «Есть и здесь закавыка –
Экран перед входом поставил владыка,
Гуань Чжун последовал в этом за ним.
Владыка для встречи с владыкой другим
Имел постамент для сосудов с вином,
Гуань Чжун такой же поставил в свой дом.
И если считать, что он знал ритуал,
То кто же тогда ритуала не знал?»

III, 23

Беседуя с наставником дворцовых музыкантов
из царства Лу, Учитель молвил:
– О, музыка – гармонии полна,
Лучами мудрости озарена.
В начале исполнения
С ней будто бы сливаешься,
В дальнейшие мгновения
Как будто очищаешься,
Светлеешь будто бы,
Истому чувствуешь, прилив блаженства,
И вот душа вкушает совершенство.

論語

III, 24

Чиновник из И видеть Цю пожелал,
Приехал к нему на приём и сказал:
– Среди благородных, кто здесь появлялся,
Таких не сыскать, с кем бы я не встречался.
Себя так представил чиновник из И.
К Чжунни провели его ученики.
Прощаясь, сказал им, отвесив поклон:
– Что грустны вы так, словно в день похорон?
Уже в Поднебесной давно Дао нет,
От Неба Учитель получит завет,
Для всех – от царя и до лусца простого –
Как колокол будет звучать его Слово.

III, 25

Учитель сказал:
– Я в музыку «Шао» всем сердцем влюблён:
Во всём хороша и прекрасна во всём.
И с музыкой «У» отдыхает душа:
Прекрасна во всём… не во всём хороша.

III, 26

Сказал Учитель: «Правят без усердия,
Без добрых помыслов, без милосердия.
Нет к ритуалам должного почтения,
Из них изъяли дух благоговения.
Когда проводят траурный обряд,
Не понимают сути – не скорбят.
Мне боль душевную не запереть,
Я не могу на это всё смотреть».

Глава IV. «Жить в человеколюбии …»

IV, 1

Учитель вопрошал:
– Жить в человеколюбии – прекрасно,
Так мудрость изрекает беспристрастно.
Кто избегает поселиться в нём,
Имея выбор, разве он умён!?

IV, 2

論語

Учитель рёк:
– Кто человечность
не сумел в себе взрастить,
Не может долго бедность выносить.
Его и радость, если посетит,
То долго он её не сохранит.
Кто человечен, тот в ладу с собой,
Находит в человечности покой.
Умелый человечность привечает,
И из неё он пользу извлекает.

IV, 3

Учитель заметил:
– Таким лишь человечный может быть –
Способен ненавидеть и любить.

IV, 4

Конфуций поучал:
– Устремишь к человечности помыслы
И забудешь про злобные промыслы.

IV, 4

Конфуций поучал:
– Устремишь к человечности помыслы
И забудешь про злобные промыслы.

IV, 5

Учитель сказал:
– Богатства, знатности так страждет человек,
Но, выбрав путь неверный, будет жить в унынье,
Ведь, обретя их, не распорядится ими.
Позор и бедность ненавидит человек,
Но путь ошибочный избрав – тропу кривых,
Их обретя, он не избавиться от них.
Коль в благородном человечность пропадёт,
То как он имя совершенное вернёт?
И даже трапезу когда он совершает,
О человечности и здесь не забывает.
С ним вместе в трудный час она, он ей храним,
Она и в спешке непременно рядом с ним.

IV, 6

Учитель сожалел:
– Таких я не встречал, кто это сочетает:
Кто к человечности любовь хранит в груди –
И ненависть к нечеловечности питает.
Кто человечность любит, тех не превзойти.
Кто ненависть к нечеловечности питает
И в то же время человечность проявляет,
Не допускает, чтоб так дело обернулось –
Нечеловечность чтобы с ним соприкоснулась.
Найдётся ли, кому хотя бы на день хватит
Терпения на человечность силы тратить?
Не удалось ещё такого повстречать,
Кому для этого бы сил недоставало.
Быть может, где-то эти люди есть, как знать,
Но до сих пор с такими встречи не бывало.

IV, 7

Учитель сказал:
– Ошибся ль некто? Всё ответ решит,
К какому *дану* он принадлежит.
Всмотрись в ошибку, вытащи на свет –
Поймёшь, он человечен или нет.

IV, 8

Учитель молвил:
– Услышишь если утром Дао-путь,
То можешь вечером навек уснуть!

IV, 9

Учитель сказал:
– Когда учёный муж стремится к Дао,
Но платья своего, что обветшало,
И скудной пищи он стыдится,
Ему не стоит время уделять,
Чтоб о великом Дао рассуждать.

論語

IV, 10

Учитель говорил:
– Одним живёт он, сердце озаботив:
Ни с чем ни «за» и ничему не «против»,
Срединную гармонию хранит
И действует как долг ему велит.

IV, 11

Учитель сказал:
– Благородный муж мыслями к Дэ устремлён,
А простой человек о земном размышляет.
Благородный не мыслит нарушить закон,
А простой лишь о милостях свыше мечтает.

IV, 12

Учитель увещевал:
– Подвизаться только выгоду стяжать –
Значит злобу в Поднебесной умножать.

IV, 13

Учитель сказал:
– Как ритуальную уступчивость привлечь,
Чтоб государством управлять? О чём тут речь!?
Коль с помощью её не могут управлять,
Причём здесь ритуал, позвольте мне узнать?!

論語

IV, 14

Учитель сказал:
– Не печалься о том, что остался без места,
Добивайся того, чтоб взойти на престол.
Не печалься, что имя твоё неизвестно,
Действуй так, чтоб талант твой известность обрёл.

IV, 15

Учитель объяснял:
– Шэнь, Дао в том и состоит моё –
Пронизывать одно-единым всё.
Цзэн-цзы заметил: «Так и есть!» Учитель вышел.
Ученики спросили Цзэна: «Ты всё слышал.
Что значит это?» Цзэн: «То проявление
Двух качеств: верности и снисхождения».

IV, 16

Учитель сказал:
– Суть в долге благородный обретает,
А низкий сутью выгоду считает.

IV, 17

Учитель наставлял:
– Достойного встретишь, понять
Попробуй, как ровней с ним стать.
Сведёт с недостойным стезя,
Проверь непременно себя.

IV, 18

Учитель сказал:
– Служа родителям, намёком убеждай.
Не слушают – над ухом не трещи,
Не смей перечить и почтенье проявляй.
Приходиться трудиться – не ропщи.

IV, 19

Учитель предупреждал:
– При родителях живых
Далеко не будь от них.
Пребывай в известном месте,
Подавай им чаще вести.

IV, 20

Учитель сказал:
– Печаль великая пришла –
отца не стало,
Три года не меняй отцово Дао
И память светлую храни о нём.
Сыновняя почтительность есть в том.

IV, 21

論語

Учитель напомнил:
– Нельзя не вспоминать о том,
Что возраст матери с отцом
Не только радость дарит нам –
Она с печалью пополам.

IV, 22

Учитель сказал:
– Обычай древних был таков:
На ветер не бросали слов,
Стыдились быть изобличённым –
Не поспевать за изречённым.

IV, 23

Учитель подчеркнул:
– Кто сдержан, знаем на примере,
Что у него малы потери.

IV, 24

Учитель рёк о благородном муже:
– Нетороплив в словах,
Стремителен в делах.

IV, 25

Учитель уверял:
– Не бывает одинокой добродетель,
Рядом с ней всегда сосед-радетель.

IV, 26

Цзы Ю предостерегал:
– Служа царю, расчётлив будешь –
Позор с несчастьями пожнёшь.
Пренебрежение добудешь,
Когда от дружбы выгод ждёшь.

Глава V. «Гунъе Чан …»

V, 1

Учитель: «Зять такой, как Чан, мне нужен,
Достоин дочери моей быть мужем.
Неволи тяжесть он сполна познал,
Но нет вины за ним, зря пострадал».
Учитель верен слову, как царю –
Он Чану в жёны о́тдал дочь свою.

V, 2

論語

Учитель сказал о Нань Жуне:
– Когда в стране препятствий нет для Дао,
  Он пользу принесёт, его обширны знания.
  Когда покинет государство Дао,
  Он смертной казни избежит и наказания.
Дочь брата старшего, племянницу свою,
Нань Жуну в жёны потому и о́тдал Цю*.

V, 3

Учитель сказал о Цзы Цзяне:
– Какой он благородный муж, и в нём
  В гармонии культура с естеством!
  Но не было бы благородных в Лу,
  Откуда взяться бы ему?

* Цю – Конфуций.

V, 4

Цзы Гун спросил: «Каков я в самом деле?»
Учитель: «Ты сосуд». Гун: «Неужели?!
Какой сосуд?» «Ты для добра просторен,
Ты жертвенный сосуд для зёрен», –
ответил Учитель.

V, 5

Некто заметил:
– Юн человечностью не обделён,,
  Но красноречием он не блистал.
– А красноречие-то тут причём? –
На то ему Учитель отвечал, –
  Остроты, что язвительные мнения,
  Рождают в людях чувство отвращения.
  Не знаю, человечен, нет ли он,
  Но красноречие-то тут причём?

V, 6

Учитель попытался убедить
Цидяо Кая к службе приступить.
Тот отвечал: «Пока мне, вот такому,
Доверия чуть больше, чем "кривому",
На службу рано мне идти к правителю».
Такой ответ понравился Учителю.

V, 6

Учитель попытался убедить
Цидяо Кая к службе приступить.
Тот отвечал: «Пока мне, вот такому,
Доверия чуть больше, чем "кривому",
На службу рано мне идти к правителю».
Такой ответ понравился Учителю.

論語

V, 7

Учитель рёк: «С собой я не в ладу,
Поскольку ныне Дао не в ходу.
Взойду на плот и к морю поплыву.
А кто со мной, – им будет, верно, Ю?!»
Цзы Лу, услышав это, просиял.
Учитель же неспешно продолжал:
– Пусть превзойдёт Ю, судя по всему,
По храбрости Учителя с лихвой,
Да только леса не сыскать ему,
Чтоб плот построить для меня такой.

V, 8

Спросил Мэн Убо о Цзы Лу:
«А Лу человечен?» «Солгу,
Сказавши, что знаю об этом», –
Учителя было ответом.
Позднее Убо вновь спросил,
Учитель ответ пояснил:
– Лу может быть послан в страну,
Где волею царственных лиц
Возможно с врагом на войну
Отправить не менее тыщи
Готовых к боям колесниц,
Ему можно там поручить
Рекрутский набор проводить,
Но вот человечен ли он,
Вопрос для меня не решён.
Спросил Мэн Убо: «Ю каков?»
– Ю можно поставить главой
Селения в тыщу дворов,
Он мог бы и твёрдой рукой
Владеньем таким управлять,
В котором могли б выставлять
На стражу исконных границ
До ста боевых колесниц.
Понять, человечен ли Ю,
Мне трудно, и я промолчу.

Убо вопрошать продолжал:
«Каков Чи?» Учитель сказал:
– А Чи, тут не буду гадать я,
Надев ритуальное платье,
Сумеет, попав в царский двор,
С гостями вести разговор.
А есть человечность ли в нём?
Судить не могу я о том.

V, 9

Спросил у Цзы Гуна Учитель: «Сумей
Вопрос разрешить – тебя лучше Хуэй?»
– Учитель, помилуйте, как я посмею
Подумать,
что ровней могу быть Хуэю?!
Хуэй, об одном услыхав, множит цели –
Десятое знает уж вскоре,
А я, услыхав об одном, еле-еле
Постигнуть могу лишь второе.
Учитель промолвил:
«Ответ мне твой ясен.
Не ровня ему ты, не ровня… согласен».

V, 10

Цзай Юй заснул. На спящего Цю бросил взор.
«На дереве гнилом не вырезать узор, –
Промолвил Цю, не стал он брови хмурить, –
И стену из навоза не оштукатурить.
К чему ему мои упрёки?» Помолчал
И после этого он снова продолжал:
– Вначале в отношениях с людьми
Я слушал речи их и верил, что исполнят.
А ныне в отношениях с людьми
Я речи слушаю и жду, когда исполнят.
Теперь иначе на людей смотрю я,
Во мне такая перемена из-за Юя.

論語

V, 11

Учитель сказал:
– Пока я кремня-человека не встречал.
Спросить, услышав это, некто возжелал:
– Шэнь Чэн для этой роли неприемлем?
– Чэн похотлив, куда ему быть кремнем? –
ответил Учитель.

V, 12

Цзы Гун молвил:
«Чего не желаю, чтоб делали мне,
Желаю не делать другим». «Но тебе, –
Учитель сказал своё веское слово, –
Как ты не желай, не достигнуть такого».

V, 13

Цзы Гун сказал:
– Суждения Учителя о вэнь-культуре
Услышать всё же удалось,
Речений же о человеческой натуре
И Дао Неба – не пришлось.

V, 14

Усердный Цзы Лу, получив наставленье,
Ещё не закончив его выполненье,
Разлад отвергая меж делом и словом,
Боялся того, что услышит о новом.

V, 15

Озадачил в беседе Учителя Цы:
– Почему величают «культурным» Вэньцзы?
– Он учиться любил, доходить до ответов,
Не чурался от нижестоящих советов.
Кун Вэньцзы был настойчивым, благоразумным,
Потому-то его величают «культурным», –
ответил Учитель.

V, 16

論語

Учитель сказал о Цзы Чане:
– Он Дао благородных обладает,
Оно четыре качества включает:
вести себя достойно, с уважением;
быть преданным, служить верхам с почтением;
в заботе не отказывать и милости;
использовать народ по справедливости.

V, 17

Учитель сказал о Янь Пинчжуне:
– Был добрым, от людей гнал прочь печали,
И потому его так долго почитали.

V, 18

Учитель досадовал:
– Черепаху Цзан Вэньчжун в домик поместил,
Разукрасил капители, он изобразил
В виде гор на них картины, столбики над матицей
Он обвил рисунком лилий ... В голове с сумятицей
Как бороться? Ох, Вэньчжун,
Что же у тебя за ум?

V, 19

論語

Цзы Чжан в вопросах был неутомим:
– Спрошу, Цзы Вэнь министром был каким?
Он пост министра трижды занимал,
Но радости своей не выражал,
И трижды этот пост он оставлял,
Неудовольствия не проявлял.
Другого, кто сменял его, министра
Вводил в курс дел без волокиты – быстро.
– Был преданным! – Учитель отвечал,
И вновь вопрос от Чжана прозвучал:
– А человечным можно звать его?
– Да нет, навряд ли? Впрочем, знал бы кто…, –
Учитель рёк. Цзы Чжан опять спросил:
– У Чэнь Вэньцзы какой характер был?
Когда убили государя Ци,

(Известно, что убийцей был Цуй-цзы),
То Чэнь Вэньцзы, немногий из людей,
Бежал из Ци, не взяв своих коней.
Придя в другое царство, молвил он:
«Здесь, к сожалению, вельможи
На нашего Цуй-цзы похожи,
И мне тут находиться не резон».
Ещё в одном соседнем царстве
Напомнил тоже о коварстве
Вельмож, похожих на Цуй-цзы –
Убийцу государя Ци.
На то Учитель рёк: «Был чист!»
Цзы Чжан напорист и речист:
– А человечным можно звать его?
– Не думаю, а впрочем, знал бы кто…, –
ответил Учитель.

V, 20

Про Цзи Вэньцзы – министра – говорят, что он
Обдумывает трижды, действует потом.
Учитель, услыхав о том невольно,
Промолвил: «Дважды – и того довольно».

V, 21

Учитель рёк: «Вот Нин Уцзы каков:
Когда в стране был слышен звук шагов
Великого в своём величьи Дао,
То мудрость Нин Уцзы не покидала;
Когда исчезло Дао из страны,
Стал выглядеть глупцом со стороны.
Принять его, конечно, мудрость можно,
Но глупость – совершенно невозможно».

V, 22

論語

Воскликнул, находясь в уделе Чэнь, Учитель:
– Всё! Возвращаюсь в царство Лу – свою обитель!
Ученики мои совсем уж распустились,
Дерзят, в делах небрежны, возгордились.
На виртуозное писанье их гляжу,
Как урезонить всех – ума не приложу!

V, 23

Учитель сказал о Бо И и Шу Ци :
– Да хоть завязать три узла,
Чтоб не позабыть, на верёвке –
Не вспомнят ни старого зла,
Ни о мимолётной размолвке.
Поэтому редко любезность
Меняли они на враждебность.

V, 24

Учитель порицал:
– Кто сказал, что Вэйшэн Гао прям?
Человека судят по делам:
Некто уксус попросил у Гао,
Уксус Гао у соседа взял
И просившему его отдал.

V, 25

Учитель сказал:
– Внешний лоск, почтительность чрезмерная,
Слово ловкое и речь манерная –
Цзо Цюмина то ввергало в стыд,
И моё лицо стыдом горит.
Злобу на кого-нибудь таить,
Продолжая дружбу с ним водить, –
Цзо Цюмина то ввергало в стыд,
И моё лицо стыдом горит.

V, 26

Когда Цзы Лу и Янь Юань стояли рядом,
Учитель молвил, их измерив взглядом:
– Уж коли вместе вы, хочу у вас спросить,
Могли бы мне свои желания открыть?
Сказ первым начал о себе вести Цзы Лу:

– Хочу возок иметь и платье на меху,
  С друзьями пользоваться ими, жизнь вкушать,
  А обветшают быстро – не переживать.
Затем и Янь Юань продолжил свой рассказ:
– Не выставлять хочу заслуги напоказ
  И доброту свою избавить от похвал.
Цзы Лу спросил: «А что б Учитель возжелал?»
Учитель молвил: «Что же, вот ответ мой вам:
Хочу дать отдыха, покоя старикам,
Вселить мне хочется доверие в друзей,
Взрастить достойных для Отчизны сыновей».

V, 27

Учитель с горечью: «Ох, нелегко!
Всему конец! Не встретил я того,
Кто, видя промах свой, не стал кривить –
Себя в душе сумел бы осудить».

V, 28

Учитель сказал:
– Даже в селении из нескольких домов
  Такие есть средь юных, зрелых, стариков,
  Кто не уступит мне ни в верности,
  Ни в прямодушии, ни в честности.
  Но им в одном не превзойти меня:
  В любви к учёбе первым буду я!

Глава VI. «Юн …»

VI, 1

Изрёк Учитель: «Юн подобен кругу* –
Он может быть посажен ликом к югу».

VI, 2

Чжун Гун спросил:
«Каков Цзысан Боцзы?»
Учитель рёк: «Достойней будешь ты.
Поставил б я его, имей возможность,
На менее значительную должность».
Чжун Гун спросил Учителя опять:
– А можно ли народом управлять,
Когда в почтенье до высот дорос,
Но назначаешься на низкий пост?
Не правильней ли, думается мне,
Тебя на низкий пост и назначать,
Когда с людьми ты теми наравне,
Кто низкий пост лишь может занимать?
– Ты рассуждаешь здраво о делах,
Имеется резон в твоих словах, –
ответил Учитель.

* Круг в конфуцианстве символ Неба и совершенства благородного мужа (*цзюньцзы*).

VI, 3

Свой разговор Ай-гун повёл с расспросов:
– Из Ваших кто учеников философ?
– Таким был Янь Хуэй, – Чжунни ответил, –
Не повторял ошибок и на ветер
Слов не бросал, не вымещал свой гнев,
Но рок его настиг, судьбу презрев.
Он жребий безотрадный получил,
К несчастью, преждевременно почил.
Давно не слышал про таких людей,
Кто б так любил учиться, как Хуэй.

VI, 4

Отправлен Цзы Хуа был в Ци.
Зерна для матери его
Пришёл выпрашивать Жань-цзы.
Учитель молвил: «Одного
Ей хватит *фу*, вели отправить».
Сказал Жань-цзы: «Прошу прибавить».
Учитель: «Дай ей *юй* один».
Жань-цзы отсыпал ей пять *бин*.
Учитель молвил: «Знаю, Чи,
Когда поехал в царство Ци,
Отбыл на сытых лошадях,
Одет был в платье на меху.

А благородный мудр в делах,
Его поступки на слуху –
Попавшим в сильную нужду,
Муж благородный помогает
Набраться сил прогнать беду,
Богатых не обогащает.

VI, 5

Когда Юань Сы управляющим был,
Конфуцию в должности этой служил,
Конфуций дал Сы девятьсот мер зерна,
А Сы говорит: «И одна не нужна».
– Отказ неразумен, зерно забери!
Своим помоги, кто из *линь* и из *ли*,
Из *данов* и *сянов* – всем людям родным,
Подумай о тех, кто тобою любим, –
ответил Конфуций.

VI, 6

Сказал Учитель о Чжун Гуне: «С мыслью ясной,
И радует делами,
От пёстрого быка телёнок рыже-красный,
С хорошими рогами.
При всём желании для жертвоприношений
Он не употребим,
Но разве духи гор и рек во дни дарений
Пренебрегли бы им?»

VI, 7

Учитель сказал:
– Хуэя сердце – для других сродни то вечности –
Могло три месяца гостить у человечности!
Сердца других лишь день живут в ней,
если ж дни –
От силы месяц у неё гостят они.

VI, 8

論語

– Чжун Ю возможно к управлению привлечь? –
Канцзы так начал вопросительную речь.
– Ю смел в принятии решений, потому,
Что может в этом воспрепятствовать ему? –
Учитель молвил. «То же сможет делать Цы?» –
Полюбопытствовал ещё раз Цзи Канцзы.
– Цы проницательный, способен угадать.
Так почему же он не сможет управлять?
– А Цю* возможно к управлению привлечь? –
Канцзы продолжил вопросительную речь.
Учитель рёк: «Талантов Цю не занимать,
Что помешать такому может управлять?»

* Цю – Жань Ю.

VI, 9

Управляющего в город Би,
Вознамерился найти Цзиши.
К Мин Цзыцяню он гонца послал,
Мин Цзыцянь посланцу отвечал:
– За меня дай вежливый отказ,
  Позовёт опять – на этот раз
  Я переселюсь в верховья Вэнь,
  Пережду в одной из деревень.

論語

VI, 10

Боню смертельно занемог.
Учитель навестил его,
За руку взял через окно
И с чувством состраданья рёк:
– Не быть бы этому, не быть,
  Но ведь судьбу не изменить!
  Такого человека вдруг
  И одолел такой недуг!
  Такого человека вдруг
  И одолел такой недуг!

VI, 11

Учитель молвил:
– Хуэй достойный человек сполна!
Довольствуется тем, чем обладает:
В день ковш сырой воды
да горсть зерна –
Всё пропитание, ему хватает,
И в захолустном переулке он живёт.
Другой лишений этих не перенесёт.
Хуэй доволен участью своей,
Какой достойный человек Хуэй!

論語

VI, 12

Жань Цю сказал:
– Не то, чтоб с Вашим Дао
мне не по пути,
А просто сил недостаёт за ним идти.
Учитель рёк: «В ком силы не хватает,
Такой на полдороге замирает.
Сказав о том, что не хватает сил,
Ты сам себя сейчас остановил».

VI, 13

Учитель сказал Цзы Ся:
– Ты будь учён, как благородный, –
вот твой путь,
Учён, как мелкий человек, –
таким не будь!

VI, 14

В Учэн стал управляющим Цзы Ю.
К нему с вопросом обратился Цю:
– Ну, как, ты подобрать людей сумел?
Цзы Ю в ответ: «Да, пристально смотрел,
Достойных от бездарных отличил,
Таньтай Мемина я заполучил –
Не ходит он окольными путями,
Меня не донимает пустяками».

VI, 15

Учитель сказал:
– Мэн Чжифань своих заслуг не выставлял,
Отступало войско – в арьергарде был,
А когда в ворота города въезжал,
Он подстёгивал коня и говорил:
«Оставаться сзади – не велик почёт,
Да вот конь мой что-то не идёт вперёд».

VI, 16

Сказал Учитель: «Ныне век такой:
Без перлов красноречия Чжу То,
Хотя и с Чжао сунского красой,
Беды, увы, не избежит никто».

VI, 17

Учитель вопрошал:
– Да разве труд великий в дверь пройти?!
Что ж не идут по этому пути?

論語

VI, 18

Учитель сказал:
– Когда естественность культуру затмевает,
То деревенщина во всём преобладает.
Когда естественность в культуре незаметна,
От книжности уйти – старанье тщетно.
Коль естество с культурой в равной мере
Друг с другом сочетаются,
Быть торжеству прекрасной цели –
Муж благородный получается.

VI, 19

Учитель предостерегал:
– Живёт по правде человек – он тем и жив.
Живёт по кривде – будь он хоть везучий,
Не проживёт, себя от бед отгородив,
Спасёт его, быть может, только случай.

VI, 20

論語

Учитель рёк:
– Извечной мудрости нам следует держаться:
Знать – не любить, любить – не наслаждаться.

VI, 21

Учитель сказал:
– Кто выше среднего ума,
С тем говорить о высшем можно.
Кто ниже среднего ума –
Такое просто невозможно.

VI, 22

Фань Чи о мудрости спросил, её природе.
Не стал Учитель от ответа отстраняться:
– Быть справедливым, думать о народе,
Чтить духов, демонов,
но к ним не приближаться –
Вот мудрости заветные ключи.
О человечности спросил Фань Чи.
– Кто человечен, трудности пройдёт
И дням успеха он откроет счёт,
Удача льнёт к тому, кто любит труд,
То люди человечностью зовут, –
ответил Учитель.

VI, 23

Учитель молвил:
– Кто мудрый наслаждается водой,
А человечный любит горы.
Кто мудрый меряет просторы,
А человечный бережёт покой.
Кто мудрый – радостен, сердечен,
А человечный – долговечен.

VI, 24

Учитель сказал:
– Как только в Ци наступят перемены,
Оно на царство Лу похожим станет.
Как только в Лу наступят перемены,
Так к Дао берегам оно пристанет.

VI, 25

Учитель воскликнул:
– Что на кубок не похоже,
Зваться кубком то негоже!

VI, 26

Цзай Во спросил:
– Тому, кто человечный, может статься,
«Упал в колодец человечный», – некто скажет.
Не следует ли вслед за ним бросаться?
– У благородного холодный ум на страже.
Способен он на смерть пойти во имя цели,
Но не допустит опрометчивости в деле.
Его, конечно, можно подманить,
Но благородного не обхитрить.
Быть опрометчивым – не по нему,
Такого не заманишь в западню, –
ответил Учитель.

VI, 27

Учитель сказал:
– Муж благородный, видя далеко,
Культуру изучая широко,
Себя уравновесив ритуалом,
Не переступит меры даже в малом.

VI, 28

Хоть встреча с ней худой молвой грозит,
Нанёс Учитель всё ж Наньцзы визит.
Цзы Лу был недоволен и бурчал,
Учитель же как клятву повторял:
– Отвергнет Небо пусть меня,
Оплошность если сделал я!
Отвергнет Небо пусть меня,
Оплошность если сделал я!

VI, 29

– И лишь стремленье к середине, –
рёк Учитель, –
Верх совершенства созидает –
Дэ обитель.
Однако редко удаётся встретить ныне
Того, кто долго мог бы следовать средине.

VI, 30

Цзы Гун спросил:
– Если в роде людском отыскался бы тот,
Кто, стремясь от страданий избавить народ,
Многим радость бы, благо сумел подарить,
С кем такого возможно бы было сравнить?
Человеколюбивым назвать – верно, нет?
Дал Учитель Цзы Гуну подробный ответ:
– Человеколюбивым?! Не только! Притом
Я назвал бы его совершенным умом.
Даже Яо и Шунь о подобном пеклись!
В человеколюбивом дух тянется ввысь:
Утверждая себя, он других утверждает;
Возвышая себя, он других возвышает.
В нём – уменье сближаться, примеры искать,
Я такое искусство осмелюсь назвать
Человечностью – во́т надо что почитать.

Глава VII. «Передаю …»

VII, 1

Учитель сказал:
– Передаю я, но не создаю,
И верю в древность, и её люблю,
Не стать ей в памяти, пока живой я, тленом,
Себя сравнить осмелюсь в этом с Лао Пэном.

VII, 2

Учитель произнёс:
– В молчанье знанием себя обогащать,
Без пресыщения учиться, постигать,
Не уставая наставлять других –
Так что же есть во мне из качеств сих?

VII, 3

Учитель сокрушался:
– Дэ не оттачивают, не шлифуют,
Что знают, то не практикуют.
Долг слышат, но, живя другим,
Не могут следовать за ним.
С недобрым справиться не в силах,
Во мрачном свете дней унылых
Бредут неправедным путём –
Вот я сейчас скорблю о чём.

VII, 4

Уйдя в отставку, не был он расстроен,
Был прежним – удовлетворён, спокоен.

VII, 5

Учитель сказал:
– Как опустился я! Давно уж мне
Князь Чжоу-гун не видится во сне.

VII, 6

Учитель наставлял:
– Стремитесь к Дао, с Дэ не расставайтесь,
В делах на человечность опирайтесь,
К искусствам интереса не теряйте,
В них для себя отраду обретайте.

VII, 7

Учитель сказал:
– Даже те, кто ко мне приходил
Лишь со связкою мяса сушёного,
Я совет и для них находил,
Не кичился молвою учёного.

VII, 8

Учитель молвил:
– Кто знать не жаждет, тем не помогаю,
Кто слов не ищет, тем не открываю,
А тем – кому, случись такое вдруг,
Восток указываю я и вопрошаю,
Скажите-ка, где север, запад, юг,
И те не знают, – им не повторяю.

VII, 9

Присутствуя на трапезе поминовения,
Лишь пробовал Учитель угощения.

VII, 10

Когда Чжунни скорбел,
То он в тот день не пел.

VII, 11

Учитель Янь Юаню говорил:
– Мы действуем, когда нас призывают,
Скрываемся, когда нас отстраняют,
Лишь мы вдвоём с тобою таковы.
Цзы Лу спросил Конфуция: «Вот Вы,
Учитель, если б сталось так, что в бой

Пришлось Вам войско князя повести,
Кого бы в помощь взяли Вы с собой?»
– Того, кому хватает мудрости.
Не взял того бы, кто, тряхнув плечами,
Пойдёт на тигра с голыми руками,
Кто, не усевшись в лодку, поплывёт,
Рискуя сгинуть в тёмных глубях вод.
А взял бы я с собой не шалопая,
Кто осторожен, к делу приступая,
В чьих планах не отыщется прореха,
Кто добивается во всём успеха, –
ответил Учитель.

VII, 12

Учитель сказал:
– Если богатства возможно добиться,
Многое я соглашусь одолеть,
Стану для этого даже возницей,
Тем, в чьих руках им послушная плеть.
Если нельзя же добиться богатства,
Буду желаньем своим пробавляться.

VII, 13

Всё, что поста касалось, и болезней, и войны,
В том был серьёзен и внимателен Чжунни.

VII, 14

Музыку «Шао» услышал Чжунни
В дни пребывания в княжестве Ци.
Вкуса мясного он не ощущал
Долго – три месяца, после сказал:
– Вот что меня в эти дни изумляло,
Что исполнение музыки «Шао»
Может достичь совершенства такого,
Не ожидал я, для слуха так ново!

論語

VII, 15

Жань Ю спросил, желая знать ответ:
– За вэйского царя Учитель? – нет?
– Узнать могу, – Цзы Гун проговорил
И, подойдя к Учителю, спросил:
– Бо И с Шу Ци людьми какими были?
– Достойными, в далёком прошлом жили.
Цзы Гун опять: «На что-нибудь роптали?»
«Шли к человечности и обретали, –
Сказал Учитель, – что же им роптать?»
Цзы Гун пошёл к Жань Ю, чтоб передать:
– Ответ получен от Учителя,
Он не за вэйского правителя.

VII, 16

– Сплю, под щёку руку подложив,
  За водою на родник хожу,
  Ем простую пищу, тем и жив,
  Для себя в том радость нахожу.
  Знатность и богатство не по мне
  Коль нечестно нажиты они,
  Облаком плывут пусть в вышине, –
Говорил ученикам Чжунни.

VII, 17

Учитель сетовал:
– Поживи я чуть подольше
  Лет лишь несколько всего,
  Пять лет, десять или больше,
  Я б потратил их на то,
  Что отдал бы сердце в плен
  Изученью «Перемен».
  Путь свой, что порой был зыбок,
  Спас бы от больших ошибок.

VII, 18

Когда Чжунни об этом говорил,
Наполнен воодушевленьем был:
О «Ши», о «Шу», о соблюденье ритуала,
Изящно речь его и красочно звучала.

VII, 19

Пытливый Шэ-гун любопытством томим,
С вопросом к Цзы Лу обратился:
– Конфуций слывёт человеком каким?
Но слов от него не добился.
Учитель поздней обратился к Цзы Лу:
– Так что ж не сказал ты, какой он?
Что он не подходит за пищей к столу,
Когда увлеченьем напоен.
Печаль забывает, коль радостью дом
Заполнен, прочь гонит тревоги
И думу на сердце не держит о том,
Что старость уже на пороге.

VII, 20

Учитель сказал:
– Я не из тех, кто от рождения сметлив
И сразу смог постичь её,
Я из таких, кто древность возлюбив,
Проникнуть силится в неё.

[Вариант перевода]:
Учитель сказал:
– Не от рожденья я сметлив
И сразу знаньем обладаю,
Я тот, кто древность возлюбив,
Упорно им овладеваю.

VII, 21

Не говорил Чжунни о духах,
О чудесах, о силе, смутах.

VII, 22

Учитель сказал:
– Случись идти втроём нам, не теряюсь,
Я для себя извлечь урок стараюсь:
Что доброе в них нахожу, то принимаю;
Недоброе что отыщу, то исправляю.

VII, 23

Учитель молвил: «Небо, а не мрак
Во мне родило Дэ,
Но почему же Хуань Туй вот так
Относится ко мне?»

VII, 24

Учитель сказал своим ученикам:
– Вы, полагаете, я скрытен стал?
Нет, ничего от вас я не скрываю.
И что бы ни творил, то не без вас,
Таким я был, таким и пребываю.

VII, 25

Учил Конфуций четырём вещам,
Всех приглашая в свой духовный храм:
культуре и долготерпению;
любви, добру и поведению;
не лгать, друзей не предавать;
служить царю и доверять.

VII, 26

Учитель говорил:
– Не удалось мне мудрого заметить,
А благородного возможно встретить.
Не приходилось тех, кто добрый, мне видать,
А постоянен кто, тех можно повстречать.
Кто неимущим был, а стал имущим,
Был пуст, но исхитрился полным стать,
Разбогател, а бедно был живущим, –
Тем постоянством трудно обладать.

VII, 27

Конфуций рыбу только удочкой ловил,
На ловлю рыбную он с сетью не ходил.
Стрелой привязанной в летящих птиц стрелял,
Но птиц, сидевших на гнезде, не убивал.

VII, 28

Учитель сказал:
– Возможно, это и бывает,
Найдётся средь людей такой,
Кто знанием не обладает,
Но мастерит. А я другой:
Я много слушаю, вбираю,
Что ценно, следую ему;
Смотрю и всё запоминаю –
Так знание своё ращу.

VII, 29

Народ селения Ху Сян
Любым увещеваниям
Навстречу шёл с большим трудом.
Вот почему пришедший в дом
К Учителю хусянский отрок
Услышал подле двери ропот.
Ученики, что там стояли,
Впускать ли отрока, не знали.
Учитель молвил: «Пусть войдёт,
Неловкостью не будет скован,
Ведь очищения он ждёт,
Сюда для этого пришёл он.
Очиститься ему позвольте,
Кто он неважно, дверь откройте!»

VII, 30

Сказал Учитель: «Человечность далека?
Я пожелал её – и тут как тут она».

VII, 31

Сыбай, что из местности Чэнь, вопрошал:
– А Чжао-гун, знает ли он ритуал?
Учитель ответил: «Да, знает». Ушёл.
Сыбай, Ци впустив, разговор с ним повёл:
– Я слышал о том, будто кто благороден,

В поступках своих беспристрастен,
Однако и он от страстей не свободен,
Порою над чувством не властен.
Себе в царстве У государь взял жену,
Она была той же фамилии,
И стал называть её Мэнцзы из У,
Страстей ли не это всесилие?!
И коль ритуала он суть понимает,
То кто же тогда ритуала не знает?!
Об этом Учителю Ци рассказал,
Учитель, услышав, «восторжествовал»:
– О, счастье мне! Если я вдруг ошибусь,
Ошибки мои будут знать наизусть.

VII, 32

Когда Чжунни в компании встречался
С людьми, которые поют – и хорошо,
Их повторить просил он пение ещё,
Потом и сам к ним присоединялся.

VII, 33

Учитель сказал:
– Лишь Небо знает – мой наставник главный,
В культуре вряд ли мне найдётся равный.
Но вот чтоб выйти в благородные мужи –
Пока не смог осилить эти рубежи.

VII, 34

Учитель произнёс:
– Кто человечен да ещё и умудрён,
Такому разве уподобиться посмею?
Я человеколюбием пленён,
Его осуществляю, как умею;
Без пресыщения, неутомимо
Учу людей. Вот то, что людям зримо,
И то, что можно обо мне сказать.
Гунси Хуа заметил: «Что скрывать!?
Сказать по правде, мы, ученики,
Так сильно в этом от него отстали
И на пути, пока за ним шагали,
Наставили себе лишь синяки».

VII, 35

На Цю недуг тяжёлый навалился,
Цзы Лу подал ему вниманья знак:
– Позвольте, чтоб за Вас я помолился.
Ответил Цю: «А делают ли так?»
Цзы Лу сказал: «Да, это подтвердит
Одна из эпитафий, что гласит:
″Душе моления возносим за тебя
И духу Неба и Земли день изо дня″».
В ответ ему Цю молвил: «Знаешь ли,
Давно уже молюсь, несчётны дни».

VII, 36

Учитель сказал:
– Расточительность – к строптивости тропа,
Бережливость, коль чрезмерна, то скупа.
Если выбирать бы приходилось,
Лучше скупость всё же, чем строптивость.

VII, 37

Учитель сказал:
– У мужа благородного
В душе спокойно и свободно,
А вот у худородного
Душе иною быть угодно:
Она в одном лишь состояньи –
У скорби просит подаянье.

VII, 38

Учитель ласков был, но строг,
Величествен, но не жесток,
Спокоен и невозмутим,
И почитаем, и любим.

Глава VIII. «Тай Бо …»

VIII, 1

Учитель произнёс: «Я вот кого
Могу назвать достигшим Дэ – Тай Бо:
Он трижды власть над Поднебесной уступал,
А вот восславить как его, – народ не знал».

VIII, 2

論語

Учитель сказал:
– Почтительность без ритуала – зряшный труд,
Без ритуала осторожность – трусость.
Без ритуала храбрость – демон смут,
А прямота без ритуала – грубость.
Коль благородные корням родства верны,
То человечностью сердца людей полны.
Когда старинной дружбы не стыдятся,
То низости в народе не творятся.

VIII, 3

Случилось так, что Цзэн-цзы захворал,
Созвал учеников он и сказал:
– Поставьте меня на ноги!
Возьмите меня за руки!

В «Стихах» есть строки,
каждый помнить должен:
«Будь осмотрителен и осторожен,
У края бездны будто замираешь,
Как будто бы на тонкий лёд ступаешь».
Теперь и впредь постиг я избавленье,
Я знаю, дети, в чём моё спасенье.

VIII, 4

Как-то заболел Цзэн-цзы и слёг.
Мэн Цзинцзы больного навестил,
О здоровье у него спросил.
Вопрошающему Цзэн-цзы рёк:
– Перед смертью птицы жалобно кричат,
О добре пред смертью люди говорят.
То, что ценит благородный в Дао,
Три в себя суждения вобрало:
В гневе быть далёким от жестокости;
Видом всем располагать к доверию;
В тоне речи дальше быть от пошлости
И от въедливой привычки к лицемерию.
Что касается порядков ритуальных,
Их блюсти –
дела чиновников специальных.

VIII, 5

Цзэн-цзы сказал:
– Способным быть, талантом обладать
И неспособного вопросами пытать.
Умелым быть на деле, не по слухам,
И спрашивать того, кто нищий духом.
Казаться неимущим и иметь.
Быть полным, но пустым казаться с виду
И не давать отпор, терпя обиду, –
Сумел в том друг мой старый преуспеть.

VIII, 6

Цзэн-цзы молвил:
– Кому доверить можно сироту
И вверить в руки княжества судьбу,
И кто, делами ведая большими,
И в мыслях не мечтает о наживе –
Не тот ли благородством одарён?!
Да, несомненно, благороден он!

VIII, 7

Цзэн-цзы сказал:
– Таков учёный муж – решителен, широк,
Иным не может быть, не подобает,
И ноша тяжкая его, и путь далёк,

Он человечность ношею считает.
Не тяжесть разве это, разве нет?
Умрёт – и с вечностью наедине,
Тогда пути лишь оборвётся след.
Да разве то не даль, скажите мне?

VIII, 8

Учитель рёк: «Из чистых родников
Пьют мудрость – начинают со ″Стихов″,
Опору в ритуале обретают,
И совершенство музыкой венчают».

論語

VIII, 9

Учитель сказал:
– За этим следовать народ заставить можно,
Но знать заставить это – невозможно.

VIII, 10

Учитель предупреждал:
– Коль возносят отваге любовь да хвалу
И возводят на бедность большую хулу,
В государство приходит беда – смуте быть.
Если ненависть к нечеловечным питают, –
Нараспашку для смуты врата отворяют.

VIII, 11

Учитель сказал:
– Да хоть блестящими талантами владей,
Что Чжоу-гун имел, мудрейший из князей,
Но если скуп, заносчив – вот твоя награда:
Всё остальное, что в тебе, не стоит взгляда.

VIII, 12

Учитель заметил:
– Не думаю, что я бы отыскал
При всём старании среди народа
Таких, кто, проучившись бы три года,
О жаловании не помышлял.

論語

VIII, 13

Учитель завещал:
– К ученью в любви сердечность храни.
Стой насмерть всегда за Дао добра.
Где в царстве опасность,
туда не входи.
Где хаос, неясность,
то там не живи.
В стране Дао есть – о себе заяви.
Нет Дао – ту весть за опасность сочти,
сокройся и жди.

Есть Дао в стране,
то постыдно быть бедным, незнатным.
Нет Дао в стране, то постыдно
быть знатным, богатым.

VIII, 14

Учитель увещевал:
– Коль низок пост, то не по силам и замах –
Не помышляй об управленческих делах.

VIII, 15

Учитель молвил:
– Каким спокойствием чарующие звуки
Переполняют слух, взмахнут
Лишь только капельмейстера Чжи руки
И музыку вести начнут.
В ней слышится напев эфирных струй,
Его венчает песня «Гуань цзюй».

VIII, 16

Учитель сокрушался:
– Непрям и лжив, неосторожен, глуп,
Невежествен и недоверчив, груб.
Как это всё присутствует в одном,
Никак не охвачу своим умом.

VIII, 17

Учитель наставлял:
– Учись, как будто не успеешь мудрым стать,
И так, боишься будто мудрость потерять.

VIII, 18

Учитель рёк:
– Вот кто величественны – Шунь и Юй!
Они владели Поднебесной, понимали,
Что править – не командовать: *юй-сюй*![*]
Власть по наследству не передавали.

論語

VIII, 19

Учитель восторгался:
– Как величав был Яо! Государь!
Добром и верой наполнял сердца.
Решает Небо, кто велик, кто царь,
Лишь Яо подошёл для образца.
Он необъятен, и народный слог
Восславить потому его не мог.
Заслуги как его непревзойдённы!
Блестящи как им данные каноны!

[*] *юй-сюй* – аналог нашего восклицания: «Раз-два…взяли!».

VIII, 20

У Шуня было пять сановников, в те времена
И Поднебесная была умиротворена.
У-ван: «Исправно службу чтоб несли
день изо дня, –
Таких чиновников способных десять у меня».
Учитель: «Чтобы были не чванливы, не горды,
В делах правления быстры и в помыслах чисты,
Найдёшь с трудом, не так?
В том наибольшей полноты
Достигли Шунь и Яо. А у У-вана из числа
Его сановников и женщина одна была.
Так, знать, сановников лишь девять было у него,
Царя ж указы выполнялись все до одного.
Вэнь-ван двумя третями Поднебесной обладал,
А Инь династии служил, как преданный вассал.
Какою добродетель Чжоу надобно считать?
Её без восхваленья можно высшей называть!

VIII, 21

Учитель молвил:

– Вот Юй, ни в чём не нахожу я в нём изъяна.
Не досыта и ел, и пил, но непрестанно
Сыновнюю почтительность
он духам выражал,
Носил простое платье, но обильно украшал
Одежду ритуальную. В лачуге проживал,
Каналы рыл, сил не жалел, работал рьяно.
Таков он, Юй! Не нахожу я в нём изъяна.

Конфуций объясняет Цзы Гуну почему благородному мужу нужно непременно смотреть на воду: в непрерывном движении она как Дао, в неиссякаемости она как Дэ .

Глава IX. «Учитель редко …»

IX, 1

Считал Учитель признаком беспечности
Трещать о том, что в сердце он таил,
О выгоде, судьбе и человечности
Он редко разговоры заводил.

IX, 2

Некто с улицы Дасян заметил:
– Велик Конфуций! Я бы к этому добавил,
Его учёность необъятную признав,
Что имя громкое ничем он не прославил.
Об этой реплике Учитель, услыхав,
Проговорил своим ученикам:
– Сойти в каком обличье славы к вам?
Быть может, мне уменье показать
В искусстве колесницей управлять?
Хотите, может, чтобы в ствол бамбука
Со ста шагов попал стрелой из лука?
Пожалуй, стану опытным возницей
И покажу, как править колесницей.

IX, 3

Учитель сказал:

– Из пеньки согласно ритуалу
Шапку делать принято издревле.
Ныне всё меняется помалу,
Шьют её из шёлка, так дешевле.
Экономить – вот в чём преуспели,
Вместе я со всеми в этом деле.
Кланяться согласно ритуалу
Надлежит внизу, у входа в залу.
Ныне нарушают этикет,
Бьют поклоны в зале, я же нет.
Потому, пусть против всех иду,
Всё же буду кланяться внизу.

IX, 4

Учитель исключал четыре вещи:
Пустые домыслы – бесплодные суждения,
Категоричность – «непорочность» мнения,
Упрямство – характерный признак тупости
И эгоизм – черту душевной скупости.

IX, 5

Учитель, терпя угрозы в Куане, сказал:

– Почил уж Вэнь-ван, он теперь в вышине,
Так разве культура не здесь, не во мне?

И если бы Небу угодно так было,
Чтоб эта культура исчезла, погибла,
Она не досталась бы смене грядущей,
По нашим стопам вслед за нами идущей.
Но Небо культуре длит век золотой,
Так что могут сделать куанцы со мной?

IX, 6

Первый министр спросил у Цзы Гуна:
– Цю совершенен умом! Коль не трудно,
Дай мне ответ: да откуда же в нём
Столько талантов? Поведай о том.
– Небо в Учителе свет поселило
И совершенным умом одарило.
Столько способностей и одному
Свыше ниспосланы Небом ему, –
Так от Цзы Гуна ответ прозвучал.
Это, услышав, Учитель сказал:
– Первый министр – он знает меня!
Я не прожил в тихом счастье и дня.
С детства, от праздности сытой свободного,
На положении я худородного.
Что до способностей – были отменными,
Но занимался делами презренными.
А благородный? – судить даже строго –
Он превосходит меня ненамного.

IX, 7

Лао вспоминал:
– Учитель говорил:
«Когда не знал служебных дел,
В искусствах многих преуспел».

IX, 8

Учитель сказал:
– Знаю ли заведомо ответ?
Я отвечу: нет, конечно, нет.
Если даже так произойдёт,
Что вопрос невежа задаёт,
И вопрос его пусть даже пуст,
Я ему не закрываю уст.
А вопрос, то для меня закон,
Должен рассмотреть со всех сторон.

IX, 9

Учитель горевал:
– Великая беда стучится:
Не прилетает Феникс-птица,
Река молчит, Чертёж не шлёт,
Я вижу, что конец грядёт!

IX, 10

Когда случалось Цю встречаться
С таким, кто в траур облачён,
С одетым в праздничное платье,
Или с несчастным – со слепцом,
Пусть даже эти люди были
Не старые, а молодые,
Он непременно поступал,
Велит как это ритуал.
А их оставив позади,
Обычно ускорял шаги.

論語

IX, 11

Вздыхая, Янь Юань сказал:
– Я взгляд свой поднимаю на него,
Оно всё выше и неуловимей,
Пытаюсь вглубь проникнуть, но оно
Таит себя за лабиринтом линий,
Манящим говором витает впереди,
Но, чу! мгновение – оно уж позади.
Учитель наш умом необозрим,
Питает нас учением своим.
Культурой учит
ширь увидеть в малом,
А меру полагает ритуалом.

И если бы я даже захотел,
То всё равно никак бы не сумел
Отвлечься, отказаться от ученья.
Настал момент, я истощил уменье,
Ученье будто встало предо мной,
Хочу притронуться – оно уж за спиной.
И хоть за ним бы следовать желал,
Но сил уж нет, я все их исчерпал.

IX, 12

Случилось, что Учителя свалил в постель недуг,
Цзы Лу своих учеников к нему прислал,
как слуг.
Поздней,
когда к Учителю вернулся здравый вид,
Промолвил он: «Ох, и лиса, давно уж Ю хитрит,
Есть будто слуги у меня. Но всё же знаю я –
Да разве Небо обману? – ведь нет их у меня!
Не лучше ль белый свет покинуть
на руках детей,
Чем в окруженье многих слуг –
сторонних мне людей.
Пусть не устроили бы Цю и пышных похорон,
Но разве на дороге пыльной
был бы брошен он?»

IX, 13

Цзы Гун спросил:
– Вот тут прекрасная яшма. Как быть?
  Или в шкатулке её схоронить,
  Или продать за хорошую цену
  И навсегда позабыть про дилемму?
Тут же услышал он возглас Учителя:
– Ясно, продать! Жду! Зовите ценителя!

IX, 14

К восточным варварам уйти
И жить средь них решил Чжунни.
Заметил некто: «Не пойму,
Селиться к варварам?! К чему?
Невежество – вот их обитель».
В ответ ему сказал Учитель:
– Где благородный пребывает,
  Невежество не выживает!

論語

IX, 15

Учитель заметил:
– Из Вэй прибывши в Лу, принялся за дела,
  Так вскоре музыка исправлена была,
  А «Оды», «Гимны» обрели свои места,
  И к звукам вновь вернулась чистота.

IX, 16

Учитель наставлял:
– Вовне на службе у вельмож и князя быть,
А дома старшим братьям и отцу служить.
В поступках и словах быть милосердным,
Не быть при погребеньях не усердным,
Пить в меру, не топить себя в вине –
Из этого что трудно делать мне?\

IX, 17

論語

Стоя над рекой, Учитель сказал:
– Наше время течёт, как вода,
День и ночь, непрерывно, всегда…

IX, 18

Учитель сожалел:
– Тех не встречал, какое сожаление,
Кто добродетель так же бы любил,
Как любят чувственное наслаждение.

IX, 19

Учитель молвил:
– Цю, к примеру, горку насыпает
И плетушку не досыпал он одну.

Это остановку означает,
Эту остановку сделал Цю.
Цю, к примеру, яму засыпает,
Высыпал плетушку он всего,
Это продвиженье означает,
Это продвижение его.

IX, 20

Учитель заметил:
– Это Хуэй, он в себе не замкнётся,
С ним при беседе скучать не придётся!

IX, 21

Учитель говорил об Янь Юане:
– Скорблю о том, что нет Хуэя с нами:
Я видел, он всегда вперёд шагал,
Не видел, чтоб на месте он стоял.

IX, 22

Учитель сказал:
– Так бывает, пробивается росток,
Но на нём не распускается цветок.
А порой росток в цветеньи превосходен,
Всеми красками цветёт он, но бесплоден.

IX, 23

Учитель произнёс:
– Неплохо бы уважить
Всех тех, кто юн сейчас,
Быть может, будут даже
Они не хуже нас?
А тем, кто ныне в сорок
Не смог известным стать,
Без всяких оговорок
Почёта не сыскать!

論語

IX, 24

Учитель сказал:
– А можно ли не следовать тому,
Что в образцовой речи излагается?
Кто не чинит препятствия уму,
Тот слушает её и исправляется.
А можно ли не соглашаться с тем,
Что с лаской в наставленье говорится?
Суть в том, чтоб с лёту
не решать проблем
И в сущность наставленья углубиться.
Кто, соглашаясь, в суть не проникает,
Кто, следуя, не в силах изменяться,
А только пыль в глаза другим пускает,
Какой резон с таким мне заниматься!

IX, 25

Учитель дал наказ:
– Преданности, веры истово держись,
Кто тебе не ровня, с теми не водись,
Допустил ошибку, страх преодолей
И её исправить вовремя сумей.

IX, 26

Учитель сказал:
– Можно взять и обезглавить княжескую рать,
У простолюдина же желаний не отнять.

IX, 27

Цю рёк: «Не Ю ли это!? Трудно ошибиться.
Одет в халат изношенный, пенькой подбитый,
И с тем стоит, кто в шубе из лисицы сшитой,
Но, невзирая на такое, не стыдится».
«И зависти, и алчности лишён,
Да разве недобро содеет он?» –
Цзы Лу всё время эти строки повторял.
Учитель, от него услышав стих, сказал:
– А этого-то хватит для того,
Чтоб на пути своём творить добро?

IX, 28

Учитель подметил:
– Приходит холод, лист слетает вниз.
Выискивая, отмечает взор:
Краса лесов сосна и кипарис
Последними теряют свой убор.

IX, 29

Учитель говорил:
– Запомните, вам это пригодится:
Кто храбростью отмечен, не боится,
Кто знает, тот не сомневается,
Кто человечен, не печалится.

IX, 30

Конфуций поучал:
– С кем можно к знаниям шагать, ещё не тот,
С кем можно вместе по пути идти вперёд.
Такой,
с кем можно вместе в путь пуститься,
Ещё не тот,
с кем можно вместе утвердиться,
Да и такой,
с кем можно вместе утвердиться,
Ещё не тот,
с кем можно властью поделиться.

IX, 31

«Цветущие груши колышут ветвями
И шепчут неслышно почти, лепестками.
Я думами не о тебе ли пленён?
Да только далёко, далёко твой дом».
– Не будешь о доме скучать ненароком,
И думы не будут терзать о «далёком», –
с«казал Учитель.

Конфуций заметил: «Превосходно! Если чиновник, действуя по закону, думает о человеколюбии и снисходительности, он взрастит милость и добродетель».

Глава X. «В своей родной деревне …»

X, 1

Казался кротким Цю в родной деревне,
Лишённым речи. Но на удивленье
Он в Храме Предков, во дворце высокий слог
В узор укладывал, меж тем в словах был строг.

X, 2

論語

Когда с правителем он встречи ждал, был горд,
С чинами низшими при разговоре твёрд.
С вельможами был крайне осмотрителен,
В беседе с ними вежлив и почтителен.
Немногословным был в присутствии царя,
Благоговение с достоинством храня.

X, 3

Когда ему занявший царский трон
Повелевал посланников принять,
В лице как будто бы менялся он,
Казалось, дрожь в ногах не мог унять.
Когда приветствовал сложеньем рук
Гостей и кланялся, как полагалось,
То платье Цю по всей длине вокруг

Сидело ладно и не задиралось.
Когда спешил к гостям, то взор светлел,
Как будто бы на крыльях он летел.
А гости уходили, всё откладывал
И государю своему докладывал
Не так, как о других делах, а звонче:
– Дворец покинули! Визит гостей окончен!

X, 4

В двери княжеского дома если он входил,
Низко наклонялся, будто в них не проходил.
Не стоял в дверях он, на порог не наступал,
Мимо мест чиновников к правителю шагал,
Изменялся он в лице и полон был тревоги,
И, казалось, у него подкашивались ноги,
Точно опоясан был он тяжестью оков,
Будто отыскать не мог он для беседы слов.
Полы платья подобравши, поднимался в зал,
Замирал в поклоне он и словно не дышал.
А когда при выходе спускался на ступень,
У него с лица сбегала чувств смятенных тень.
Радостью наполнен был и взгляд его светлел,
Вниз сходя, казалось, что на крыльях он летел.
Шёл к себе на место, путь неспешно отмерял,
Видом всем глубокое почтенье выражал.

X, 5

Когда он жезл нефритовый держал,
Что символ власти княжеской являл,
Сгибался, точно сил не приберёг,
Как будто удержать его не мог.
Когда он жезл кверху поднимал,
То словно этим здравия желал,
А опускал так жезла рукоять,
Хотел святыню точно передать.
Лицо его, казалось, трепетало,
Всё время выражение меняло.
Неспешно, осторожно он ступал,
Путь мелкими шажками вымерял,
Стежки как будто ставил при шитье,
Шёл прямо по намеченной черте.
Во время подношения даров
Был радостен, не сыпал лишних слов.
При встречах частных
не звенел как бубен,
Был весел, остроумен, дружелюбен.

X, 6

Не носил Цю оторочек никогда
Из коричневой и тёмно-красной ткани,
Фиолетовые, красные цвета
Не использовал в домашнем одеяньи.

Было жарко, он ходил в одежде лёгкой,
Не томил себя под тёплою поддёвкой.
Облачался, если холод сильный:
В платье чёрное, в тулуп овчинный;
Или в белое, из пыжика доху;
Или в жёлтое и в шубу на меху
Из лисицы. Дома был халат на нём
Меховой с коротким правым рукавом.
Платье спальное имелось у него
Раза в полтора длинней, чем рост его.
Подстилал Цю прежде, чем садиться,
Шкуры из енота и лисицы.
После траура одежду он менял
И подвесками весь пояс украшал.
Если юбка не парадная, то он
Укорачивал её, менял фасон.
Если шёл на поминальный ритуал,
Шапку чёрную с овчиной оставлял.
А как месяц начинался, дел всех прежде
Во дворец являлся в праздничной одежде.

X, 7

Постясь, менял Цю поведение своё,
Носил он светлое холщёвое бельё,
Простую пищу в это время принимал
И для жилья иное место выбирал.

X, 8

Он мелко нарезанным мясом питался,
Обрушенным рисом, но не пресыщался.
Подтухшие рыбу и мясо не ел
И пищи закисшей касаться не смел.
Еду отвергал, если цвет непотребный,
И если с душком, если запах был скверный,
И сварена если, как молвят – «условно»,
И если нарезана наспех, неровно.
Внимателен был: если в пище он зрел,
Что соус не тот к ней, такую не ел.
Не чревоугодничал, меру держал –
Когда мяса много, не переедал.
За трапезой вдоволь мог выпить вина,
Однако не пил никогда допьяна.
С базара ни мяса, ни вин не вкушал,
Немного имбирь на десерт потреблял.

X, 9

До наступления торжественного часа
Обряда жертвоприношения
Не выставляют жертвенного мяса –
Чтят ритуал поминовения.
Когда приходит время ритуала,
Три дня не выставляют мясо.

А нарушался этот срок бывало,
Не ел, знал нормы церемониала.

X, 10

Во время трапезы в беседу не вступал,
Когда лежал в постели, то молчал.

X, 11

И даже пусть в еде Цю ограничен был
Пучком травы и овощным растением,
Он всё же долю пищи в жертву приносил,
И делал это Цю с благоговением.

X, 12

Не сносил небрежности,
того, что некрасиво,
Не садился на циновку,
постланную криво.

X, 13

В своей деревне на пиру
чтил заповедь веков –
Всегда вставал из-за стола
лишь после стариков.

X, 14

Когда в родной деревне страх снимали
И демонов поветрий изгоняли,
Чжунни парадную одежду надевал
И на восточной стороне крыльца вставал.

X, 15

Когда по случаю кого-нибудь просил
В другое княжество приветы передать,
То он два раза перед ним себя клонил
И только после шёл в дорогу провожать.

論語

X, 16

Когда Канцзы лекарство Цю прислал,
Приняв его с поклоном, он сказал:
– Я, Цю, немного занемог, хвораю,
Но свойств лекарства я пока не знаю,
Немедля пробовать лекарство не могу,
Поклон нижайший господину твоему.

X, 17

Когда огонь конюшню поглотил,
Чжунни, вернувшись из дворца, спросил:
– Не пострадал ли кто-то из людей?
Ни слова не спросил про лошадей.

X, 18

Случалось, князь в подарок присылал
Сготовленное блюдо для него,
Не медля, он циновку расстилал
И сразу же отведывал его.
Сырое мясо получал – варил
И духам предков часть преподносил.
А если живность князь ему давал,
Её он непременно содержал.
Прислуживая князю за столом,
Он время выжидал, чтобы потом,
Как князь закончит жертвоприношение,
Быть первым, кто вкушает угощение.

X, 19

К Чжунни, случилось, хворь подобралась.
Больного посетил светлейший князь.
Чжунни направил взор свой на восток,
Дворцовым платьем он себя накрыл
И в довершенье сверху поперёк
Большой парадный пояс положил.

X, 20

Когда приказано предстать перед дворцом,
Он экипаж не ждал и к князю шёл пешком.

X, 21

Когда Чжунни входил в Великий Храм,
Расспрашивал о каждой вещи там.

X, 22

Когда, случалось, друг почил,
И было некому его похоронить,
Тогда Конфуций говорил:
– На мне заботы в путь
последний проводить.

論
語

X, 23

За щедрые подарки от друзей,
Будь то повозка, пара лошадей,
Не жертвенное мясо если только,
Не кланялся ни раз, ни два – нисколько.

X, 24

Лежал – на труп не походил,
Сидел – не праздным гостем был.

X, 25

Случись, в одежде траурной ему
Встречался тот, кто даже был знакомый,
Печаль передавалась самому,
Он непременно принимал вид скорбный.

Когда в парадном головном уборе
Ему встречался кто-то иль слепой,
Пусть это были те, с кем в разговоре
Он мог припомнить жизни дни былой,
Поскольку с ними сблизился, сдружился –
К ним с уваженьем также относился.
Когда в своей повозке проезжая,
В одежде траурной людей встречал,
Он кланялся, опорой выбирая
Повозки поручень, чтил ритуал.
Случись, встречался на пути с людьми,
Что списки населения несли,
Он кланялся, им выражал почтенье.
А щедрое увидев угощенье,
Вставал, как будто был он во дворце,
С достойным выраженьем на лице.
Когда вдруг ветра налетал порыв,
Гром раздавался в тучах грозовых,
Он оставлял дела и замирал,
Почтительность всем видом выражал.

X, 26

Он стоял в повозке прямо, не клонясь,
За верёвочные поручни держась,
Говорил неспешно, не глядел назад,
Пальцем не указывал, не хмурил взгляд.

X, 27

И краски брызнули, как первоцвет в апреле,
Когда взлетели птицы, покружили, сели.
Глаза Учителя восторженно блеснули:
– Фазаны кстати как с холма вспорхнули!
Цзы Лу вспугнул их, те на миг оцепенели
И, крыльями захлопав, вновь взлетели.

Конфуций даёт наставления Цзы Гуну перед отправкой Цзы Гуна на занятие высокой должности.

Глава XI. «Ранее те, кто совершенствовался …»

XI, 1

Учитель сказал:
– Кто прежде службы совершенствует себя
И в музыке, и в ритуале, не князья –
Обыкновенно не богатый люд, простой.
Кто после службы совершенствует дух свой
И в музыке, и в ритуале, в своде «Ши» –
Обыкновенно родовитые мужи.
Коль мне пришлось бы перед выбором стоять
Кого-нибудь из них к себе на службу брать,
Я б не пошёл на поводу страстей слепых,
Кто совершенствуется прежде – взял бы их.

論語

XI, 2

Учитель печалился:
– Стоят у школьных врат, ждут поучений
Ученики из новых поколений,
Но тех, с кем вёрсты мерил много лет,
Кто шёл со мной до Чэнь и Цай, здесь нет.

XI, 3

Осуществляют добродетель: Янь Юань,
С ним вместе Жань Боню, Чжун Гун и Минь Цзыцянь.
Чьё слово мысли выражает существо,
Нет в этом равных ни Цзы Гуну, ни Цзай Во.
Жань Ю, Цзи Лу нужны стране
при всех царях –
Весьма искусны в политических делах.
Цзы Ю, Цзы Ся в науках имениты,
Иначе и не скажешь – эрудиты.

論語

XI, 4

Учитель молвил:
– Хуэй не тот, кто отношение со мной
Своей повинностью считает. Не чужой
Моим суждениям души его уклад,
В них нет того, чему Хуэй бы не был рад.

XI, 5

Учитель сказал:
– Как преисполнен он почтением сыновним!
Чтоб Минь Цзыцянь был не учтив,
того не помним:
Он одинаковый в оценках и родных –
Отца и матери и братьев – и чужих.

XI, 6

Нань Жун в день трижды стих из «Песен» повторял
О «скипетре из белой яшмы», слово очищал.
Конфуций слушал древний стих, где слог точёный,
Дочь брата старшего Нань Жуну о́тдал в жёны.

XI, 7

Канцзы повёл беседу с Цю с расспросов:
– А есть среди учеников философ?
Ответил Цю: «Был Янь Хуэй философ!
Но имя это в списках судеб роковых,
Хуэй почил, теперь средь нас уж нет таких».

論語

XI, 8

Когда сын Янь Лу в царство смерти ушёл,
Лу в гости к Учителю с просьбой пришёл:
– Хотел бы повозку у Вас попросить,
  В обмен на неё саркофаг получить.
Учитель: «О сыне печётся любой,
Трусливый ли был он, разумный, тупой.
Любимый мой сын тоже умер, бедняга,
В гробу похоронен он без саркофага.
Но чтобы для сына добыть саркофаг,
Пешком не отправлюсь, ведь я как-никак –
Об этом тебе я ещё раз поведаю –
По статусу вслед за сановником следую».

XI, 9

Учитель сокрушался:
– Умер мой ученик, Янь Юань, в горе я,
О, какая печаль! Небо губит меня!
Не смириться с утратой, безмерно мне жаль!
Небо губит меня! О, какая печаль!

XI, 10

Из жизни Янь Юань ушёл поспешно,
Учитель плакал горько, безутешно.
Ученики Учителя жалели
И успокаивали, как умели:
– Учитель, не скорбите так чрезмерно!
– Скорблю чрезмерно? – отвечал он – Верно!
Да если не скорбеть вот так о нём,
Скажите мне, скорбеть ещё о ком?

XI, 11

Когда ушёл из жизни Янь Юань,
Друзья воздать ему решили дань
И похороны пышные устроить.
Сказал Учитель: «Не могу неволить,
Но делать всё же этого нельзя».
На том история была бы вся . . .
Ученики совета не учли

И похороны пышно провели.
Учитель рёк: «Хуэй меня умел
Сыновнею заботой окружить,
А я о нём, как сыне, не сумел
Отцовскую заботу проявить.
Вина в том ваша, дети, не моя,
Никто не может укорить меня».

XI, 12

Цзи Лу внимал Учителю – не слухам:
– Хочу понять,
в чём суть служенья духам?
Учитель рёк: «Когда ещё прозреем?
Служить-то людям толком не умеем,
Как можем духов службой освящать?»
Цзи Лу спросил Учителя опять:
– Что значит смерть,
осмелюсь Вас спросить?
Сказал Учитель: «Тайну не раскрыть.
Что жизнь такое, не смогли понять,
Откуда же о смерти можем знать?»

XI, 13

Обычно, рядом находясь с Учителем,
Минь-цзы казался скромным
и почтительным.
Цзы Лу отважным выглядел, воинственным,
Таким он был среди других единственным.
Жань Ю, Цзы Гун смотрелись волевыми,
Казались непреклонными, прямыми.
Был рад Учитель, но заметил всё же:
– Таких, как Лу, невзгоды стерегут,
Они отчаянны, храбры, на то похоже,
Что собственною смертью не умрут.

XI, 14

Задумку царства Лу оспорить –
Сокровищницу перестроить –
Решился Минь Цзыцянь, спросив:
– К чему же трогать диво див?
Желающих ломать не счесть,
Оставить лучше всё как есть.
Учитель молвил: «В корень зрит,
Цянь попусту не говорит,
Не повод ищет, а причину,
Он словом метит в сердцевину».

XI, 15

– Почему я слышу гусли Ю
У моих дверей? – промолвил Цю.
Взгляд Учителя, слова – что взмах руки,
Ю не стали привечать ученики.
Цю заметил: «Ю поднялся в зал,
Но ещё в покои не попал».

XI, 16

Цзы Лу спросил: «Учитель, из двоих –
Шан или Ши – достойней кто из них?»
Учитель молвил: «Ши перебирает,
А Шан, могу сказать, недобирает».
– Так всё же Ши иль Шан – достойней кто? –
Цзы Лу спросил Учителя опять.
Сказал в ответ Учитель: «Помни то,
Равнó – и перебрать, и недобрать».

XI, 17

Богаче Чжоу-гуна была у Цзи родня.
Жань Ю не долго думал, ему хватило дня –
Для Цзи налог с общин он решился собирать,
Чтоб сундуки себе тот мог яшмой набивать.
Чжунни воскликнул:
«Сердцем нечист один из нас!

Жань Ю нам не попутчик, услышьте мой указ:
Вам разрешаю, дети, под барабанный бой
Гоните его в шею поганою метлой».

XI, 18

Чай неумён, Шэнь туп,
Порочен Ши, Ю груб.

XI, 19

Учитель сказал:
– Хуэй почти что совершенен
В морали, но, однако, беден.
Цы в нравственных устоях волен,
Но богатей и всем доволен.

XI, 20

Спросил Цзы Чжан о Дао людей добра,
В ответ Учитель молвил: «Крута гора,
Коль не пойдёшь по круче по их стопам,
Попасть оставь надежду и в Дао храм».

XI, 21

Учитель вопрошал:
– Такой, кто верное сужденье одобряет,
Он благородный или вид лишь напускает?

XI, 22

Вопрос Цзы Лу осмелился задать:
– Порученное тут же исполнять?
Ученику сказал Учитель: «Рад,
Что твой отец здоров, и старший брат,
Коль это так, не надо поспешать
Порученное тут же исполнять».
Жань Ю спросил: «А мне как поступать,
Порученное тут же исполнять?»
Учитель молвил: «Долго не зевай,
Порученное тут же исполняй».
Гунси Хуа был очень удивлён,
К Чжунни с вопросом обратился он:
– Порученное тут же исполнять? –
Таков вопрос к Вам, заданный Цзы Лу.
Учитель, Вы ответили ему,
Что у него отец есть, старший брат,
И Лу спешить – сродни идти назад.
Когда к Вам с тем же обратился Ю,
Сменили Вы позицию свою,
Сказав ему, что надо поспешать,
Порученное тут же исполнять.
Я, Чи, в большом недоумении,
Осмелюсь Вас просить о разъяснении.
Учитель молвил: «Ю приотстаёт,
Подталкиваю потому вперёд.

Но рвение двойное у Цзы Лу,
С того и не даю спешить ему».

XI, 23

Когда в Куане к Цю угроз тянулась длань,
Пришёл к нему позднее Янь Юань.
– Я думал, что тебя уж нет в живых,
  А ты, как я гляжу, средь нас, земных! –
Воскликнул Цю. А Янь Юань: «Так ведь
Пока Вы живы, злу не преуспеть,
Как я, Хуэй, посмею умереть?»

論語

XI, 24

Спросил Цзи Цзыжань:
– Цзы Лу, Жань Ю хочу узнать
  Сановниками можно звать?
Учитель: «Вы заговорили
  О том, о чём не ожидал,
  Вопрос, однако, прозвучал,
  И Вы о Лу и Ю спросили.
  Сановники, коль речь о них,
  Царю посредством Дао служат,
  Окажутся средь отставных,
  По прошлой службе горько тужат.
  О Лу и Ю могу сказать –
  Сановниками можно звать.

Но Лу и Ю, чтоб знали Вы,
По должности лишь таковы».
Тут снова Цзи Цзыжань спросил,
Молчанье долго не хранил:
– Так значит, долг не позабудут,
Во всём повиноваться будут?
На то услышал от Учителя:
– Случись, прикажут им сейчас
Убить отца или правителя,
Они не выполнят приказ.

XI, 26

Цзы Лу, Жань Ю, Гунси Хуа, Цзэн Си
Сидели в зале около Чжунни.
Сказал Учитель: «Хочется сейчас,
Чтоб вы забыли, что я старше вас.
Вот слышу я из ваших же речей,
Мол, знает вас лишь узкий круг людей.
Теперь представьте, некто из вельмож
О ваших бы способностях узнал
И проявиться им возможность дал.
Что предпринять, как каждый бы решил?»
Лу тотчас, не моргнув, сообразил:
– Пусть будет царство, что внутри границ
Имеет войско в тыщу колесниц,

論語

И стиснуто со всех сторон оно –
Другими царствами окружено.
Все души горем в нём обожжены,
Здесь не смолкает колокол войны,
Здесь боль ожесточения живёт,
И к бездне роковой бредёт народ.
Да если за него бы взялся я,
То года через три – суди меня:
Там смелых бы людей набрался полк,
И каждый в царстве помнил бы про долг.

Учитель усмехнулся и спросил:

– А ты, Жань Ю, ты как бы поступил?

– Пусть получил бы я надел земли,
Размером в шесть ли пять десятков *ли*,
И если бы я взялся за него,
То после бы, как года три прошло,
Достаток здесь нашёл бы свой причал.
Но чтобы музыка и ритуал
В сердца проникли здесь живущих душ,
Конечно, нужен благородный муж.

Чжунни взглянул на Чи:
«Что скажешь ты?»

– Чтоб управлять, нет в мыслях широты.
Мне лучше служб вдыхать бы фимиам
И во дворце, и там, где Предков Храм.
Учиться бы, ведь я не ротозей,

Тогда во время встреч чужих князей,
В парадный облачившись бы наряд,
Чего ещё желать? – я был бы рад
Взять на себя ещё помимо зрителя
Заботы младшего распорядителя.
– А ты, скажи Дянь, как бы поступил? –
Учитель Дяня позже всех спросил.
Цзэн Дянь взял заключительный аккорд.
Когда на струнах гуслей звук затих,
Он встал, сказав: « Я выбором не горд:
Отличен он от выбора других».
Учитель молвил: «Это не беда!
Ведь можно помечтать хоть иногда».
Дянь отвечал: «Уже в конце весны,
Когда поля травой оживлены,
Когда белы одежды и легки,
Хотел вкусить бы свежесть И реки.
В компании пяти-шести парней
И отроков шести-семи волнам
Омыть себя позволить и ветрам,
По тропам, что скользят среди камней,
На холм Уюй взойти и, свежести настой
Испив, вернуться с песнями домой».
Учитель, глубоко вздохнув, сказал:
– Остаться с Дянем я бы пожелал.
Ученики ушли, но не Цзэн Си,

Возьми он и Учителя спроси:
– Что думаете Вы об их словах?
– Суть каждого сокрыта в их мечтах.
– Над чем Вы усмехнулись в речи Лу?
– К пустой мечте попал он в кабалу.
К правленью привлекают ритуал,
А он о нём ни слова не сказал,
Нет ритуала – нет в стране царя,
Вот потому и усмехнулся я.
– А та земля, достаток где б царил,
Земля – о ней Жань Ю Вам говорил,
Не может разве государством быть,
И царство на такой не разместить?
– Не помнится, Цзэн Си, такого мне,
Чтоб земли в шесть ли семь десятков *ли*
Под солнцем место не нашли себе
И государством быть бы не могли?
– Но разве то, о чём мечтал Хуа,
Не государственного уровня дела?
– Все службы в Храме Предков, во дворцах,
Приёмы светские князей в шелках
Не дело разве знати *хоу* с *чжу?*!
Однако вот, что я тебе скажу:
Коль будет много мелких дел у Чи,
Кто подберёт к большим делам ключи?

Глава XII. «Янь Юань …»

XII, 1

Янь Юань спросил о *жэнь,* Учитель молвил:
– Победить себя и обратиться
К ритуалу – с *жэнь* соединиться.
Обратятся люди к ритуалу –
Победят себя, и в тот же день
Поднебесная вернётся к *жэнь*.
Жэнь в твоих душевных кладовых,
Там её ищи, не у других.
Янь Юань переспросил опять:
– Можно ли подробнее сказать?
– То, что чуждо ритуалу, знай:
Взгляд на это свой не обращай,
От того надёжно слух запри,
То в своих речах не говори,
То не делай в тайне ль, принародно –
Вот тебе я и сказал подробно.
– Не смекалист я, признаюсь Вам,
Но позвольте следовать словам, –
сказал Янь Юань.

XII, 2

Чжун Гун о человечности спросил,
На то ему Чжунни проговорил:
– Когда вне дома так себя ведут,
Как будто гостя важного встречают,
Когда так правят, словно отвечают
За жертвенный обряд, чью святость чтут.
Когда другим не делают того,
Что не желают и для самого,
Когда не слышно ропота в стране,
И нет негодования в семье.
– Хоть сметка и меня не привечала, –
Сказал Чжун Гун, – позвольте всё же мне
Заняться тем, что в слове прозвучало
И что в его таится глубине.

XII, 3

Ню о человечности спросил.
– Человечность – сдержанность в словах, –
Рёк Учитель. Ню переспросил:
– Значит, воздержание в словах
Люди человечностью зовут?
– Кто болтлив, тот по призванью шут.
Разве трудности в любых делах
Не рождают сдержанность в словах? –
ответил Учитель.

XII, 4

Спросил о благородном Сыма Ню,
Ответил вопрошающему Цю:
– Муж благородный следует морали,
Не ведает ни страха, ни печали.
Переспросил Ню: «Тот ли благороден,
Кто от боязни и тоски свободен?»
– Изъяну внутрь к такому не пробраться,
Откуда страху и печали взяться?! –
пояснил Учитель.

XII, 5

Ню горестно сказал: «Нарушен мой покой,
Нет братьев у меня, я одинок, увы!»
Цзы Ся: «И жизнь, и смерть
предрешены судьбой,
А знатность и богатство Небом в дар даны.
Коль благородный, власти почитая,
При этом промахов не допускает,
И, коль простолюдинов уважая,
Он ритуал при этом соблюдает,
Тогда в пределах четырёх морей
Он брат для всех живущих здесь людей.
Не должен благородный горевать,
Всех братьями он может называть».

XII, 6

Цзы Чжан о просветлённости спросил,
Учитель жажду любопытства утолил:
– Над кем не властны силы суеты
И явной лжи, и тайной клеветы,
Пожалуй, можно так сказать о нём –
И дальновиден он и просветлён.

XII, 7

論語

Цзы Гун о сути управления спросил.
– Когда достаточно военных сил,
Съестных запасов впрок на год вперёд,
И в подданных доверие живёт, –
Сказал Чжунни. Цзы Гун спросил опять:
«А если надо будет выбирать
Из этих трёх, то прежде отказаться
Возьмётесь от чего?» Чжунни: «Расстаться
Я принял бы тогда решение,
Конечно же, с вооружением».
Цзы Гун спросил, весь обратившись в слух:
– А если бы, случись, из этих двух,
Оставшихся, пришлось Вам выбирать,
Что б Вы тогда решили предпринять?
– Запасами съестными б пренебрёг,
Ведь всех уносит вечности поток,

И смерти никому не избежать,
А без доверия стране не устоять, –
ответил Учитель.

XII, 8

Цзи Цзычэн однажды произнёс:
– Муж благородный по природе прост,
К чему культура-вэнь поверх нужна?
Цзы Гун: «Пусть будет мудрость Вам дана,
Коль судите о благородном муже
Вы так ошибочно и неуклюже.
Культура-*вэнь* – природа-простота,
А простота-природа – *вэнь*-культура.
И если шерсть вдруг потеряла шкура,
Не отличит никто, пусть трижды зрячий,
Тигровую он кожу от собачей».

論語

XII, 9

У Ю Жо спросил Ай-гун: «Как поступать,
Если не хватает средств в голодный год?»
Он ответил: «Почему бы не взимать
Десятину? – то от бед убережёт».
– Не хватает мне и двух-то десятин, –
Обронил Ай-гун, вздыхая, – в твой совет
Верить, что одна прокормит, нет причин.

Князю лускому сказал Ю Жо в ответ:
– Если весь народ в достатке будет жить,
У правителя как недостатку быть?
Если будет в недостатке жить народ,
То правитель как достаток обретёт?

XII, 10

Цзы Чжан: «Как добродетель
нам возвысить,
Как можно заблужденье распознать?»
На то Учитель молвил:
«Сердцем мыслить
И доверять, не предавать, не лгать,
Долг в ряд важнейших ценностей
зачислить –
Так можно добродетель и возвысить.
Когда кого-то любят, то желают
Ему, не зная хвори, долго жить.
Когда к кому-то ненависть питают,
Ему желают вскорости почить.
Но если вместе
«жизнь и смерть» желают
Кому-то – в заблуждение впадают.
Мудры слова: ″Богатства то не даст,
А вот к ошибке то подвигнет Вас″».

XII, 11

Циский князь спросил Конфуция об управлении.
– Порядок должен быть всему властителем, –
Рёк Цю, – правитель должен быть правителем,
И подданный быть подданным обязан,
Отец – отцом, сын – сыном, им указан
Такой порядок Небом, Небо так велит.
– Прекрасно, – князь вскричал, – вот корень где сокрыт!
Воистину, когда правитель – не правитель,
А подданный – не подданный, хранитель
Семьи отец – и не отец, а сын – не сын,
То беспорядок в государстве властелин.
Пусть хлеба я имею даже впрок,
Полезет разве в горло мне кусок?

論語

XII, 12

Учитель заметил:
– Суть дела в тяжбе с полуслова ухватить
Способен Ю и быстро спор решить.

XII, 13

Учитель сказал:
– Мне, как другим, приходится во мрак
Тяжб погружаться, трачу сил немало,
Но правильнее сделать надо так,
Чтоб тяжб в стране и вовсе не бывало.

XII, 14

Цзы Чжан об управлении спросил,
Учитель мудрость предков повторил:
– Воссел – усталости не знай
И дело честно исполняй.

XII, 15

Учитель наставлял:
– Порой приносят разочарования
В культуре-вэнь широкие познания.
Их ритуалом сдерживай – тогда
И меры не нарушишь никогда.

論語

XII, 16

Учитель сказал:
– Всё, что прекрасно в человеке,
То благородный раскрывает,
Что безобразно в человеке,
То благородный устраняет.
Ничтожный же позорит род,
Он делает наоборот.

XII, 17

Цзи Канцзы спросил Чжунни:
– Хотел бы я услышать Ваше мнение,
В чём состоит искусство управления?

Чжунни ответил: «Старцы не лукавят:
Правленье с прямотой должно смыкаться –
Когда посредством выпрямленья правят,
То кто кривым посмеет оставаться?»

XII, 18

Растущим воровством обеспокоенный
Канцзы решил Конфуция спросить:
– Найти возможно ль способ не диковинный,
Чтоб воровство в стране искоренить?
– Наживу не считайте за усладу,
Не будут воровать и за награду, –
ответил Конфуций.

XII, 19

Цзи Канцзы спросил Кун-цзы об управлении:
– Можно ль тех казнить, кто Дао не имеет,
Чтоб к себе приблизить тех, кто им владеет?
Кун-цзы рёк в ответ: «К чему людей казнить
Тем, кто правит, тем, кто властны суд вершить?
Править будете добром, и зло умрёт,
Добрым станет и покладистым народ.
Добродетель благородного есть ветер,
У ничтожного трава есть добродетель.
Благородный делом меряет слова,
Ветер дует – пригибается трава».

XII, 20

– Каким особым свойством наделённым
Быть должен муж учёный, – Чжан спросил, –
Чтоб звать его высокоодарённым?
На то в ответ Чжунни проговорил:
– Ты сам в вопросе этом искушённый,
Ответь мне, кто высокоодарённый?
– Такой, о ком наслышаны в стране,
Такой, о ком наслышаны в семье.
– Но это тот, витает слух о ком,
Едва ли он высокоодарён.
Высокоодарённый тот, кто прям,
Кто ратует всегда за справедливость,
Прислушивается к людским словам
И лесть не принимает за учтивость.
Не суетлив при встречах деловых,
Следит за тем, чтоб ниже быть других.
Его сочтут, бесспорно, и в стране
Высокоодарённым, и в семье.
А тот, о ком витает слух, рядится
Под тех, кто человечностью лучится.
О ком витает слух – раб заблуждений,
Он действует, не ведая сомнений.
О нём-то и наслышаны в стране,
О нём-то и наслышаны в семье, –
сказал Чжунни.

XII, 21

Чи молвил на прогулке близ Уюй,
Где чистая прохлада горных струй:
– Как добродетель вознести? Спросить
Ещё хочу, как зло искоренить,
При этом в заблуждения не впасть?
– Вопрос прекрасен, – Цю сказал, – весом!
Сначала делу не давай пропасть,
Успех, награды, почести потом –
Не вознесёшь ли добродетель тем?!
Борись со злом в себе самом, зачем
Его искать в других? Чужое – мгла,
Не это ли искорененье зла?!
При вспышке гнева о себе забыть
И о родных – так я хочу спросить,
Пусть мой вопрос провидец и ответа –
Скажи, не заблужденье разве это?!

XII, 22

Фань Чи о человечности спросил.
– Любить людей, – Учитель пояснил.
О знании спросил Фань Чи. «Важней, –
Учитель молвил снова, – знать людей».
Фан Чи недоумения не скрыл,
Учитель суть вопроса изложил:

– Необходимо возвышать прямых
И ставить над кривыми их.
Когда прямые будут возвышаться,
То и кривые будут выпрямляться.
Фань Чи ушёл и, встретившись с Цзы Ся,
Проговорил: «Смущён однако я.
Учитель рёк, коль возвышать прямых
И ставить над кривыми их,
То и начнут кривые исправляться.
Хотелось бы получше разобраться,
Что это значит, кругом голова?»
Цзы Ся: «То драгоценные слова!
Когда был *ваном* Шунь, то выбирали
Из масс людских, был выбран Гао Яо,
Кто был нечеловечен, тех не стало.
Когда был *ваном* Тан, то выбирали
Из масс людских, И Инь почёт приял,
Кто был нечеловечен, тот пропал».

論語

XII, 23

Цзы Гун спросил: «Как к другу относиться?»
Чжунни: «Быть искренним и предостерегать,
Вести путём добра, а коль случится –
Не сможет рядом он с тобой шагать,
Остановись, его не понукай,
Себя не укоряй и не терзай».

XII, 24

Цзэн-цзы сказал:

– С помощью культуры благородный муж
Созидает дружеский союз.
В дружбе за слова свои ответствует,
Человеколюбие он пестует.

Конфуций и ученик Янь Хуэй на прогулке к северо-востоку от Цюйфу у рек Чжу и Сы.

Глава XIII. «Цзы Лу …»

XIII, 1

Спросил о сущности правления Цзы Лу.
Чжунни: «Главенствовать и принуждать к труду».
Цзы Лу: «Подробнее могли бы пояснить?»
Чжунни: «Усталости не знать, про лень забыть».

XIII, 2

論語

Став управляющим у Цзи, спросил Чжун Гун:
– Как в управлении достичь созвучья струн?
В ответ Чжунни: «Стой во главе властей,
Умей прощать за мелкие ошибки
И возвышай талантливых людей».
Не смог Гун скрыть растерянной улыбки:
– А кто талантливый, достойный, как понять?
Не зная этого, как можно возвышать?
– Тебе известных возвышай, – Учитель рёк, –
Кого не знаешь, не беда, придёт их срок.
Ты полагаешь, кто талантлив, тот незрим?
Да разве люди не дадут раскрыться им!

XIII, 3

Цзы Лу спросил: «Вас вэйский царь зовёт,
Вас управляющим поставит он.
С чего Учитель действовать начнёт?»

Конфуций: «С выпрямления имён».
Лу высказал недоумение:
– Вы выбрали окольную стезю!
К чему такое выпрямление?
Конфуций рёк: «Ну и простак ты, Ю!
Что благородный муж не смог понять,
Пробелом должен для себя считать.
Не будут выпрямлены имена –
Не станут вслушиваться и в слова.
Не станет слух воспринимать слова,
Не будут выполняться и дела.
Когда дела далёки от похвал,
Завянут музыка и ритуал.
Завянут если – нет и процветания,
И не достигнут цели наказания.
А не достигнут цели наказания,
То как народу проявить старания?
Ему и руку негде приложить,
И некуда ему ногой ступить.
Уж если благородный именует,
То тем порядок создаёт в умах,
Чтобы о вещи, той что существует,
Возможно было высказать в словах.
И если что-то выскажет в словах,
То для того, чтоб воплотить в делах.
Небрежного не бросит слова,
А это стоит дорогого».

XIII, 4

Попросил Учителя Фань Чи:
– Как возделать землю, научи.
Рёк Чжунни: «Не обольщаюсь я –
Земледельцы есть и опытней меня».
Попросил Учителя Фань Чи:
– Огородничеству научи.
Рёк Чжунни: «Не сомневаюсь я –
Огородники есть опытней меня».
Фань Чи ушёл. Учитель, бросив взгляд вдогон,
Сказал: «Ну и Фан Сюй, как всё же мелок он!
Коль ритуал не нарушается в верхах,
Кто быть посмеет непочтительным в низах?
Коль уважаем ритуал, любим в верхах,
То кто посмеет непослушным быть в низах?
Коль привечается доверие в верхах,
То кто враждебностью откликнется в низах?
А будет так, к тебе народ со всех сторон
Начнёт стекаться, за спиной неся детей.
Тогда правителю страны какой резон
Возделывать поля? Дела есть и важней».

XIII, 5

Учитель сказал:
– Он наизусть читает триста песен,
А поручили управлять – то очень тесен

И скован ум его вдруг оказался,
Он управлять не мог, как ни старался.
Куда б ни назначали быть послом –
Владел он плохо этим ремеслом.
Все триста песен помнит до одной,
Да только в этом есть ли толк какой?

XIII, 6

Учитель пояснил:
– Когда сам прям и долгу служишь верно,
И без приказа за тобой пойдут.
А если сам не прям и служишь скверно,
И по приказу с места не сойдут.

論語

XIII, 7

– Основаны на братстве в царствах Вэй и Лу
Законы управления, – промолвил Цю.

XIII, 8

Учитель говорил:
– У князя вэйского есть, знаю, сын,
Искусно домом правит этот Цзин:
Чуть заимел, едва жить лучше стал,
«Пока что обойдёмся!» – он сказал.
Чуть больше заимел, чем обладал,
«Пока что ныне хватит!» – он сказал.

Разбогател, есть, что душе угодно,
Промолвил он: «Пока что превосходно!»

XIII, 9

Цю въехал в Вэй, конь шаг свой поубавил.
Жань Ю был рядом, он повозкой правил.
– Людей как много здесь, и всё в движении,
Галдят наперебой – столпотворение! –
Учитель молвил. Ю спросил его:
– Коль много, что же надобно ещё?
Сказал Учитель: «Бедность не плодить,
Не на словах людей обогатить».
Ю вновь спросил: «Допустим, стал богат,
Ещё что надо, чтоб не знать утрат?»
Учитель молвил: «Мудрость возлюбить
И тянущихся к знаньям обучить».

XIII, 10

Учитель утверждал:
– Коль власть меня на службу призовёт,
Улучшу царство я уж через год,
А через три, пусть буду дерзновенным,
Я б сделал государство совершенным.

XIII, 11

Учитель произнёс:
– «Когда бы добрым людям Небо дало

Сто лет на царском троне восседать,
Тогда бы в царстве и злодейств не стало,
И казни отказались применять».
Никто не опровергнет мудрость слов,
Пришедших к нам из глубины веков!

XIII, 12

Учитель молвил:
– Если даже станет истинно правление,
Будет царь радеть за справедливость,
Всё равно необходимо поколение,
Чтобы человечность утвердилась.

論語

XIII, 13

Учитель сказал:
– Когда сумел ты выпрямить себя,
Для управленья
нет препятствий никаких.
А не сумел – не выпрямил себя,
То как же будешь выпрямлять других?

XIII, 14

Вернулся поздно из дворца Жань Ю,
– Что припозднился так? – промолвил Цю.
Жань Ю сказал уверенно и смело:
– Судили государственное дело.

– Да нет же, о другом беседа шла,
И обсуждались частные дела.
А если б государственные были,
То мне о них бы тотчас доложили,
Хотя на службе я не состою, –
Ему ответил, усмехнувшись, Цю.

XIII, 15

Дин-гун спросил:
– Можно, бросив лишь фразу одну,
Привести к процветанью страну?
Можно ли таковую найти?
– Нет такой ни вблизи, ни вдали, –
Цю сказал, – но умнó говорить:
«Очень трудно правителем быть,
Да и подданным быть нелегко».
Уяснишь этих слов существо,
Этой мысли распробуешь вкус,
Что «правителем быть – тяжкий груз»,
Будешь близок, пожалуй, к тому,
Что «одной даже фразой страну
Привести к процветанию можно».
Но дотошен Дин-гун: «А возможно,
Обронить только фразу одну
И погибель навлечь на страну?

Можно фразу такую найти?»
– Нет, к такой неизвестны пути, –
Цю сказал, – но умнó говорить,
Что «царём мало радости быть.
Слово молвишь – то к счастью, к беде?
Возразить, кто посмеет тебе?»
Если слово рождает добро,
И ему не перечит никто,
Что же в этом, скажите, плохого? –
Ничего, так как праведно слово.
Если ж слово рождает дурное,
И ему не перечат – такое
Да не близко ли будет к тому,
От чего боль в душе не сокрыть:
Даже с крепкою властью «страну
Можно фразой одной погубить».

論語

XIII, 16

Шэ-гун спросил о сути управления.
Учитель молвил: «Я такого мнения:
Когда близ Вас всем радостно, легко,
И к Вам приходят те, кто далеко».

XIII, 17

Стал Цзы Ся правителем Цзюйфу,
Он об управлении спросил.

Цю ему в ответ проговорил:
– Не спеши,
вредна поспешность в деле,
Поспешишь – и не достигнешь цели.
Малой выгодой прельстишься
– прогоришь:
Дело важное, большое не свершишь.

XIII, 18

Шэ-гун в беседе с Конфуцием сказал:
– Правдивый парень в *дане* был моём,
Конфуз произошёл с его с отцом:
Отец украл барана, парень сам –
Не принуждал никто –
донёс властям.
На то Конфуций рёк: «В моём же *дане*
Правдивые на ваших не похожи,
Они бы об украденном баране
Не думали, что он отца дороже.
Отец и сын друг друга прикрывают,
Взаимно от невзгод оберегают.
Так в *дане* понимают справедливость,
И в этом заключается правдивость».

XIII, 19

О человечности спросил Фан Чи.
– Скромней быть в частной жизни,
– рёк Чжунни, –
С благоговеньем управлять делами
И искренность не подменять словами,
И даже к варварам идя, стараться
От этих принципов не отрекаться.

XIII, 20

Цзы Гун однажды попросил растолковать:
– Кого «служилым мужем» можно называть?
Учитель молвил: «Кто интриги не плодит,
В ком честь жива, кто не утратил стыд,
Кто, послан будучи в далёкие края,
Вершит успешно все веления царя –
Такого смею я ″служилым мужем″ звать».
Цзы Гун Учителя переспросил опять:
– А ниже кто его, я разузнать могу?
– «Кто чтит родителей» –
их так зовут в роду,
В деревне – «те, кто старших почитает».
– А ниже кто и что собой являет?
– А ниже тот, кто цену слову знает,
Чьё дело неизменно плодотворно,
Пусть даже он упрям и спорит вздорно!

Цзы Гун спросил: «А те, кто правит ныне?»
– А этих пусть бы не было в помине.
О них известно мне не понаслышке,
Они не в счёт, ничтожные людишки! –
ответил Учитель.

XIII, 21

Учитель предостерегал:
– Не удастся удержаться середины,
Обретя её – есть повод для кручины:
Иль прибьёшься к лагерю активных,
Или встанешь под крыло пассивных.
Кто активный, без оглядки, смело
Новое осваивает дело,
А пассивный даже в нужном деле
В поисках покоя лезет в щели.

XIII, 22

– Южане знают: Небо не обманешь,
И «Если постоянством обделён,
Гадателем и лекарем не станешь».
Прекрасно сказано! Для всех времён!
Сей смысл и в «Переменах» отчеканен:
«Кто в добродетели непостоянен,
Влечёт позор на голову свою».
Об этом даже и гадать не надо,
Не меркнет истин свет, – промолвил Цю.

XIII, 23

Учитель сказал:
– Благородные мужи и в разногласии
Вносят в Поднебесную гармонию.
А ничтожные и при единогласии
Из себя являют какофонию.

XIII, 24

Цзы Гун спросил:
– Скажите мне, хотят узнать селяне,
Я их вопрос передаю послушно,
Что если, вдруг случись, односельчане
Полюбят одного единодушно?
Учитель рёк: «Такое привлекательно,
Однако всё же это нежелательно».
«Случись, а если положенье таково –
Возненавидят все сельчане одного?» –
Спросил Цзы Гун
и замер выжидательно.
– Да и такое тоже нежелательно.
Гораздо меньше разногласий станет,
Когда все добрые односельчане
Любить всем сердцем будут одного,
А ненавидеть – злые все его , –
ответил Учитель.

XIII, 25

Учитель сказал:

– Хоть благородному легко служить,
Ему, однако, трудно угодить,
И если не по Дао угождать,
К себе расположенья не снискать.
Приказывает он из убеждённости:
Приказы людям – мера их способности.
Ничтожному служить – себе рвать жилы,
Но угодить легко, не тратя силы.
Ему и не по Дао угождать –
Довольство всё равно не отобрать.
Когда ж приказы отдаёт, поздней
Придирчиво он требует с людей.

論語

XIII, 26

Учитель сказал:

– Муж благородный нравом совершенен –
Он величав, но не высокомерен.
Ничтожный же другой имеет нрав –
Высокомерен, но не величав.

XIII, 27

Учитель заметил:

– Кто твёрд, решителен в любых делах,
Бесхитростен, нетороплив в словах,

О нём и молвят – Небом не обижен,
Он к человеколюбию приближен.

XIII, 28

Цзы Лу спросил:
– Какими качествами надо обладать,
Чтобы о нём «учёный муж»
могли сказать?
– Тот, кто заботлив, радостен и кто
Умеет требовать. Как радость для него
Родные братья, требуя с друзей,
Заботой отвечает им своей, –
пояснил Учитель.

XIII, 29

Учитель убеждал:
– Если будет обучать людей
Добрый человек семь лет,
Вот тогда на боевых коней
Посадить их можно, раньше – нет.

XIII, 30

Учитель сказал:
– Не обучил – и в бой повёл,
Знать, бросил их на произвол.

Глава XIV. «Сянь спросил …»

XIV, 1

Сянь произнёс: «Скажите, что постыдно?»
– Когда в стране величье Дао видно,
Чиновники награды получают.
Когда же Дао нет, и продолжают
Чиновники награды получать,
Постыдным это надо называть, –
Сказал Учитель. «Если все напасти –
Бахвальство, ненавистничество, страсти –
Искоренить бы вместе с честолюбием,
Считать то можно человеколюбием?» –
Сянь вновь спросил.
«То труднодостижимым
Назвал бы я в грядущем обозримом,
А человеколюбием считать
Такое можно ль – не могу сказать», –
ответил Учитель.

XIV, 2

Учитель сказал:
– Кто жив мечтой
о жизни сытой и спокойной,
Учёным мужем называться не достойный.

XIV, 3

Учитель сказал:
– Если Дао есть в стране, царит в ней лад –
Прямо действуют и прямо говорят.
Если Дао нет в стране, дела спасают –
Прямо действуют, а в слове уступают.

XIV, 4

Мудрость древнюю Чжунни напомнил снова:
– В добродетельном всегда живёт дар слова.
Кто обрёл дар слова, мастер говорить –
Добродетельным он может и не быть.
Человечный – смел во все лета,
Смелый – человечен не всегда.

XIV, 5

Наньгун Ко сказал Учителю:
– В цель летела всегда И стрела,
Волочил лодку посуху Ао,
Только смерть к ним до срока пришла –
Для обоих насильственной стала.
Юй и Цзи земледельцами были,
Поднебесную в дар получили.
Ничего не ответил Учитель,
Но когда Наньгун Ко дверь закрыл,

Он промолвил: «А Ко ведь мыслитель,
Речью мудрость свою проявил.
Благородный он. Словно река
Добродетель его широка».

XIV, 6

– Есть благородные, в ком нет сердечности,
В ком не горит лампада человечности.
Но нет средь мелких тех людей,
– сказал Учитель, –
В ком человечность бы нашла себе обитель.

論語

XIV, 7

Учитель вопрошал:
– Как можно не заботиться о том,
Кого ты любишь вопреки всем бедам?
Как можно не ответствовать добром –
Тем не советовать, кому ты предан?

XIV, 8

Учитель поведал:
– Би Чэнь готовил начерно послание.
Ши Шу по тексту делал замечания.
Встречающий посланцев разных мест
Цзы Юй, по замечаньям правил текст.
Цзы Чань, что из Дунли, всё завершал
И блеск, и лоск писанью придавал.

XIV, 9

Спросил о Цзы Чане Учителя некто.
Учитель в ответ: «Человек без дефекта,
Беду отведёт от других, не зловредный,
Сказал о таком бы я – он милосердный».
– Цзы Си, – снова некто спросил, –
был какой?
Учитель: «Другой, совершенно другой!»
Затем этот некто спросил о Гуане.
– Вот был человек!
Душу людям не ранил, –
Воскликнул Учитель. – Умом одарён!
И тут же историю вспомнил о нём:
– Отняли селение Пянь для него,
Там триста семей, а владел Пянь род Бо.
Народ же из Пянь, чтобы живу остаться,
Был вынужден скудною пищей питаться.
Однако никто из людей сло́ва брани,
Пока был он жив, не сказал о Гуане.

論語

XIV, 10

Учитель заметил:
– Жить в бедности и не роптать –
так тяжело.
Богатым быть и не кичиться – так легко.

XIV, 11

Учитель сказал:
– Служить Мэн Гунчо мог бы в звании *лао*
В зажиточных кланах, как Вэй и как Чжао.
В Сюэ же, однако, и в княжестве Тэн
Сановником быть он не годен совсем.

XIV, 12

Спросил Цзы Лу, вопросов спутник неизменный:
– О ком бы Вы могли сказать: он совершенный?
Учитель молвил: «Если Цзан Учжуна ум
Взять и с отвагой Чжуан-цзы из Бянь сложить,
Бесстрастие Гунчо добавить к этим двум,
А к ним ещё Жань Цю искусность приложить
И музыкой и ритуалом осветить,
И в человеке всё одном соединить –
Тот совершенным, статься, может быть».
Учитель смолк, недолго длилась тишина,
И заключил: «Сейчас же, в наши времена,
Зачем же в том, о чём поведал, повторяться,
Чтоб совершенным человеком называться?
В чьём сердце чистый звук великих од не смолк,
Кто личной выгоды превыше ставит долг,
В ком крепок дух, и пламень сердца нет погашен,
Кто не болтлив и пред опасностью бесстрашен,

論語

Кто клятве верен мир беречь –
свет воплощенный,
О том могу сказать – он совершенный».

XIV, 13

Кун-цзы как-то Гунмин Цзя остановил,
О Гуншу Вэньцзы из царства Вэй спросил:
– Верно ли, что ваш Учитель не берёт,
Не смеётся и закрытым держит рот?
– Кто сказал об этом, ошибается.
Мой Учитель словом не бросается,
Языком вещает ясным и простым
Так, что речь его не режет слух другим.
Если весело – смеётся, но опять,
Чтобы смехом никого не раздражать.
Если даже и берёт, то справедливо,
Чтобы взятое людей не тяготило.
– Вот как! – Кун-цзы удивился, – Неужели
Твой Учитель вот такой на самом деле?!

XIV, 14

Учитель произнёс:
– Цзан Учжун – из царства Лу судья –
Озадачил просьбою царя,
Чтоб позволил государь оставить
Фан-владением потомков править.

Ходят слухи, будто у царя
Не просил он этого, но я
Не поверю, что перед царём
Он молчал с опущенным челом.

XIV, 15

Учитель молвил:
– Вэнь-гун из Цзинь не прям, погряз во лжи,
Прямой и честный Хуань-гун из Ци.

XIV, 16

Цзы Лу сказал:
– Когда Хуань-гун убил княжича Цзю,
Тогда же покончил с собой Шао Ху.
Гуань Чжун не канул в бездонную тьму –
Не свёл с жизнью счёты, кто б знал почему.
Я Ваших суждений ценю безупречность,
Неуж Гуань Чжуну чужда человечность?
– Удельных князей девять раз воедино
Сбирал Хуань-гун, без угроз и нажима,
Без силы военной умел подчинять,
Однако не следует нам забывать,
Что если столь крепок был трон Хуань-гуна,
То в этом заслуга была Гуань Чжуна.
В ком разум не застлан, тот множит добро,
Найдётся ли кто человечней его! –
ответил Учитель.

XIV, 17

Цзы Гун спросил:
– Человеколюбивым нельзя ли назвать Гуань Чжуна?
Ведь когда Хуань-гун жизнь у княжича Цзю отобрал,
Гуань Чжун не покончил с собою, а от Хуань-гуна
Получил пост высокий – он первым советником стал.
– Так, когда Гуань Чжун стал советником у Хуань-гуна, –
На вопросы Цзы Гуна Учитель тому отвечал, –
Предводителем он утвердился над всеми князьями,
Поднебесную выправил, всех воедино собрал.
И по нынешний день яркий луч его добрых деяний
Согревает людей, бережёт от невзгод и страданий.
Если б не Гуань Чжун, то с распущенными волосами
Мы ходили бы все, и смеялось бы Небо над нами,
Мы бы жили во мраке, лишь беды делили бы поровну,
И запахивали бы полу мы на левую сторону.
Разве мог Гуань Чжун думать так же, как простолюдины,
Что безвестными гибнут в канавах и в петле кручины.

XIV, 18

Сановник Чжуань у Вэньцзы был слугой,
В богатом роду мудрость чтили,
Высокие должности тот и другой
При царском дворе получили.
Услышав об этом, Учитель сказал:
– Вэньцзы я б, пожалуй, культурным назвал.

XIV, 19

–Вэйский Лин-гун, – молвил как-то Учитель, –
Дао утратил. Канцзы: «Как ему,
Если покинул он Дао обитель,
Власть удалось не отдать никому,
Царство сберечь от разрухи и бед,
В чём крепкой власти Лин-гуна секрет?»
– Вэйский Лин-гун расставляет людей:
Так, Чжуншу Юй принимает гостей, –
Молвил Учитель, – по нормам уклада,
То наблюдает за ходом обряда,
Что в Храме Предков проводят жрецы,
Войском в стране Ван Суньцзя управляет.
Коль это так, думать, что потеряет
Трон свой Лин-гун, могут только глупцы.

XIV, 20

Учитель сказал:
– Что с лёгкостью бесстыдной обещают,
С большим трудом и редко исполняют.

XIV, 21

Чэнь Чэнцзы изничтожил Цзянь-гуна.
Омовение Цю совершил
И, придя во дворец, у Ай-гуна
Покарать Чэнь Чэнцзы попросил –

Ведь царя своего Чэнь убил.
От Ай-гуна дождался ответа:
– Доложи трём сановникам это.
Выйдя, Цю рёк себе самому:
– Рангом следую я за *дафу*[*],
По-другому не мог поступить –
О случившемся не доложить.
Слов царя я являюсь невольником:
«Обо всём доложи трём сановникам».
Прибыл к ним, просьбы Цю прозвучали,
Но сановники Цю отказали.
Выйдя, рёк он себе самому:
– Рангом следую я за *дафу*,
По-другому не мог поступить,
О случившемся не доложить.

XIV, 22

Пришёл Цзы Лу с вопросом к Цю,
Как следует служить царю.
Ответил Цю: «Ему не лгать,
И, не боясь, увещевать».

[*] *дафу* – ранг сановника.

XIV, 23

Учитель сказал:

– Стремится к высшим совершенствам благородный,
Напротив, к низким благам тянется ничтожный.

XIV, 24

Учитель сказал:

– Учились в древности, чтоб совершенствовать себя,
А нынче учатся, чтоб превозвысить «я».

XIV, 25

論語

Советник Цюй к Чжунни посланца отрядил,
Его напротив усадив, Чжунни спросил:

– Скажи мне, чем твой озабочен господин?

– Он постоянно озабочен лишь одним,
Как приуменьшить промахи свои,
Но до сих пор не смог ответ найти.

Посланец вышел. Стих лишь шум шагов,
Чжунни восторженно: «Посланник-то каков!»

XIV, 26

Учитель молвил:

– Пока не встал на новый пост, не вправе
Раздумывать и об его уставе.

– Не размышляет благородный муж о том,
Что не предписано ему его постом, –

вторил Учителю Цзэн-цзы.

XIV, 27

Учитель разъяснял:
– Благородный муж стыдится,
Коль такое с ним случится:
Слово молвил, слово дал,
А на деле не сдержал.

XIV, 28

Учитель поведал:
– Муж благородный
трём принципам следует,
Неукоснительно их исповедует,
Дао его раскрывает их суть,
Жаль, не сумел я до них дотянуть:
Кто человечен, в печаль не впадает;
Мудрый уверен, сомнений не знает;
Храбрый в опасности страх забывает.
Молвил Цзы Гун чуть поздней наставительно:
– Все эти принципы – Дао Учителя.

XIV, 29

Цы пристрастился сравнивать людей.
Учитель рёк: «Цы, хочешь стать мудрей?
Ведь в воду камушки бросать – не сеять семя,
Я вот не трачу на безделье время».

XIV, 30

Учитель наставлял:
– Пусть не знают тебя, не печалься о том,
А горюй, что не смог овладеть мастерством.

XIV, 31

Учитель сказал:
– Не ведать, что обманут,
Не знать, что не поверят,
И, действуя по плану,
Предугадать потери,
Служить не уставая –
Вот мудрость вековая!

論語

XIV, 32

Обратившись к Чжунни, молвил Му:
– Что ты так раскудахтался, Цю?
Словом к слову узор хочешь свить,
Красноречие жаждешь явить?
– Яркой речью не смею блистать,
Мне от грубости боль не унять, –
ответил Чжунни.

XIV, 33

Учитель сказал:
– Не за силу славится превосходный конь,
А за норов свой крутой и зениц огонь.

XIV, 34

Спросил однажды некто: «Каково,
Когда добром ответствуют на зло?»
– К чему же нужно отвечать добром?
По справедливости судись со злом,
А кто с добром придёт на твой порог,
Ответь добром ему, – Учитель рёк.

XIV, 35

Учитель рёк: «Нет знающих меня!»
Цзы Гун сказал: «Сбит с толку что-то я,
Так, значит, в Поднебесной, в том Ваш сказ,
Не отыскать, кто слышал бы о Вас?»
– Пойми, что не ропщу на Небо я,
Чту ритуал, людей не презираю,
От низшего шагать я начинаю,
Так дохожу до высшего и знаю –
В любви к ученью выше нет меня,
Лишь Небу одному известен я! –
ответил Учитель.

XIV, 36

Гунбо Ляо, где – гадать не будем,
Оболгал Цзы Лу перед Цзисунем.
Эту весть Цзыфу Цзинбо познал,
Посетив Учителя, сказал:

– Я Цзисуня уважаю, право,
Но его ввёл в заблужденье Ляо.
У меня есть силы и стремление,
Чтобы привезти на обозрение
Труп его и на заре янтарной
Выставить на площади базарной.
Рёк Учитель: «Всё судьбой вершится,
Может Дао и не воплотится,
Может воплотится – зрит она.
Гунбо Ляо – разве он судьба?!»

XIV, 37

論語

Учитель сказал:
– Достойный удаляется от мира,
За ним – бегущий из страны своей.
Потом, кого власть слухов наградила
Забвеньем во дворце, кто стал «ничей».
И наконец, чей дух в плену ледовом –
Кто не уважен государя словом.
И, помолчав, добавил: «Из таких,
Кто этот путь прошёл, знал семерых».

XIV, 38

Заночевал Цзы Лу у Каменных Ворот.
Прервал привратник утром сна его полёт:
– Откуда ты, куда свой путь наметил?

– Я от Конфуция, – Цзы Лу ответил.
Привратник вымолвил: «А это ли не тот,
Кто Поднебесную к согласию зовёт,
И, зная тщетность нескончаемых потуг,
Идёт дорогой той за кругом круг?»

XIV, 39

Чжунни пришлось в уезде Вэй гостить,
В гонг каменный, случилось, стал он бить.
С корзинкой за плечами некто шёл,
У дома, где гостил Чжунни, он речь повёл:
– В ударах сих, рождённых некой дланью,
Мне слышится призыв души к вниманью!
Немного постоял, потом сказал:
– Вот дикого упрямства идеал!
Коль не идёт никто тебя узнать,
То надо прекратить и переждать.
«Коль глубоко – я в платье перейду,
А если мелко – подниму полу».
– И впрямь храбрец! Не мелет языком,
Ему любая трудность нипочём! –
поддел Чжунни.

XIV, 40

«Вещает ″Шу″, что Гао-цзун, –
Цзы Чжан спросил,–

Три года, если траур нёс, не говорил,
Что это значит?» «Гао-цзун – достойный сын,
Он чтил обычаи, но разве он один?
И в давнем прошлом поступали люди так.
Коль государя забирал подземный мрак,
Чиновники трёхлетний траур соблюдали,
Приказы первого министра исполняли», –
ответил Учитель.

XIV, 41

Учитель сказал:
– Когда Верховный ритуал блюдёт,
То подчиняется ему легко народ.

論語

XIV, 42

– Как благородным стать? – Цзы Лу спросил.
– Стремиться к совершенству что есть сил,
Чтоб мог почтенье в людях вызывать, –
Учитель рёк. Цзы Лу спросил опять:
– Коль будет так, то этого и хватит?
– Кто совершенен, тот терпеньем платит.
Ты, совершенствуясь в делах земных,
Старайся умиротворить других, –
Сказал Учитель. Вновь спросил Цзы Лу:
– И всё? И благородным стать смогу?
Учитель: «Совершенствуя себя,

Так действуй, чтоб, тебе благодаря,
Родам людским спокойствия хватало.
Болели не о том ли Шунь и Яо!

XIV, 43

Юань Жан кого-то ждал,
Ноги под себя поджал.
Мимо Цю шёл и сказал:
– В юности не слушал старших,
Не любил и братьев младших.
А о взрослом вспоминать –
Так и нечего сказать.
Старым стал – живых живей,
Вот уж истинно злодей!
Палкой, что была в руке, стукнул Жана по ноге.

XIV, 44

Когда из селенья Цюэ послание отрок принёс,
Спросил некто: «Дать ему милость?»
Учитель на то произнёс:
– Как место себе выбирает,
садясь между важных персон,
С почтенными рядом ступает,
то в ней не нуждается он,
А ищет иного блаженства –
Скорее достичь совершенства.

Глава XV. «Вэйский Лин-гун …»

XV, 1

Лин Гун – правитель Вэй – Чжунни спросил
О расстановке войск: чем прочен тыл.
Чжунни в ответ: «Война – правителей причуды.
Как ставить жертвенные чаши и сосуды –
Обучен этому, познанья в том не шатки,
А как выстраивать армейские порядки,
Того не изучал и в том не просвещён».
На следующий день покинул царство он.

論語

XV, 2

Случилось, в Чэнь к Чжунни беде прокрасться:
Иссякла пища. Кто Чжунни сопровождал,
Ослабли так, что не могли подняться.
Тогда Цзы Лу брюзжащим голосом сказал:
– Так, значит, ставит на колени всех нужда –
  И благородного сгибает иногда.
– Хватает благородному терпения,
  Он стойко переносит все лишения.
  Ничтожный же в стеснённом положении
  У безрассудства ходит в услужении, –
ответил Чжунни.

XV, 3

Спросил Учитель: «Цы, считаешь я из тех,
Кто широко учён и в том его успех,
Кто многое усердно изучает,
И накрепко потом запоминает?»
От Цы Учитель получил ответ:
– Конечно, мыслю так! А разве нет?
Учитель молвил: «Нет. Иной путь у меня –
Одно-единым всё пронизываю я».

XV, 4

Учитель посетовал Ю:
– Среди простых да и владык
Так мало тех, кто Дэ постиг.

XV, 5

Учитель сказал:
– Да, это Шунь, кто правил недеяя!
Как делал это? – Чувства укрощая,
Сидел лицом, оборотившись к югу,
Тем вызывал почтение к себе.
Недéение ставил он в заслугу
Великой государевой судьбе.

XV, 6

Цзы Чжан спросил о трудностях пути,
Как их преодолеть, везде пройти.
– Доверие, коль словом порождаешь,
А поведением почтенье вызываешь,
Пусть даже к варварам судьба-река
Теченьем вынесет, наверняка
Тебя не тронет ни копьё, ни нож,
Любого лиха избежишь – пройдёшь.
Но, если к слову нет доверия,
А к поведению – почтения,
Хоть по родной округе ты пойдёшь,
Да разве с этой ношею пройдёшь?
Когда остановился, то представь,
Что это всё перед тобою – явь.
Вообрази, коль едешь в колеснице,
Когда скрипят натруженные спицы,
Что это всё – ничто здесь не излишне –
Прильнуло к перекладине на дышле.
Проникнись этим – и тогда пройдёшь, –
Учитель молвил. Чжан: «Урок хорош!
Не вырубить, что писано пером» –
И записал на поясе своём.

XV, 7

Учитель сказал:
– Коль спросят о Ши Юе: «Был каким?»
Скажу я про него, что был прямым.
Когда в стране в согласье жили с Дао,
Он прям был, как стрела. Когда пришла
В страну беда – народ утратил Дао –
Прямым остался так же, как стрела.
Отмечу, Цюй был благородным мужем!
Когда в стране оберегалось Дао,
Он отдавал талант свой делу службы.
Когда же Дао царство покидало,
Его таланты были не у дел –
Сворачивать и прятать их умел.

論語

XV, 8

Учитель рёк:
– Упустишь шанс с кем можно говорить,
Его к себе уже не возвратить.
С кем говорить нельзя, заговоришь,
Лишь попусту слова употребишь.
С кем можно речь вести,
тех мудрый не теряет,
Он и слова свои на ветер не бросает.

XV, 9

Учитель сказал:
– Мужи высоких помыслов и те,
Кто человечен, если есть пути:
Один из них – жизнь сохранить себе,
Другой – презреть дух человечности,
Скорей, себя готовы погубить,
Чтоб только человечность сохранить.

XV, 10

«Как человечным стать?» – Цзы Гун спросил.
Учитель дал ответ и вразумил:
– Ремесленник, к работе приступая,
Искусно выполнить её желая,
Обдумает её со всех сторон
И остро инструмент заточит он.
Ты, где бы ни был, честью дорожи,
Сановникам достойнейшим служи.
Пытайся с теми дружбу завести,
Кто человечен, – с ними по пути.

XV, 11

Спросил Янь Юань, как страной управлять.
«Ряд правил, – Учитель сказал, – соблюдать:
Династии Ся календарь применяй;

В повозках династии Инь разъезжай
И шапку династии Чжоу носи;
Из музыки – «Шао» и «У» предпочти;
Не слушай мелодии Чжэн, а льстецов
Чурайся, пусть сладок их хор голосов.
Мелодии Чжэн непристойны, а льстец
Опасен, по сути своей – это лжец».

XV, 12

Учитель наставлял:
– Кто не будет заглядывать вдаль,
Тех вблизи ожидает печаль.

XV, 13

– Всему конец! – Чжунни сказал, –
Давно уж тех я не встречал,
Кто был бы также Дэ пленён,
Как свою внешность любит он.

論語

XV, 14

Учитель укорял:
– Вэньчжун –
вот кто был скользким интриганом,
Пост занял незаслуженно, обманом.
Он о достоинствах Люся Хуэя знал,
Но при дворе ему возвыситься не дал.

XV, 15

Конфуций поучал:
– Кто снисходителен к другим,
С себя спросить имеет опыт,
Споткнувшись, держится прямым,
Тот устранит легко и ропот.

XV, 16

Учитель сказал:
– Пока не слышу глас народа:
«Как с этим быть? Как с этим быть?»,
Я тоже не ищу подхода,
Как мне задачу разрешить.

XV, 17

Учитель молвил:
– Кто день в компании просиживает долгий
И даже словом не обмолвится о долге,
А лишь болтать о праздном склонен,
К учёбе мало тот пригоден.

XV, 18

Конфуций говорил:
– О благородном так сказал бы я:
Он долг считает сутью бытия
И через ритуал его блюдёт,

Посредством слова вносит в обиход,
Шлифует верой долг до совершенства.
Вот именно такой он, благородный,
И в том его над всеми верховенство!

XV, 19

Учитель сказал:
– Благородный собой недоволен –
Неспособностью собственной болен,
Но душа у него не болит
Оттого, что он не знаменит.

XV, 20

Учитель произнёс:
– Скорбит благородный, печалится
О том, что уйдёт в мир иной,
А имя его не прославится
И в памяти сгинет людской.

XV, 21

Учитель заметил:
– Требует прежде с себя благородный,
Требует с тех,
кто с ним рядом, ничтожный.

XV, 22

Учитель сказал о благородном муже:
– Он строг, но не строптив, в сужденьях ясен,
Общителен, открыт, но не пристрастен.

XV, 23

Учитель подчеркнул:
– Человека за речи – таков благородный –
Пусть и мудрые, не восхваляет,
Но и речи его, пусть он даже ничтожный,
Благородный муж не отвергает.

論語

XV, 24

Спросил Цзы Гун: «А есть такое слово,
Чтоб нам указывало верный путь?»
– Конечно, есть. Оно тебе не ново, –
Порядочность, – Учитель рёк , – в ней суть!
Чего себе не пожелаешь дорогому,
Того не делай никому другому.

XV, 25

Конфуций вспоминал:
– Кого хвалил я и кого ругал?
Хвалил порой, однако, только тех,
Кто не речами воздух сотрясал,
А доказал на деле свой успех.

За ними, будто за поводырём,
Шли Три династии прямым путём.

XV, 26

Учитель молвил:
– Ещё восполнить я могу, ещё я в силе,
То, что в писаниях хронисты упустили.
Те, кто не мог коня объездить, им владея,
Его другим передавали, кто ловчее,
Не вязли в липкой неуменья паутине, –
Ушёл в забвение обычай этот ныне.

XV, 27

Учитель предостерегал:
– Речь красивая, где правды нет,
Добродетели наносит вред.
В малом нетерпение – отмстит:
Замыслам великим навредит.

XV, 28

Учитель сказал:
– Когда кого-то ненавидят все, не верь,
И чтобы в этом убедиться, сам проверь.
Когда кого-то любят все, не верь, всмотрись
И прежде сам проверь и в этом убедись.

XV, 29

Учитель рёк:
– Человек расширить Дао может, в силе,
Но его не может Дао сделать шире.

XV, 30

Учитель сказал:
– Ошибки делать и не устранять,
Вот что ошибкой надобно считать.

XV, 31

Учитель наставлял:
– Я пробовал весь день не есть,
всю ночь не спать,
Всё это время размышленью посвящать.
Однако пользы было мало для меня,
Полезнее учиться – сделал вывод я.

XV, 32

Учитель молвил:
– Благородный думает о Дао,
И еда его волнует мало.
Чаще тот, кто сеет хлеб и пашет,
На воде живёт и жидкой каше.
Тот, кто сеет знанья, не страдает,
Он на хлеб за это получает.

Благородный муж печалится о Дао,
Благородного нужда тревожит мало.

XV, 33

Если принципы сможем создать,
Но изымем из них человечность,
Эти принципы не удержать,
Им дорога – в забытую вечность.
Если принципы сможем создать,
Человечность вселить в них сумеем,
Но коль принципов строгость развеем,
Их не будет народ почитать.
Если принципы сможем создать,
Человечность вселить в них сумеем,
Строгость принципов в службе взлелеем,
Но не сможем их тем освящать,
Что издревле зовут ритуалом,
То добра ждать – терять время даром.

XV, 34

Учитель заметил:
– Муж благородный может мелочей не знать,
Но на себя большое дело может взять.
Ничтожный может разбираться в мелочах,
Но толку мало от него в больших делах.

XV, 35

Учитель сказал:
– Человечность важней, чем огонь и вода.
Видел, знаю страданья людские,
Только миг – и уж нет от живого следа,
Не щадят никого две стихии.
Но такого не слышал, нигде не прочёл –
В человечности кто бы погибель нашёл.

XV, 36

Учитель убеждал:
– Быть в человечности первым желай,
Даже учителю не уступай.

XV, 37

Учитель заметил:
– Благородный прям,
Но не упрям.

XV, 38

Учитель настаивал:
– Служа царю, соизмеряй,
Доискивайся, расставляй:
На первом месте, помни, – дело,
А на втором – запросы тела.

XV, 39

Учитель сказал:
– Для каждого во все лета
Открыты знания врата!

XV, 40

Учитель предостерегал:
– Кто выбрал Дао-путь не твой,
Совместных планов с тем не строй.

XV, 41

Учитель сказал:
– От слова требуй лишь одно –
Проникновенным быть должно.

XV, 42

Слепой наставник музыкантов Мянь
Пришёл к Чжунни отдать почтенья дань.
Когда к ступеням подошёл слепой,
Чжунни сказал: «Ступени пред тобой».
Когда слепой с циновкой поравнялся,
«Циновка здесь», – Учитель отозвался.
Когда уселись по своим местам,
Учитель всех наставнику представил:
– Такой-то здесь сидит... такой-то – там.
Когда слепой наставник дом оставил,

Цзы Чжан спросил, неясностью томим:
– А можно ль так общаться со слепым?
Учитель рёк: «Так именно и надо –
То правило обычное из ряда
Известных правил помощи слепому
Наставнику ль, незрячему другому».

Попытка Хуань Туя, военачальника из царства Сун, погубить Конфуция, повалив на него большое дерево.

Глава XVI. «Цзиши …»

XVI, 1

Цзиши решил, чтоб силу показать,
Владенье Чжуаньюй завоевать.
Жань Ю с Цзи Лу к Конфуцию явились
И с ним недоброй вестью поделились:
– Цзиши свою усилить хочет власть –
На Чжуаньюй он думает напасть.
Конфуций рёк: «Нет у безумья дна.
Жань Ю! А не твоя ли в том вина?
Ещё преждерождённые цари
Признали: Чжуаньюй – обитель тайн.
Между собой условились они,
Что Чжуаньюй – горы Дунмэн хозяин.
Владенье ритуалов дух хранит,
К тому ж оно в пределах Лу лежит.
Живут в нём люди родственных кровей –
Все подданные наших алтарей.
Кому, как ни Цзиши о том не знать,
Зачем же на владенье нападать?»
Жань Ю в ответ: «Так господин желает.
Нас, подданных его, то удивляет».
Конфуций рёк: «Ты слеп, как днём сова,
Как, Ю, не вспомнить Чжоу Жэнь слова:

論語

″Вставай в ряды, коль сила есть для чести,
А если немощный, то стой стоймя на месте!″
Когда в опасности поддержки нет –
Споткнулся лишь, а слуг простыл и след –
Держать таких помощников к чему?
И говоришь неверно ты к тому.
Когда из клеток тигры убегают
И носороги, яшму разбивают
Да черепашьи панцири в ларцах,
То у кого прочтёшь ответ в глазах
На горестный вопрос – то чья вина?»
Жань Ю сказал: «Угроза мне видна:
Ведь станут стены в Чжуаньюй крепки,
Владение недалеко от Би,
И коль сейчас его не захватить,
Пока не надо для того геройства,
То для потомков князя может быть
Оно поздней предметом беспокойства».
Конфуций молвил: «Благородный муж
Не терпит тех, кто ноет, что не дюж,
Кто произносит вместо ″быть сему″ –
Слова ″меня принудили к тому″.
Есть страны, семьи – мне их называют,
Где вовсе не от сирости страдают,
А от распределения. Что скверно –
Оно среди семей неравномерно.

И где не бедность людям в наказанье,
Неумиротворённость – в том страданье.
Ведь коль распределенье равномерно,
То бедности не будет; также верно,
Когда согласие и слышен смех детей,
Тогда и сирых нет среди людей;
Когда покой и умиротворённость,
Переворотам предпочтут покорность.
Пусть так. Но если вышла канитель,
Что жители окраинных земель
Не покоряются и держат меч,
Что делать знают исстари уже –
Культуру совершенствовать и Дэ,
И этим самым их к себе привлечь.
А привлекут – доверие стяжают,
Вот так, бескровно умиротворяют.
Вы слуги, Ю и Цю, при господине
И помогаете ему вы ныне.
Однако в царстве жители окраин
Считают, что Цзиши им не хозяин,
Так как он может их к себе привлечь?
Его страну разлад одолевает,
И он её не в силах уберечь.
Да и к тому ещё он замышляет,
Презрев уроки мудрой старины,
Начать войну внутри своей страны.

Боюсь, не в Чжуаньюй угроза скрыта,
В его дворце опасность – он и свита.

XVI, 2

Конфуций сказал:
– Когда в Поднебесной есть Дао,
Всё: музыка и ритуал,
И войны, мятежников кара, –
Исходят от власти Верховной,
Сын Неба ей путь начертал.
Когда в Поднебесной нет Дао,
Всё: музыка и ритуал,
И войны, мятежников кара, –
Исходят от княжеской власти,
Ей путь ум князей начертал.
Когда от князей то исходит,
Так редко бывает, проверено,
Чтоб десять прошло поколений,
А власть не была бы утеряна.
Когда от вельмож то исходит,
Так редко бывает, проверено,
Чтоб минуло пять поколений,
А власть не была бы утеряна.
Когда в государстве попала
Власть в руки вассалов вассала,
Так редко бывает, проверено,

Чтоб минуло три поколения,
А власть не была бы утеряна.
Когда в Поднебесной есть Дао,
То власти – верховного права –
Сановники не получают,
Поэтому не управляют.
Когда в Поднебесной есть Дао,
Оно для страны, как застава,
Поэтому простолюдины
Не видят для смуты причины.

XVI, 3

Конфуций молвил:
– Дом княжеский не обошло ненастье –
Пять поколений он уж не у власти.
И меньше чуть – четыре поколения –
В руках сановников бразды правления.
Вот потому, не скрыть своей печали –
Потомки Трёх Хуаней измельчали.

XVI, 4

Конфуций учил:
– Есть виды дружбы – три полезных
И есть три вида дружбы вредных.
Полезно отнести к своим друзьям
Того, кто знающ, верен слову, прям.

А дружба с тем вредна, кто краснобай,
Льстец, лицемер – её не привечай.

XVI, 5

Конфуций сказал:
– Из радостей, известных с давних лет,
На пользу людям три, а три – во вред.
Когда на сердце радостно и ново:
От ритуальной музыки; от слова,
Что сказано не о тебе – другом;
От дружбы с тем, кто честен и умён, –
Полезна эта радость. Но она
Со всею очевидностью вредна,
Когда приходит к нам от развлечений,
Распущенности, лишних украшений.

XVI, 6

Конфуций поучал:
– С благородными общаясь, не теряй
Разуменья, трёх ошибок избегай:
Говорить, когда не время речь держать, –
Торопиться, ход вещей опережать;
Стать немым, когда настало время слов,
Значит скрытничать, закрыться на засов;
Не следить за выражением лица
Собеседника и речь – удел слепца.

XVI, 7

Конфуций предостерегал:

– Остерегается в чреде бегущих дней
Тот, кто исполнен благородства,
трёх вещей:
Когда он юн, дыханье с кровью горячи,
Остерегается он чувственной любви.
Достигнув зрелости, расцвета – той поры,
Когда дыханье с кровью силою полны,
И гордый дух к заветным целям устремлён,
Остерегается соперничества он.
Дожив до лет, достойных почитания,
Когда и кровь остыла, и дыхание,
Остерегается в свой день осенний
Того, что скрыто в жажде обретений.

XVI, 8

Конфуций произнёс:

– Боится благородный трёх вещей:
Веления Неба, великих людей,
Премудрого слова. А тот, кто ничтожен,
К поступкам и мыслям иным расположен:
Веление Неба ему не закон,
Не знает его он и страха лишён.
Он к людям великим презрительно злобен
И мудрому слову внимать не способен.

XVI, 9

Конфуций сказал:

– Такой других всех выше наперёд,
Кто знаньем от рожденья обладает.
Тот ниже, кто прозрения не ждёт,
Кто знание в учёбе обретает.
Ещё тот ниже, кто не по желанью,
Кто из-за трудностей стремится к знанью.
А тот, кто встретив трудность на пути,
Сказал, что хоть меня озолоти,
Учёба не нужна – он ниже всех,
Такому не продвинуться наверх.

論語

XVI, 10

Конфуций молвил:

– Не поступает благородный наобум,
У благородного на сердце девять дум:
Взирая, думает о том, чтоб зорким быть,
А слушая, о том, чтоб чуткость сохранить;
За выражением лица следя, оно
Он думает, что быть приветливым должно;
Когда о внешности заботу проявляет,
Он уважение к себе предполагает;
Коль произносит слово, помнит он одно,
Что искренне звучать должно оно;
Коль служит, проявляет он старание,

Поскольку думает о почитании;
Когда не знает точного ответа,
Он думает о поиске совета;
Когда под властью гнева быть дано,
Не забывает о последствиях его;
Намереваясь что-нибудь приобрести,
Он прежде думает о справедливости.

XVI, 11

Конфуций говорил:
– «Столкнувшись с хорошим,
к нему устремляюсь,
Боясь, что оно испарится.
Столкнувшись с дурным,
от него прочь бросаюсь,
Как будто страшусь обвариться», –
Такие мне люди под взор попадали,
До слуха такие слова долетали.
«Живу, как отшельник, избрал эту долю,
Хочу в одиночестве пестовать волю,
И следуя долгу, на шаг отступить
Не смею, чтоб Дао своё претворить», –
На слух я такие слова примечал,
Таких же людей никогда не встречал.

XVI, 12

Цзин-гун десять сотен четвёрок коней
Держал при дворе, а почил, то при всей
Его величавости, всё же был князь,
Одна добродетель в нём хоть бы нашлась
В день смерти, и слава о ней разнеслась.
Постигла голодная смерть двух селян
Бо И и Шу Ци у горы Шоуян,
А их прославляет народ до сих пор.
Вот надо о чём бы вести разговор.

論語

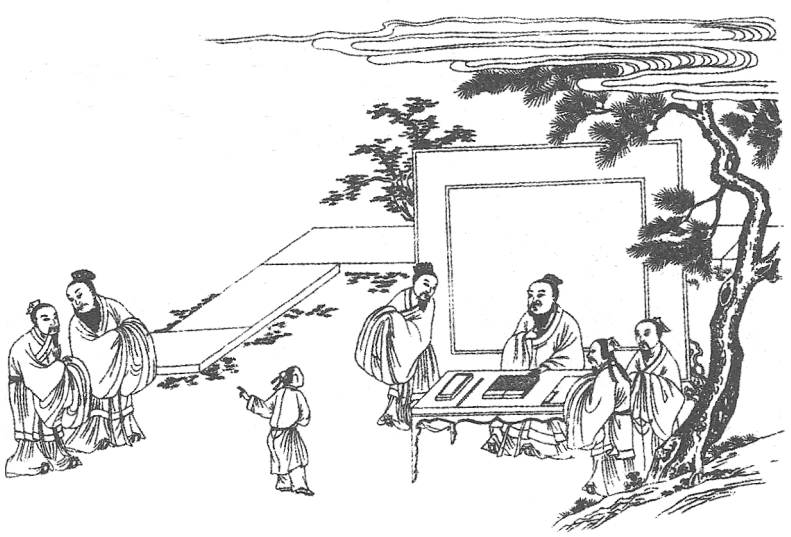
XVI, 13

Бо Юю – сыну Мудреца
Чэнь Ган вопрос припас:
– Особенное от отца
Вы слышали, хоть раз?
– Да нет, не помнится за ним,
Хотя... был разговор.
Однажды он стоял один,
А я шёл через двор.
«Постой, – он молвил, – не спеши,
И дай отцу ответ,
А изучаешь ли ты ″Ши″?»
Я буркнул: «Ещё нет».
«Такому, кто не учит ″Ши″,
И нечего сказать», –

Изрёк отец, и я решил
Свод «Песен» изучать.
Однажды, случаем гоним,
Я через двор спешил,
Отец опять стоял один
И он меня спросил:
«Ты учишь ритуалы?». «Нет», –
Таков был мой ему ответ.
На то отец проговорил:
– Ну, ты и обормот,
  Кто ритуалы не учил,
  Не утвердится тот.
Я удалился. Как не внять
Совету. Не за страх
Стал ритуалы изучать.
Об этих двух вещах –
Вот всё, о чём и слышал я.
 – Спросил я об одном, –
Чэнь Ган заметил, уходя, –
  Одно свелось же к трём:
  Услышал о значенье «Ши»;
  Как важен ритуал;
  Как благородные мужи,
  То в третьих услыхал,
  Умеют за сынов радеть –
  Они их учат вдаль глядеть.

XVI, 14

Свою супругу государь «супругой» величает.
Она себя перед царём «малышкой» называет.
Все жители, жене царя почтенье воздавая,
Внутри страны зовут её «супругой государя».
А за пределами страны, бывая, всякий житель
Зовёт жену царя он так: «наш маленький правитель».
И жители соседних стран ей титул не меняют,
Её «супругой государя» тоже величают.



Дети вельможи Мэн Сицзы из царства Лу по завету отца пришли к Конфуцию на учёбу.

Глава XVII. «Ян Хо …»

XVII, 1

Конфуция видеть Ян Хо захотел,
Однако тот знать о себе не давал.
Ян Хо поступил, как обычай велел –
Ему поросёнка в подарок прислал.
Познав, что Ян Хо нет в поместье своём,
Конфуций к вельможе пошёл на приём.
Нежданно его повстречал на пути,
Ян Хо ему молвил: «Ко мне подойди!
Я буду с тобою сейчас говорить, –
И после продолжил, – желаю спросить:
Когда человек дар скрывает в себе
И молча взирает на хаос в стране,
Могу ли я, истину не исказив,
Промолвить, что он человеколюбив?
Нельзя! – говорю. Вопрошаю опять:
А можно ли умным того называть,
Кто к службе стремится всем сердцем своим,
Но шансы теряет один за другим?
Нельзя! – отвечаю. Но есть всему срок,
Ведь время течёт, как сквозь пальцы песок».
Конфуций молчанье прервал: «Так и быть,
Пусть станет по-вашему, буду служить».

論語

XVII, 2

Учитель заметил:
– Что от природы нам дано, то нас сближает,
А что в привычках обретаем – отдаляет.

XVII, 3

Учитель рёк:
– Лишь в мудрости высшей
Да в глупости низшей
Не жди перемены,
Они неизменны.

XVII, 4

Однажды Конфуций Учэн навестил,
Услышав там звук песнопений
С бряцанием струн, он с улыбкой спросил,
Используя образ сравнений:
«Зачем резать курицу тем же ножом,
Что режут быка»? Янь, не будь простаком,
Заметил: «Учитель, припомнил сейчас,
Что ранее слышал такое от Вас:
″Когда благородный штудирует Дао,
В нём к людям любовь начинает взрастать.
Когда же простой человек учит Дао,
Таким человеком легко управлять″».
Конфуций признательно: «Дети мои!

Свою каждый тянет погудку,
Хочу, чтоб о чём я сказал, вы сочли
Не за наставленье – за шутку».

XVII, 5

Гуншань Буню мятеж поднял,
Обосновавшись в Би.
К себе Учителя позвал
Помощником пойти.
Цзы Лу не смог досаду скрыть,
Серьёзен стал и хмур:
– К Гуншаню незачем ходить,
Уж это чересчур.
Идти к нему – слуге вассала,
Как можно, разве Вам пристало?
Учитель: «Он зовёт меня,
Но если так, то разве зря?
Ведь коль меня на службу взять,
Тогда сумею я создать,
Чего верхи желали б тоже –
То, что с Восточной Чжоу схоже».

論語

XVII, 6

Спросил о человечности Цзы Чжан.
Ответ Конфуцием был тотчас дан:
– Кто в Поднебесной может воплотить

Пять принципов, о нём и говорить
Вполне уместно – человечен он
И с чувством милосердия рождён.
Цзы Чжан сказал: «Поведайте о них».
Конфуций рёк: «Пять со времён былых:
Почтительность, доверие и милость,
А к ним – великодушие, сметливость.
Добьёшься если от людей почтения,
Легко уйдёшь и от пренебрежения.
Великодушен будешь, то быстрей
Отыщешь путь прямой к сердцам людей.
Доверие добудешь, то примерной
Ответят службой люди, дружбой верной.
Успех придёт, гордыню исцелив
И сил придав, коль будешь ты сметлив.
А будешь милостив, как дар прими –
Придёт уменье управлять людьми».

XVII, 7

Учителя к себе позвал Би Си.
Учитель вознамерился пойти.
Цзы Лу: «Я слышал говорили Вы:
"Пред тем, кто сам недоброе вершит,
Не склонит благородный головы,
Не будет наносить ему визит".
В Чжунмоу в массы смуту внёс Би Си,

Зачем хотите Вы туда идти?»
– Не отрицаю, говорил такое,
Но разве и не говорил другое:
«Настолько крепок, что не измельчишь?
Настолько бел – черни, не зачернишь?»
Мне что, как тыкве суждено и только
Подвешенной томиться, но вот сколько
Висеть в объятиях невольных уз
И неиспробованной быть на вкус? –
ответил Учитель.

XVII, 8

– Ты слышал, Ю, про спрятанные в строках
Шесть изречений о шести пороках? –
Спросил Учитель. Тот ответил: «Нет!»
Учитель: «Вот как? Слушай мой ответ.
Любить людей и не любить учиться –
Порок, так можешь с тупостью смириться.
И знание любить, и не любить учиться –
Порок, так можешь к робости склониться.
Любить доверие и не любить учиться –
Порок, так можешь к пагубе прибиться.
И прямоту любить и не любить учиться –
Порок, так можешь к грубости скатиться.
Любить отважность, не любить учиться –
Порок, так со смутьянством можешь слиться.

論語

И твёрдость возлюбить, и не любить учиться –
Порок, так можешь безрассудством изъязвиться».

XVII, 9

Учитель произнёс: «Ученики мои!
А почему не изучаете вы ″Ши″?
″Ши″ может вдохновить, расширить кругозор,
Общительности учит, строить разговор.
Поможет выразить и восхищение,
И прямодушие, и сожаление.
Научит, как служить родителям вблизи,
Как государю своему служить вдали.
Откроет новое при чтеньи древних глав,
Названия животных, птиц, деревьев, трав».

XVII, 10

Учитель, случай выдался, спросил:
– Бо Юй, лукавством душу не порань,
Признайся мне, ты песни изучил
Разделов «Чжоунань» и «Шаонань»?
Не задававшийся таким вопросом,
Сродни уткнувшемуся в стену носом!

XVII, 11

Учитель сказал:
– Зову их для себя я «подпевалы»,
По существу, дают ход кривотолкам,

Всё ритуалы, мол, да ритуалы…
А разве только речь о яшме с шёлком?
Мол, музыка да музыка, но сколько
Внимать одно и то же – шум в ушах...
Да разве речь о барабанах только
И разве только о колоколах?

XVII, 12

Сказал Учитель: «Тот, кто строг лишь внешне,
Внутри же мягок, словно плод созревший,
Да не сродни ль ничтожным он людишкам –
А в их числе пройдохам и воришкам,
Тем, кто, то лаз под стену прорывает,
А то через неё перелезает?!»

論語

XVII, 13

Учитель заметил:
– Ещё в глубокой древности подметили,
Что ханжество – погибель добродетели.

XVII, 14

Учитель порицал:
– Краем уха услышать о Дао
И о нём вздор нести, где попало,
Означает – сорвать разум с петель,
Означает – марать добродетель.

XVII, 15

Учитель вопрошал:
– С ничтожным совместно на службу к царю?
Нет! – Душу от грязи порочной храню.
Когда ещё должности он не достиг,
То к цели идёт, плетя сети интриг.
Когда получает же должность, опять
Живёт он в боязни её потерять.
Когда потерять он боится её,
То страх подтолкнуть его может на всё.

XVII, 16

Учитель разъяснял:
– В древности, память хранящей о роде,
Три недостатка имелось в народе,
В нынешнем веке затерян их след,
Больше похоже, что их уж и нет.
В древности буйность, конечно, встречалась,
Лишь в невоздержанности выражалась.
Ныне же буйность не то означает –
Буйность в распущенности утопает.
В древности строгость и резкость похожи,
Ныне быть резче – не значит быть строже.
Ныне успел вызреть новый посев –
Строгость всегда выливается в гнев.
В древности, было, и глупость встречалась,

Только она в прямоте выражалась.
Глупость же ныне одно означает –
Лживость собою она представляет.

XVII, 17

Учитель заметил:
– Речь ловкая, лицо под лживой маской –
Обходит человечность их с опаской.

XVII, 18

Учитель сказал:
– Плохо, когда фиолетовый цвет
Тмит ярко-красный – и красного нет.
Плохо, когда Чжэн напевам так пышно,
Что и изящных мелодий не слышно.
Плохо, когда краснобаи у власти:
Над государством бушует ненастье.

XVII, 19

Учитель молвил:
– Желаю больше я не говорить.
Цзы Гун сказал: «Позвольте Вас спросить,
А что же будем мы передавать,
Коль Вы, Учитель, будете молчать?»
Учитель рёк: «К прозренью путь открыт –
А разве Небо, Небо говорит?

Сезоны чередуются в году,
Рождаясь, вещи все живут в ладу,
Природная гармония царит,
И что же Небо – разве говорит?»

XVII, 20

Жу Бэй с Чжунни увидеться желал,
Чжунни, на хворь сославшись, отказал.
Но лишь ушедший дверь закрыть успел,
Чжунни взял в руки лютню и запел,
Да так, чтоб тот, кто вышел за порог,
Напев «хворающего» слышать мог.

XVII, 21

Цзай Во сказал: «Я благодарный сын,
Но трёхгодичный траур очень длин.
Ведь если благородный муж три года
Не будет в ритуалах упражняться,
То ритуалы, как дела без хода,
С годами будут только забываться.
Три года коль он станет горевать,
Не будет звукам музыки внимать,
Она, как замурованная в грот,
Лишённая дыхания, замрёт.
Период траура, когда в печали жить,
Вполне до года можно сократить.

Ведь это срок такой обыкновенно,
Когда запасы старые зерна
Заканчиваются и постепенно
Подходят новые, и жар огня
Разнообразье исчерпал – причины:
Жгут по сезонам виды древесины».
– А успокоился бы ты, иль нет,
Когда до истечения трёх лет
Питаться рисом стал бы и, как прежде,
Позволить мог себе ходить в одежде
Из парчи? – спросил Чжунни его.
– Да, успокоился бы – рёк Цзай Во.
Чжунни: «Что ж, трауру скажи прощай,
Коль так спокойней, так и поступай!
Ведёт себя иначе благородный:
Всё время траура – период скорбный –
Он вкуса пищи не воспринимает,
От музыки утех не получает,
С ним в доме грусть, покоя он лишён,
Так потому не поступает он.
Тебя же если это успокоит,
Так поступай, никто же не неволит».
Цзай Во ушёл. Чжунни проговорил:
– Мрачит мне сердце то, что вам скажу я –
Нет человеколюбия у Юя!
И, помолчав немного, пояснил:

– Когда дитя является на свет,
То лишь по истечении трёх лет
Он сходит с рук родителей своих,
До этого – в объятиях у них.
Вот почему по ним и в Поднебесной
Трёхлетний траур – траур повсеместный.
Для матери с отцом был Юй каким?
Три года разве не был он любим?

XVII, 22

Учитель сказал:
– Как трудно целый день жевать
И ум ничем не занимать.
Да разве нет такой игры
Для взрослых и для детворы,
Как шашки?! В них когда играешь,
Всем мудреца напоминаешь.

XVII, 23

Цзы Лу спросил:
– Всего превыше благородный ценит смелость?
– Да нет, сужденьям этим свойственна незрелость.
Важней в бою не твердь копья, а флага шёлк –
Всего превыше благородный ставит долг.
Пусть у него в груди пылает жар отваги,
Но если долг утратил он, то лишь к бродяге,

Не к благородному примкнёт, с таким изъяном
С годами станет непременно он смутьяном.
А коль ничтожный смелость проявляет,
Но в сердце места долгу не хватает,
То предлагай ему занятие любое,
Он всё равно пойдёт дорогою разбоя, –
сказал Учитель.

XVII, 24

Цзы Гун спросил: «И благородный что же,
И презирать, и ненавидеть может?»
Чжунни сказал: «Достойных не обидит.
Но есть и те, кого он ненавидит:
– с чьих губ легко слетает, словно чих,
предосудительное о других;
– кто положение заняв внизу,
тех клеветой марает, кто вверху;
– тот, кто удалый, ловкий, непреклонный,
но неучтивый и бесцеремонный;
– кто безрассудно дерзок, но в итоге
становится всем поперёк дороги.
Затем, чуть помолчав, спросил Чжунни:
– А ты кого терпеть не можешь, Цы?
Ответил тот: «К тем ненависть питаю,
Кто утверждая, что, мол, созерцаю
Предел глубинный Дао, зряшно мнит,

Что в этом-то и мудрость состоит.
Тех ненавижу, в ком видна незрелость,
Кто чтит непослушание за смелость.
Тех не терплю, кто, брызгая слюной,
Считает обличенье прямотой».

XVII, 25

Учитель сказал:
– Ничтожного да женщину из всех людей
Мой опыт говорит, что воспитать трудней.
Приблизишь их – из послушания выходят,
А отдалишь их – злобою исходят.

論語

XVII, 26

Учитель заметил:
– Когда ненавидят тебя в сорок лет,
Забудь о грядущем своём, его нет.

Глава XVIII. «Вэй-цзы …»

XVIII, 1

Его покинув, с ним порвал Вэй-цзы;
Уйти не смог, в рабы попал Цзи-цзы;
Бигань был от себя им отдалён
И за увещевания казнён.
Чжунни сказал: «Ушло былое,
В Инь человечных было трое».

XVIII, 2

Когда Хуэй служил на месте хлебном –
В управе был инспектором судебным –
Его три раза с должности снимали.
Спросил Хуэя некто: «Чтоб печали
Вам впредь не докучали никогда,
Не можете уйти Вы навсегда?»
– Когда ты держишься прямого Дао
И служишь людям им, то шансов мало
Обязанности до́лжно исполнять,
Отставки ни за что не избежать.
Когда ты держишься кривого Дао
И служишь людям им, задай сначала
Себе вопрос – а надо ль увольняться,
Чтоб со своим отечеством расстаться? –
ответил Люся Хуэй.

XVIII, 3

Как-то Цзин – почтенный князь из Ци,
Ожидая во дворце Чжунни,
Молвил: «Не могу Цзиши под стать
В доме у себя Чжунни принять.
Между Цзи и Мэн, – он бровь подправил, –
Я его приму». Затем добавил:
– Я уж стар, с ним нет нужды встречаться,
Мне его услуги не сгодятся.
Эти услыхав слова, Чжунни
В тот же день покинул царство Ци.

論語

XVIII, 4

Цисцы желаньям владык угождали
В царствах своём и других,
Лускому князю певичек прислали,
Цзи Хуаньцзы принял их.
Тронному залу пришлось пустовать
Целых три дня – во дворце тишь да гладь.
Жил двор те дни в нарушение правил.
Луское царство Конфуций оставил.

XVIII, 5

Безумец из Чу имя Цзе Юй имел.
С Конфуцием встретившись как-то, пропел:
– О, Феникс! О, Феникс! Священная птица,

Скажи, добродетель к нам не возвратится?
Не надо за прошлое души трясти,
Грядущее можно, однако, спасти.
Конец уже близок! Погибель всех ждёт!
И ныне, кто правит, нас к бездне ведёт!
Конфуций хотел с ним вступить в разговор,
Но мрачный безумец был на ногу скор –
Пустился бежать и в толпе затерялся,
И их разговор так и не состоялся.

XVIII, 6

Чжан Цзюй и Цзе Ни как-то вместе пахали.
Конфуций с Цзы Лу мимо них проезжали.
Учитель Цзы Лу к земледельцам отправил,
Чтоб тот разузнал о пути к переправе.
Ответил Чжан Цзюй: «Мы вопрос твой уважим,
Но прежде скажи, правит кто экипажем?»
«То правит Кун Цю!» – им ответил Цзы Лу.
Чжан Цзюй: «А не тот ли Кун Цю, что из Лу?»
Цзы Лу: «Это он! Гордость Луской управы».
Чжан Цзюй: «Так Кун Цю знает все переправы!»
К Цзе Ни обратился Ю после того.
Спросил и Цзе Ни: «Ну, а сам-то ты кто?»
На это Цзы Лу обронил: «Я Чжун Ю».
Цзе Ни вновь спросил: «Ученик ты Кун Цю?»
Цзы Лу: «Так и есть, отпираться не буду».

– Хаóс и потоп в Поднебесной повсюду, –
Цзе Ни подхватил, – кто же выправит крен
И сможет добиться в стране перемен?
Чем рядом быть с мужем учёным таким,
Кто к людям бежит то к одним, то к другим,
Не лучше ль держаться учёных мужей,
Ушедших от мира, от суетных дней? –
Сказал и опять боронить Цзе Ни стал
И больше работу он не прерывал.
Вернулся Цзы Лу, обо всём сообщил.
Учитель с досадою проговорил:
– Нельзя быть в сообществе птиц и зверей,
Но если не с этою массой людей,
С какой я встречаюсь, по жизни шагать,
То с кем же тогда мне в общенье вступать?
Будь Дао в стране не обвито цепями,
Я против бы был перемен вместе с вами.

XVIII, 7

Учителя сопровождая, Лу отстал.
Тут случай-путаник сюрприз Лу преподнёс –
Он на своей дороге старца повстречал,
Через плечо на палке тот корзинку нёс.
«Вам не встречался ли, –
Цзы Лу его спросил,–
Учитель мой?» Старик в ответ проговорил:

– Ни рук, ни ног своих не утруждает,
Пять видов злаков он не различает.
Ты сам себе задай вопрос простой:
Что за Учитель у тебя такой?
И палку в землю после этих слов воткнув,
В молчании стал травы собирать. Согнув
Себя в приветственном поклоне, Лу застыл,
В почтенье руки на груди своей сложил.
Заночевать в свой дом старик позвал Цзы Лу.
Рис отварил и подал с курицей к столу,
Его попотчевав, представил двух сынов.
А поутру Цзы Лу оставил старца кров,
Догнав Учителя, ему всё рассказал.
Учитель рёк: «Отшельник он», – и Лу послал
Увидеться со старцем вновь. Цзы Лу пошёл,
Но старца дома не застал и речь повёл:
– От службы прятаться – о долге забывать,
Ведь между старшими и младшими нельзя
Стереть различие, их в рангах уравнять,
Такое можно ли представить, чтоб царя
И тех, кто служит у него, разъединить,
И нормы долга между ними упразднить?
Кто холить чистоту свою желает,
Тот принципы морали нарушает.
Для благородного служить – священный долг,
А то, что Дао для людей незримо,

Что голос Дао для людей утих и смолк,
Их обошёл, не задержавшись, мимо,
Что не пристало Дао к царства берегам,
И без суда молвы давно известно нам.

XVIII, 8

Отшельниками были:
Бо И, Шу Ци, Юй Чжун, Чжу Чжан,
Люся Хуэй, И И и Шао Лянь.
– Не опозорили себя, – Цю рёк, –
От замыслов своих не отошли,
Поскольку совершенствовали долг,
Бо И и младший брат его Шу Ци!
И отозвался о других позднее,
Сказав о Шао Ляне и Хуэе:
– Отвергли напрочь помыслы свои
И от позора не смогли уйти,
Хотя в суждениях мораль звучала,
А действия разумность отличала.
Сказал и об Юй Чжуне, и И И:
– В уединении себя нашли.
Во взглядах проявляли широту,
В себе хранили нравов чистоту.
Наружу не давали выйти гневу,
Не растекались мыслями по древу.

От них, однако, отличаюсь я:
Осознаю, что можно, что нельзя.

XVIII, 9

Пришлось разъехаться
по царствам музыкантам
И там признание искать своим талантам.
Придворный музыкант, кто звался Чжи,
Отправился искать работу в Ци.
Гань – музыкант при трапезе второй,
В Чу отбыл зарабатывать игрой.
А кто при третьей трапезе играл,
Имевший имя Ляо, в Цай бежал.
Цюэ – Цинь выбрал, там очаг разжёг,
Был при четвёртой трапезе игрок.
А барабанщику Фан Шу – Река
Уплыть в другое царство помогла.
У для жилья Хань берега избрал –
На малых барабанчиках играл.
Помощником при Чжи служивший Ян
И музыкант – игрок на гонге Сян,
Чтоб сердцу и душе дать волю,
Решили перебраться к морю.

XVIII, 10

Чжоу-гун,
обращаясь к князю царства Лу, молвил:
– Благородный мудрости внимает:
Он родных людей не отвергает;
Знает, что сановникам сказать,
И не вынуждает их роптать;
Дружбу старую не расторгает,
Коль причины веской не бывает;
Он не ищет чуда с волшебством –
Совершенств всех в ком-нибудь одном.

論語

XVIII, 11

Коль в Чжоу знающих людей мы спросим,
Мужей учёных, скажут, было восемь:
Бо Да, Бо Ко, Чжун Ту, Чжун Ху, Шу Ся,
Шу Е, Цзи Суй и Цзи Гуа.

Глава XIX. «Цзы Чжан …»

XIX, 1

Цзы Чжан молвил:
– Опасность встретив, он не отвернёт,
С бесстрашием навстречу ей пойдёт.
При виде выгоды соразмеряет
Свои желанья, долг не забывает.
Во время жертвоприношения
В нём дух благоговения живёт,
И на обрядах погребения
Он скорбное почтение блюдёт.
Достоинств прочих перечень не нужен,
Чтоб называть его учёным мужем.

論語

XIX, 2

Цзы Чжан сказал:
– О том, кто держит Дэ, не расширяя,
Кто верит в Дао, сердце принуждая,
В чём разница тогда, скажите мне,
Живёт иль не живёт он на земле?

XIX, 3

Ученики Цзы Ся спросили у Цзы Чжана,
Как обретаются надёжные друзья?

Цзы Чжан ответил им: «Однако странно,
Что ж, вам о том не говорил Цзы Ся?!»
Ученики продолжили: «Цзы Ся
Нам говорил об этом так: ″В друзья
Брать надо только тех, кто подойдёт,
Кто не подходит, тем давай отвод″».
Цзы Чжан промолвил: «Дружба –
не пустяк,
И что известно мне, звучит не так:
Достойных благородный почитает,
Великодушен к людям остальным,
Сердечных, незлобивых восхваляет
И к немощным сочувственно терпим.
Да, коль в меня б всесильный чародей
Великие достоинства вселил,
К кому бы в Поднебесной из людей
Великодушья я не проявил?
Не будь достоинств у меня великих,
Я прозябал бы в массе слуг безликих,
И разве б я, отвергнутый людьми,
Смог их отвергнуть, как меня они?»

XIX, 4

Цзы Ся сказал:
– Путь-Дао даже тот, что мал,
Вниманием не обходи.

Но если цель вдали избрал,
Завязнешь на таком пути.
Об этом благородный знает,
И на него он не ступает.

XIX, 5

Цзы Ся произнёс:
– Кто ежедневно постигает
То, что он ранее не знал,
И никогда не забывает,
Что он усердно постигал,
Того, точней и не сказать,
Могу философом назвать!

論語

XIX, 6

Цзы Ся подчеркнул:
– Познаний ширь и твёрдость устремлений,
Ума пытливость, взвешенность решений –
Вот с чем в ладу живёт простосердечность,
Вот где приют находит человечность.

XIX, 7

Цзы Ся сказал:
– Ремесленник жизнь в мастерской проживает,
Он там совершенства в делах достигает.
А путь благородному Небо избрало –
Он учится, чтобы постичь своё Дао.

XIX, 8

Цзы Ся заметил:
– На путь, ошибаясь, становится ложный –
Ошибки свои маскирует ничтожный.

XIX, 9

Цзы Ся промолвил:
– В трёх ипостасях благородный предстаёт:
Вблизи он мягок, смотришь издали – суров,
А что он строг, поймёшь из сказанных им слов.

XIX, 10

Цзы Ся разъяснял:
– Благородный в доверии ищет оплот,
Как найдёт, уж потом утруждает народ.
Без доверия если на это пойдёт,
То в народе мучителем он прослывёт.
Благородный доверие приобретает,
На него опираясь, и увещевает,
Но, утратив доверие даже на миг,
Ни за что не уйдёт от клейма – клеветник.

XIX, 11

Цзы Ся сказал:
– Коль в Дэ великом нормы непреложны,
То отклоненья в малом Дэ возможны.

XIX, 12

Цзы Ю спросил:
– Ученики Цзы Ся способны убирать,
Встречать гостей, вести беседу, провожать,
Однако это лишь вершки. Хочу спросить,
Куда пропали корешки, как с этим быть?
Цзы Ся, услышав это, вымолвил: «Увы!
Янь Ю неправ – нет корешков и нет ботвы.
Ведь благородный муж согласно Дао,
Что ставит во главу угла сначала?
И что по Дао оставляет на потом?
Взгляни на травы и деревья, что кругом:
Как чётко все подразделяются они,
Тогда возможно ли такое, мне скажи,
Чтоб благородный оказался бы не прям,
Чтоб вкрался в Дао благородного изъян?
Судить лишь совершенномудрый вправе,
Чему стоять в конце, чему в начале».

XIX, 13

Цзы Ся наставлял:
– Зря время жечь остерегись,
Досуг на службе есть – учись.
Свободным мигом дорожи,
Досуг в учёбе есть – служи.

XIX, 14

Цзы Ю напомнил:
– Покуда скорбь не прекратится,
  До той поры и траур длится.

XIX, 15

Цзы Ю молвил:
– Друг мой Чжан смекалистый настолько,
  Что любую трудность превзойдёт,
  Человеколюбия вот только
  Другу моему недостаёт.

論語

XIX, 16

Цзэн-цзы сожалел:
– Как внушителен Чжан! Как умнó
  Говорит слогом велеречивым,
  Только, будучи возле него,
  Трудно стать человеколюбивым.

XIX, 17

Цзэн-цзы передавал:
– От Учителя мне слышать доводилось:
  Тем, кому ещё не приходилось
  Пережить глубоких чувств своих,
  Непременно испытают их,

Чувства, что не выразить в словах, –
На родительских похоронах.

XIX, 18

Цзэн-цзы сказал: «Я слышал от Учителя:
С Чжуанцзы нам сравняться можно в том,
Как он свою почтительность родителям
Оказывал как сын. Но вот в другом,
Что слуг умершего отца не заменил,
Его все принципы правленья сохранил,
Тут надобно нам искренне признаться:
С ним в этом затруднительно сравняться».

XIX, 19

Ян Фу стал судьёй по веленью Мэнши.
Ян Фу за советом явился к Цзэн-цзы.
– Верхи, – рёк Цзэн-цзы, –
лишь позорят свой род,
Утратили Дао, в народе разброд.
За дело коль взялся, верши для людей,
Суди с милосердием и сожалей.
За праведный суд свой награды не жди
И в нём удовольствия не находи.

XIX, 20

Цзы Гун предостерегал:
– Чжоу не в меру жесток был, тиран,

Хуже ещё – в представленьях селян.
Вот потому благородному быть
Рядом с подонками – имя чернить.
Грязь Поднебесной стекает к подонкам,
Словно в клоаку в урчании громком.

XIX, 21

Цзы Гун сказал:
– Ошибки благородного видны,
Равно затменья Солнца и Луны.
Ошибка сделана – все осуждают,
Исправлена – все тут же уважают.

論語

XIX, 22

Гунсунь Чао из Вэй у Цзы Гуна спросил:
– Любопытно, однако, кто Кун-цзы учил?
– Разве Дао Вэнь-вана
с людьми не сроднилось,
Разве Дао У-вана не распространилось?
Кто достойный – изведал величья стезю,
Недостойный – узнал про ничтожность свою.
Нет таких, в ком бы не было Дао Вэнь-вана,
Нет таких, в ком бы не было Дао У-вана.
У кого ж не учился Учитель всему?!
Так к чему постоянный наставник ему? – ответил Цзы Гун.

XIX, 23

Шусунь Ушу однажды во дворце,
Где в разговорах протекают дни,
Изобразив ухмылку на лице,
Сказал: «Цзы Гун достойнее Чжунни».
Цзыфу Цзинбо поздней о том прознал
И разговор Цзы Гуну передал.
Цзы Гун: «Узришь немногое с колен.
Возьмём к тому пример дворцовых стен.
Моя стена до плеч мне достаёт,
И за стеною взору предстаёт
Всё то хорошее, что в залах есть.
На стену же Учителя не влезть
Без помощи особых ухищрений –
В ней высоты немало будет *жэней* –
И потайных дверей, коль не найдёшь,
То и вовнутрь дворца не попадёшь,
Не разглядишь ни роскоши палат,
Ни Храма Предков праздничный наряд,
Богатства государственных чинов.
А встретить тех, кто подтвердить готов,
Что в поиске двери той преуспел,
Большая редкость. Вникнуть
в сущность дел
Порой и рассудительный не может.
Не с тем ли связаны слова вельможи!»

XIX, 24

Шусунь Ушу порочить как-то стал
Чжунни. «Напрасный труд! –
Цзы Гун сказал, –
Чжунни, как не хотеть – не опорочить,
Как невозможно день и ночь отсрочить.
Холмы, бугры, что встретишь на пути,
Легко преодолеть иль обойти –
Они и есть достоинства других.
Достоинства ж Чжунни, коль сказ о них,
Так глубоки – не вычерпать до дна,
Так велики – как Солнце и Луна!
Другим до них никак не дотянуть
И невозможно их перешагнуть.
Положим, некто взял и возомнил,
Что сможет он отречься от светил.
Но пусть ответит на вопрос простой:
Вред Солнцу и Луне с того какой?
Ведь, отрекаясь, выставит ясней
Лишь меру неразумности своей».

XIX, 25

Сказал Цзы Гуну как-то раз
Цзыцинь: «Скажите почему
Вы выражаете ему
Почтение не напускное,

Его не скрыть от наших глаз,
Но разве может быть такое,
Чтоб был Чжунни достойней Вас?»
Цзы Гун: «О благородном судят
По слову одному. Гонец –
Молва, которая и будет
Клеймить: невежда иль мудрец.
Слова – над пропастью стезя,
Неосторожным быть нельзя.
Учитель же недосягаем,
Подобно Небу. Мы считаем
К нему приблизиться за честь.
Но то сродни, как понимаем,
По лестнице на Небо влезть.
Была б Учителю дана
Для управления страна,
Как молвят, скрылись бы печали:
  Кого поставил бы – стояли,
  Кого повёл бы – те пошли,
  Кому покой бы дал – пришли,
  Чью б свёл судьбу с другой судьбой –
  Поладили бы меж собой.
Ему б при жизни славу пели,
А после смерти бы скорбели.
Учитель словно Феникс-птица,
Да разве можно с ним сравниться?!»

Глава XX. «Яо …»

XX, 1

– О! Шунь! Преемство власти, – молвил Яо, –
Ниспосланное Небом, пало на тебя.
Держись в том середины, следуй Дао,
Тогда от упущений оградишь себя.
А если же в пределы четырёх морей
Лишения ворвутся, по пути царей
Отвергнутых пойдёшь, злом отягчишься –
Благоволения Небес лишишься.

論語

От Шуня сей наказ позднее принял Юй.
Промолвил Тан: «Я, недостойный сын твой, Люй,
Быка осмеливаюсь в жертву принести,
Владыке Высшему осмелюсь донести:
Не смею милость за проступки даровать,
Владыки подданных не смею покрывать.
Пусть то Владыке клятвой в сердце западёт:
Преступен буду я – другим вина не в счёт.
А так случится, что преступны все кругом,
То не карай людей, вина на мне одном».
Дом Чжоу щедро раздавал свои дары,
И те богатством прирастали, кто добры.
В делах правления У-ван законы чтил:
«Хотя вокруг полно родни, где каждый мил,

Однако тот, кто человечностью богат,
Их по достоинствам превысит во сто крат.
И за ошибки в государстве я один
Расплачиваться должен – властелин».
Чжоуский дом воздвигнут волею Небес,
К единым мерам свёл длину, объём и вес,
Систему увольнения наладил
Чиновников, ввёл исполненье правил.
Он к жизни павшие династии вернул,
Он с поколений пыль забвения смахнул –
Им возвратил наследства прерванную нить,
Сумел народности, что гибли, сохранить.
Все в Поднебесной в нём защиту обрели,
Отдали с радостью ему сердца свои.
Он был внимателен во всём,
как старший брат,
Следил, хватает ли продуктов для селений,
Не нарушается ли траурный обряд
И ритуалы жертвоприношений.
Правителю тогда народ послушен,
Когда он, властвуя, великодушен.
Когда доверие людей снискает он,
К нему потянутся служить со всех сторон.
Проворен если, то к нему придёт успех,
А бескорыстен если, радует он всех.

XX, 2

К Конфуцию пришёл с вопросом Чжан:
– Учитель, Вы могли бы подсказать,
Каким бы должен быть разумный план,
Успешно чтоб страною управлять?
Конфуций: «Знать о качествах простых:
Пять добрых помнить и четыре злых.
Держаться добрых, злые пресекать,
На сей основе можно управлять».
Цзы Чжан спросил Учителя опять:
– Пять добрых каковы? Хочу понять.
– Муж благородный милостив, но он
Не расточителен, есть мера в нём;
Трудиться благородный принуждает,
Но так, что ропота не вызывает;
В желаниях не корыстолюбив;
Величествен, однако не кичлив;
Хотя и грозен, всё же не свиреп.
Цзы Чжан спросил: «Я мыслью не окреп,
Что на поверку значит милостивым быть,
Притом
не расточительным?» Цю: «Приносить
Народу пользу, то есть следовать тому,
Во всём чтоб выгоду выискивать ему.
Не это ль означает смысл слов раскрыть:
"Без расточительности милостивым быть".

И если каждому давать посильный труд,
Смиренью разве ропот предпочтут?
Опять же, если человечности желать
И обрести её – то ль алчностью считать?
И благородный если в том неисправим, –
Не смеет быть пренебрежительным
Как ни с одним, так ни со многими людьми,
Как ни с ничтожными, так ни с великими –
Не величавости ли то всесильный свет,
Где для кичливости кричащей места нет?
И если благородный муж опрятен,
И носит шапку с надлежащим платьем,
В его любых делах видна решительность,
Всем видом вызывает он почтительность.
Суров настолько, что как будто даже свят –
И все трепещут, на него бросая взгляд,
Не означает разве это грозным быть,
Но без свирепости?» Цзы Чжан:
«Хочу спросить,
Ещё заметили Вы про четыре злых,
Нельзя ль подробнее поведать мне о них?»
– Третирование – разнузданное чванство,
Казёнщина, жестокость и тиранство.
В чём заключается жестокость – не учить
И, опираясь на неведенье, казнить.
Тиранство – не предупредить заранее,

Но исполненья требовать задания.
Третирование – задерживать приказ,
Но к исполнению его взывать час в час.
Черты казёнщины – охотно обещать,
Но людям выручку при этом занижать, –
сказал Учитель.

XX, 3

Конфуций сказал:
– Судьбы не зная, нечего мечтать
О том, чтоб благородным мужем стать.
Не зная Ритуала, осрамишься,
С пути собьёшься и не утвердишься.
Не будешь если сути Слова знать,
То не сумеешь и людей понять.

Конфуций сказал: «Природа нас сближает,
привычки отдаляют».

[«Лунь юй», XVII.2]

САНЬ ЦЗЫ ЦЗИН

三字经

Никита Яковлевич Бичурин
о. Иакинф

1

Рождаются люди – миры,
Они по природе добры,
Близки по природе своей,
Привычки ж разводят людей.

2

Не научать – ущерб для рода,
Без знаний рушится природа,
Однако Дао наученья
От вас потребует терпенья.

3

Мать Мэн-цзы в те столетья, что далёки,
Жилище по соседям выбирала.
Сын перестал учиться – брать уроки,
Мать с горя нить челночную порвала.

4

Был не мудрец Яньшань, но и не сер,
Являл он благочиния пример.
Пять сыновей, воспитанные им,
Достигли славы – путь их был прямым.

5

Растить и не учить юнца –
Большой проступок для отца.
Учить без строгости детей –
Небрежность для учителей.

6

Годы молодые без ученья
Оставляют только сожаленья.
Если от учёбы был свободен,
То на что же в старости ты годен?

7

Коль яшма не обсечена,
Не может вещью быть она.
Кто не учился – нерадив,
Как знать ему, кто справедлив?

8

Обязан каждый сын не за награды,
Пока он юн, пока он в детства храме:
Быть вежливым с наставником, друзьями,
Являть учтивость, изучать обряды.

9

Хуан-сян в девять лет уж отцу
Грел постель своим телом, юнцу

Помогало в том сердца веленье:
Так к отцу проявлял он почтенье.

10

Жун мог в четыре года удивить –
Тому, кто старше, грушу уступить.
Для младших старший брат – авторитет,
Знать надлежит об этом с малых лет.

11

Родителей и старших почитать,
Уметь обдумывать, сопоставлять,
Знать счёт и что таится за числом,
Владеть науками и ремеслом.

12

От одного идём до десяти,
От десяти до ста легко пройти,
От ста до тысячи – пути прямы,
Извилисты – от тысячи до тьмы.

13

Земля и Небо, в центре Человек,
Гармония всех трёх – их оберег.
Льют три светила свет, не зная сна:
Звёзд мириады, солнце и луна.

14

Три связи вековых в пути мирском:
Долг подданного пред своим царём,
Любовь отца и сына меж собой,
Согласие меж мужем и женой.

15

Весна и лето – времени слои,
Вслед – осени, зимы проходят дни.
Четыре времени счисляют год,
И нескончаем их круговорот.

16

На Юг и Север, Запад и Восток –
Связующая нить путей-дорог.
Двух линий крест – четыре стороны,
Вкруг Центра одного размещены.

17

Вода, огонь – названья двух первоначал,
За ними дерево, за деревом – металл,
Земля вершит черёд – вот пять стихий всего,
В основе всех пяти покоится число.

18

Человеколюбие и верность,
Справедливость, знаний достоверность,

И обряд – пять добродетелей всего,
Ты пред ними преклоняй своё чело.

19

Рис, просо, гаолян, пшеница,
Бобы, чумиза – сколько длится
Уж род людской – от века к веку
Едою служат человеку.

20

Собака, курица с овцой,
Корова, лошадь со свиньёй –
Все шесть животных кой уж век
Растит и кормит человек.

21

Желать, бояться, ненавидеть и любить,
Жалеть и радоваться, гневом исходить:
С далёкой древности до наших дней
Семь этих чувств живут в сердцах людей.

22

Горлянка-тыква, дерево, нефрит,
Из шёлка струны, кожа и гранит,
Металл, ещё вдобавок ствол бамбука –
И восемь все для сотворенья звука.

23

Прапрадед с прадедом и дед,
Отец да я – вот рода след.
И к сыну с внуком от меня
Опять протянется стезя.

24

От сына и внука до правнука,
За ним к поколенью праправнука –
Вот девять колен для единого рода,
Порядок такой у любого народа.

25

Сын с отцом – рядом в горе и счастье,
Муж с женой – во взаимном согласьи,
Дружелюбие старшего брата,
Уваженье от младшего – свято!

26

Меж старшими и младшими – примерность,
Товарищами – искренность и верность.
От государя – должное почтенье,
А от чиновника – к делам раченье.

27

Десять этих принципов верны,
В правилах родов закреплены.

Наставляя малолетних, надлежит
Растолковывать им, что такое стыд,

28

Смыслы текстов пояснять, как строчки
Разделять на фразы, ставить точки.
Тяга к знаньям чтоб не угасала:
Дóлжно быть в учении начало.

29

Окончив «Сяо-сю», начни
Читать «Сы шу» – не трать зря дни.
«Лунь юй» – опора для держав,
Имеет два десятка глав.

30

В них ученик и познаёт
Изящных правил стройный свод.
Писанье Мэн-цзы люди чтут,
Семь глав содержит этот труд,

31

В нём предстаёт он как радетель
За справедливость, добродетель.
Цзы Сы дух деда воспринял,
Цзы Сы трактат «Чжун юн» создал.

32

Не изменяй ни в чём твердыне –
Чти принцип: «Следуй середине!».
Потомкам Цзэн-цзы много правил
В трактате «Да сюэ» оставил:

33

Как совершенствовать себя,
Какою быть должна семья.
Коль «Сяо цзин» уразумеешь,
И коль «Сы шу» понять сумеешь,

34

Ты, как в роду усердный сын,
Начни штудировать «Лю-цзин».
Шесть книг: «Ши цзин», «Шу цзин», «Ли цзи»,
«И цзин», «Чунь цю» и «Чжоу ли», –

35

Привычно шестикнижьем звать –
«Лю цзин» – и должно изучать.
Каноны есть «Лянь шань», « Гуй цан»,
Урок премудрости в них дан,

36

Как и в трактате «Чжоу и»:
Три книги Перемен – «Сань и».

И Уложения, и Мненья,
И Грамоты, и Наставленья,

37

И Клятвы, как и Повеленья –
Нашли в «Шу цзине» отраженье.
Наш Чжоу-гун в большой чести,
Оставил труд нам «Чжоу ли»:

38

Шесть должностей ввёл для чинов,
Правленья формы – для верхов.
Умны Дай старший с младшим были,
В «Обрядах» смыслы уточнили;

39

Премудрых записи предали,
О музыке, о ритуале.
Суть «Нравы царств», «Кантаты», «Гимны»,
В веках потомками хранимы,

40

Глав четырёх стихотворенья
Достойны только восхваленья.
Лишь впасть пришлось «Стихам» в немилость,
«Весна и осень» вмиг явилась.

41

В ней – порицанье, похвала,
Добро отделено от зла.
Три существуют примечанья:
Гун-яна – первое писанье,

42

Второе – Цзо оставил нам,
А третье написал Гу-лян.
Смысл мудрых книг впитать умом,
Читать философов потом.

43

На пользу изучать трактаты,
В них замечать примеры, факты.
Вот пять философов – пять дум:
Чжуан-цзы, Вэньчжун-цзы, Ян-сюн,

44

Сюнь-цин, что сочинил «Сюнь-цзы»,
И именитый – Лао-цзы.
После Философов, Канонов,
Читать Истории резонно:

45

Нить поколений проследить –
Конец с началом разделить.

Фу-си, Шэнь-нун и Хуан-ди –
Глубокой старины Цари.

46

Им дали имя трёх Хуан,
Владыки мира – вот их сан.
Далёкой древности цари
Тан с Юем назывались Ди,

47

Друг другу уступали трон,
Вот благородство тех времён!
Из дома Ся был Юй, а Тан
Был выходцем из дома Шан,

48

Из Чжоу Вэнь и У – три клана:
От них и три Великих Вана.
Власть в Ся к сынам перетекала,
Империя фамильной стала.

49

Четыре сотни лет спустя
Пришла к закату эра Ся.
Ся низложил бесстрашный Тан,
Так появилось царство Шан.

50

Шан укреплял свою основу
Шесть сотен лет до вана Чжоу.
У-ван из Чжоу волей клана
Низверг с престола Чжоу-вана.

51

Аж восемь сотен лет – вот срок! –
Чжоуский дом престол берёг.
Лишь на Восток перенеслась
Столица Чжоу – пала власть.

52

Росли сумятица, раздоры,
Советники втянулись в споры.
С «Весны и осени» мытарства,
Секлись «Воюющие царства».

53

Явились в днях геройских оных
Семь царств, ещё – пять Гегемонов.
Средь них Ин-цинь-шы главным стал:
Все царства он к рукам прибрал,

54

На два колена власть простёр.
Затем Чу с Хань вступили в спор.

Закончил Гао-цзу ту брань,
Он основал, взяв власть, дом Хань.

55

Когда Пин-ди на трон взошёл,
То захватил Ван-ман престол.
Гуан-у с царства смыл позор,
Дом Хань Восточным стал с тех пор.

56

Четыре века – не чуть-чуть:
Хань при Сянь-ди закончил путь.
Меж У, Вэй, Шу спор не унять,
Делили Хань – шла рать на рать.

57

Года «Трёх царств» – война гордынь,
Её исход – два дома Цзинь.
Затем для Сун зажёгся день,
Его сменили Ци, Лян, Чэнь.

58

Домами Южными их звали,
Столицею – Цзинь-лин избрали.
И Северный был дом непрочный:
Два стало – Западный, Восточный.

59

Юй Вэнь – он Чжоу дал начало,
Дом Ци возрос по воле Гао.
Дом Суй, взвив знамя властелина,
Собрал все царства воедино.

60

Всего через одно колено
Дом Суй исчез в пучине тлена.
Из дома Тан был Гао-цзу,
Он смуте объявил войну,

61

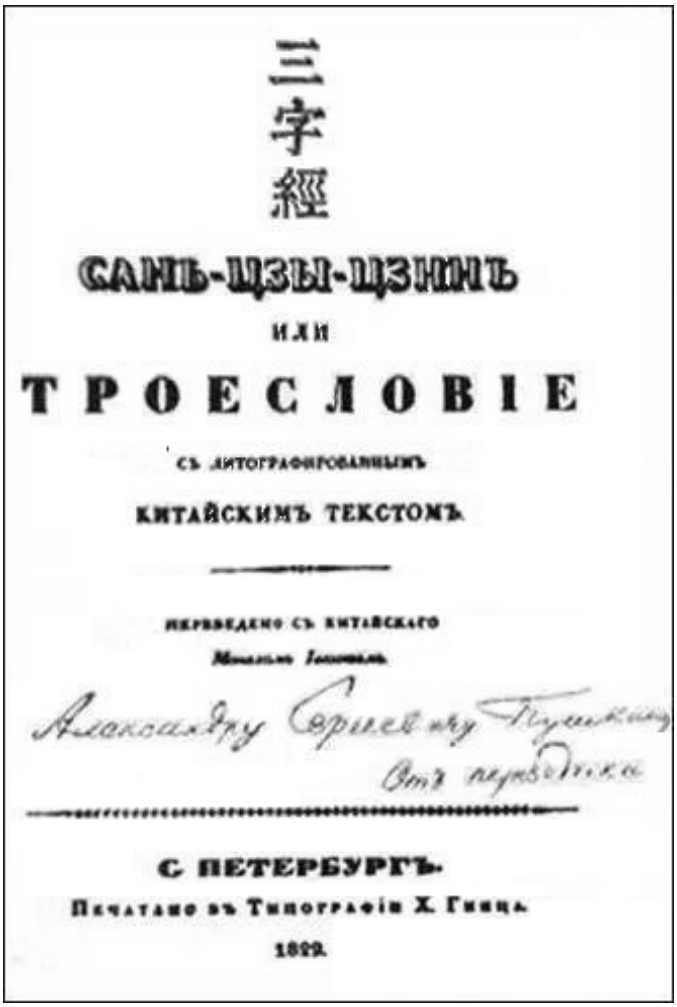
Преодолев врагов коварство,
На трон воссев, крепил мощь царства.
Три сотни лет дом Тан стоял,
Он двадцать Ванов повидал.

62

Низложен домом Лян дом Тан,
Трон к Вану перешёл другому.
Тан, Цзинь, Хань были после Лян,
И снова возродился Чжоу,

63

Их называли «пять династий»,
У каждой путь особый к власти.



三字經

САНЬ-ЦЗЫ-ЦЗИНЪ

или

ТРОЕСЛОВІЕ

съ литографированнымъ

КИТАЙСКИМЪ ТЕКСТОМЪ.

переведено съ китайскаго

Александру Сергеевичу Пушкину
Отъ переводчика

С ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи Х. Гинца.

1829.

Копия контртитульной страницы «Троесловия» с дарственной надписью Н.Я. Бичурина великому русскому поэту Александру Сергеевичу Пушкину.

Сун сильным стал, как вихрь огня,
Низверг чжоуского царя.

64

Осьмнадцать был колен Сун в силе,
Юг с Севером в сплоченьи жили.
Всего семнадцать здесь Историй
Приведены без многословий.

65

Содержат умиротворенье,
Упадок, смуту, возвышенье.
Читать Историю – стараться
На цифры, факты опираться.

66

И древность в пустошь лет не канет:
Как бы воочию предстанет.
Вслух текст читай, запоминай,
Пытливо в смыслы слов вникай,

67

С утра, от первых петухов,
И допоздна – ты будь таков.
Чжунни когда-то, помнят то,
Избрал учителем Сян То.

68

Дар мудрых древности особый:
Не знали устали в учёбе.
Министр Чжао, хоть и был
Чиновником, «Лунь юй» учил,

69

Все силы отдавал служенью,
Но прилежал ещё к ученью.
Вот камышовые рогожки,
Дощечки из бамбука вот –

70

До книг иероглифов дорожки
На них выписывал народ.
Себя за косы – и к стропилам,
Себе кололи бёдра шилом,

71

Хоть не было учителей,
Стремились сами быть мудрей.
При светлячках под тёмным небом,
При свете, отражённом снегом,

72

Недоедая, познавали:
Учиться не переставали.

Таская хворост за плечами
И ставя книгу меж рогами,

73

При трудностях не тушевались,
Ученья одолеть старались.
Су Сюню уж под тридцать было –
За двадцать семь перевалило,

74

Но разве это не отрадно:
Он за учёбу взялся жадно.
Хоть в старости и был у дел,
О днях упущенных жалел.

75

Ты, юный, на веку своём,
Подумай загодя о том.
А у Лян Хао мысль ясна
Была и в восемьдесят два.

76

Экзамены…, великий зал…,
Он средь учёных первым стал,
Экзамены завершены:
Соперники восхищены!

77

Шагая, юность, не забудь
Заранее наметить путь.
Цзу Ин уж на восьмом году
Читал стихи в своём роду.

78

Сражался в шахматы Ли Ми –
Ему и не было семи.
Молва за ними вслед бежала,
Их дарованье изумляло.

79

Вам, дети, знанья набирать,
Ми, Ину надо подражать.
Цуй-вэнь-цзи слава поджидала –
Игрой на гуслях удивляла.

80

В речах Се Даоюнь – журчанье:
Стиха напевного звучанье.
Вот, женщины! Облиты светом –
На зависть гуслярам, поэтам.

81

Ты, юный отрок, с малых лет
Стараньем множь авторитет.

Дом Тан был горд талантом ранним –
Дитём шести годов Лю Янем.

82

Он каждый иероглиф знал,
Ошибки в письмах исправлял.
Так в детстве получил возможность
Занять ответственную должность.

83

Учитесь, дети! Плод стараний –
Великий путь к вершинам знаний.
Старанье – знания царица,
Кто знает, тот и утвердится.

84

Собака ночью – щит селеньям,
Петух зарю встречает пеньем.
Как можно неучем остаться
И человеком почитаться?

85

Червь шелковичный шёлк даёт,
Пчела откладывает мёд.
Не учишься?! – Ты в дружной паре
С нелепицей и ниже твари.

86

В детских летах – познавайте,
В зрелых годах – исполняйте.
Царский порядок – шлифуйте,
Милость народу – даруйте!

87

Себя успехом не забавь,
Своих родителей прославь,
Деянья предков озари,
Потомству счастье сотвори.

88

Родители, сынов любя,
Им копят золото, а я –
Учу сынов чтить с малых лет
Священных книг глубинный свет.

89

Успех венчает прилежанье,
Рассеянность – к утратам путь.
Расчётлив, осторожен будь,
Упорство проявляй, старанье.

***

《论语》是儒家思想中的主要理论，包括汇集在权威的儒学经典－《十三经》里，它得力于若干世纪精神文化的形成和发展。

在11－12世纪时，《论语》的论文，《大学》和《中庸》与孟子所著的《孟子》（公元前4－3世纪）由中国官方确定为《四书》，这就把始于公元1世纪的版本作为经典规范确认固定。

《论语》现存文本共分为20个章节，本出版物是唯一在全世界以俄语的诗歌文体翻译，充满诗意的中华国学的论文，作者是Ｂ.П.阿布拉缅科。俄语的原稿科学翻译是由Ａ.Ｅ.卢基扬诺夫教授执笔。

***

《中庸》是儒家的哲学论文，最初是作为《礼记》两个章节的一部分。《礼记》大约从公元1世纪所确认作为独立的典范存在。在宋朝统治时期(960－1279)至1905年，一直包括在《四书》之内，是中国古典科举教育完备的基石。

《中庸》作者子思（公元前483年－公元前402年）是孔子的嫡孙，他把《论语》的思路补充

和发展为《中庸》，重点是对中华文明的基本设定，获取天下道德的国典特征。这是道义上设定的中华 － 天下的精神，其视野的价值在于道德的产生，因此儒学加强了"大道"理念，建立文化之道。提请读者注意的是《中庸》首次以俄语诗文的形式出现，这富有诗意的本书翻译提供给读者的是Б.П.阿布拉缅科，而原稿的科学翻译是来自于А.Е.卢基扬诺夫教授。

***

《三字经》是700年前南宋王朝统治时期(1127－1229年) 确立的人的行为规范，专著的作者是王应麟 (1223－1296年)，在俄罗斯翻译成为俄语的创始人是俄国著名汉学鼻祖Н.Я.比丘林，他在1829年单独出版了俄语版的《三字经》。汉学家Н.Я.比丘林认为这是"简明扼要的儿童百科教育全书"，书中揭示的基本原理共同设计了中国对于儿童、青年文明教育计划的提高教程。联合国教科文组织认为《三字经》是 "世界图书馆儿童道德教育的珍贵营养品"，给予国际人道主义价值观的充分肯定和极高地位的评价。《三字经》诗意文体的翻译作者是Б.П.阿布拉缅科，完成汉语原文翻译的是Н.Я.比丘林(1829年)。

***

«Lun yu» («Judgments and Conversations») as a major treatise of Confucianism is included in the most reputed collection of Confucian written heritage – the «Shi san jing» («Thirteen Canons»), which for many centuries had been forming the spiritual culture of Chinese people. In the 11th and 12th centuries A. C., the «Lun yu», together with such treatises as «Da xue» («Great Teaching»), «Zhong yong» («Following the Mid-Way») and «Meng-zi» (entitled by the name of its author, Meng-zi – a Chinese philosopher of the 4th–3rd centuries B. C.) were singled out intp the vault of «Si shu» («Four Books»). The official revision of «Lun yu», prepared tentatively in the same period on the base of the textual editing by Zhang Yu, was canonized in the 1st century A. C. The text of «Lun yu» (the Qi version), which survived until now, is divided into 20 chapters. Represented in this edition, the full poetical translation of the «Lun yu» treatise into Russian is unique to the world Sinology, and was performed by V. P. Abramenko on the base of the academic translation (manuscript) by A. E. Lukyanov.

内容提要

***

«Zhong yong» («Following the Mid-Way»), a Confucian philosophical treatise, initially had been a two-chapter part of «Li ji» («Notes on the Norms of Behavior») and later on (approximately since the 1st century) was mentioned as an independent work. In the period of Song dynasty rule (960 – 1279), this treatise was included in the vault of «Si shu» and until 1905 served one of the platforms for the Chinese education. Traditionally, the authorship of «Zhong yong» is ascribed to Confucius grandson Zi Si (around 483 – 402 B. C.). The treatise of

«Zhong yong» specifies, supplements and develops the ideas of «Lun yu». Focusing on the principal postulates of the Celestial civilization, «Zhong yong» acquires the features of its moral anthem and somehow sets the moral horizons and intellectual values of the Chinese spirit. That is how Confucianism fixes its ideas in the macrocosm of the Tao culture.

In the book being offered to readers attention, the «Zhong yong» treatise is narrated in the poetical form. Its poetical translation by the author of the given book is based on the academic translation (manuscript) by Prof. A. E. Lukyanov.

***

The canon of «Sanzi jing» («The Three Words») was written over 700 years ago, in the period of Southern Song dynasty (1127 – 1229). The authorship of this treatise is ascribed to a man of learning Wang Yinlin (1223 – 1296). «The Three Words» was translated into Russian by the founding father of Russian Sinology N. Ya. Bichurin and published as a separate book in 1829. Characterized by N. Ya. Bichurin as «a concise encyclopedia for children», the «Three Words» discloses the fundamental guideline of the Chinese educational program – i.e., the moral and spiritual perfection of youth on the basis of the archetype of the Tao-De national culture. It was not at all without a reason that UNESCO included «The Three Words» into the «World-Wide Library for Moral Education of Children» and thus conferred it with the status of a work of international pedagogical importance.

Presented in this book, the poetical version of «The Three Words» has been written on the base of the text as narrated by N. Ya. Bichurin in the «Sanzi jing» treatise.

Научное издание

Китайская философская классика в поэтических переводах

Том 2

ЧЖУН ЮН
中 庸

ЛУНЬ ЮЙ
論 語

САНЬ ЦЗЫ ЦЗИН
三 字 經

Поэтический перевод
Владимир Петрович Абраменко

Главный редактор *А.Е. Лукьянов*
Художественное оформление, макет *В.П. Абраменко*
Компьютерная вёрстка *В.П. Абраменко*

Подписано в печать 10.05.2017. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$
Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Бумага офсетная. Тираж 700 экз.
Заказ №

Российская Академия Наук
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока РАН
117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32

Отпечатано в «ИПЦ "МАСКА"»,
тел.: 8(495) 510-32-98
www.maska.su, e-mail: info@maska.su